

Ep. 6.7
649

ISSN 0136-3549

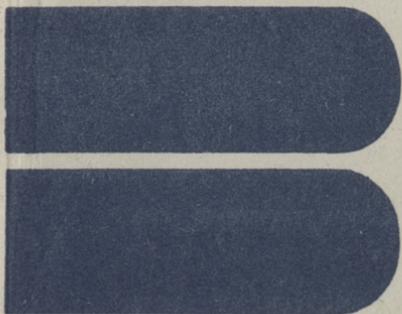
0320-3409

TALLINNA
POLÜTEHNILISE INSTITUUDI
TOIMETISED
649

ТРУДЫ ТАЛЛИНСКОГО
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА

ТРИ
'87

ГОРОД И РЕГИОН:
ВОСПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ
ПРОЦЕССЫ

Ер. 6.7

649

**ТРИ
'87**

TALLINNA POLÜTEHNILISE INSTITUUDI TOIMETISED

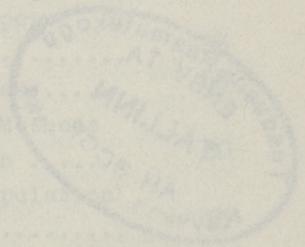
ТРУДЫ ТАЛЛИНСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

УДК 711.433:314.316

ГОРОД И РЕГИОН:
ВОСПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ
ПРОЦЕССЫ

Труды экономического факультета LXIV

Таллин 1987

TALLINNA POLÜTEHNILISE INSTITUUDI TOIMETISED**ТРУДЫ ТАЛЛИНСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА**

UDK 711.433:314.316

●
URBAN
AND
REGIONAL
DEVELOPMENT:
REPRODUCTIVE
APPROACH

Department of Economics. Proceedings LXIV

Tallinn 1987

С о д е р ж а н и е

Введение	4
1. М. Павельсон. Социально-экономические различия и развитие городов	9
2. Т. Кюммель. Некоторые тенденции развития таллинской агломерации	35
3. К. Катус. Изменения в миграции 80-х годов.....	56
4. А. Пуур. Использование демографических методов в исследовании занятости.....	80
5. А. Викат. О брачности населения Эстонской ССР..	95
6. А. Орг. Формирование новой рабочей силы в территориальном комплексе образования.....	104
7. К. Паадам. Дифференциация городской среды социализации поколений.....	127
8. Э. Мюлла. К вопросу о формировании диспозиционной структуры личности подростков в городской среде.....	145

C o n t e n t s

Preface	4
1. M. Pavelson. Socio-Economic Differences and Urban Development	9
2. T. Kümmel. Some Tendencies in the Development of the Tallinn Agglomeration	35
3. K. Katus. Migration Development in 1980ies	56
4. A. Puur. The Application of Demographic Methods in the Study of Labor Force Participation	80
5. A. Vikat. About the Nuptiality of the Population of the Estonian SSR	95
6. A. Org. The Formation of Young Labor Force in a Territorial Complex of Education	104
7. K. Paadam. Differentiation of the Urban Socialization Environment of Generations	127
8. E. Mülla. Towards the Formation of Dispositional Structure of Adolescent's Personality in Urban Environment	145

ВВЕДЕНИЕ

Город представляет собой концентрацию, тугой узел экономических, социальных, демографических отношений между субъектами разного вида и уровня иерархии. Каждый такой "узел" несет печать индивидуальности, воспроизводится в условиях исторически сложившегося региона как целостный социальный организм. Неравномерность и специфика регионально-го развития детерминируют содержание конкретного этапа или фазы развития того или иного города. Это то особенное, что необходимо учитывать в прикладных исследованиях, специально изучать, как глобальные процессы урбанизации преломляются в условиях конкретного региона. Общеформационными схемами развития общества здесь обойтись трудно, особенно когда регионы находятся на разных этапах индустриального или демографического развития.

Таллин – один из региональных центров высокоурбанизированного Прибалтийского региона, переживающий переход от стадии экстенсивного (индустриального) роста к стадии интенсивного развития в качестве воспроизводственного центра своего региона. Курс на интенсификацию развития актуален для всех городов, но для таких центров как Таллин – это застаревшая болезненная проблема, радикально решать которую мы приступаем только сейчас, в условиях перестройки. Все условия для перехода к новой стадии развития, качественного обновления городского организма созрели внутри региона лет десять тому назад и, как показывают повторные исследования, искусственная задержка дорого обходится обществу. Диспропорции, несбалансированность производственного и воспроизводственного потенциалов города включили цепную реакцию саморегулятивных механизмов стабилизации, перевели многие жизненно важные для города процессы в латентную фазу развития, обусловили болезненные теневые процессы как в экономической, так и в демографической и социальной сферах.

Все это лишний раз говорит, что любой "ведомственный монополизм", даже если он "многофункционален", объективно подрывает воспроизводственные механизмы города, угрожает нормальному развитию семьи, соседства, корпоративных и

этнокультурных общностей, интернациональных ассоциаций. Тем самым подрывается своя собственная основа, среда, в которой должен произойти качественный скачок к интенсификации производства.

Разобраться в этих коллизиях - наша прямая задача, выполнение которой на материалах такого урбанизационно продвинутого города как Таллин позволит лучше диагностировать особенности и фазы развития других крупных городов. Прикладным эффектом исследований надо считать и осмысление новых условий для нужд радикальной реформы системы территориального управления: территориальный хозрасчет, переход на управление агломераций, широкое развитие местного самоуправления и т.д.

Настоящий сборник является вторым по очередности в серии публикаций по итогам многолетних исследований лаборатории исследования города при ТПИ, где основное внимание будет обращено на введение в научный оборот новых эмпирических данных, что не исключает попыток их теоретического обобщения и критики коллег. Планируется участие исследователей из других центров, с которыми сотрудники лаборатории находят в тесных творческих контактах. Возможна тематизация того или иного сборника в аспекте экономики, демографии или социологии, что зависит от текущего состояния развернутых исследовательских программ.

Редколлегия

PREFACE

The city is characterized by the concentration, i.e. the tightened node, of economic, social and demographic relations between the subjects of different types and stages of hierarchy. Every single one of these nodes bears the seal of individuality being reproduced under historically formed regional conditions as an entire social organism. The essence of certain developmental stages and phases of one or another city is determined by the inequality and specific features of regional development. This is the particular aspect that should be taken into account in the applied studies. The refraction of the global processes of urbanization under the certain regional conditions should have a special treatment. Hence, one cannot manage with merely general formational patterns of social development, especially, if the regions lie at different stages of industrial or demographic development.

Tallinn, one of the centres of the highly urbanized Baltic region, lies at the stage of transmission from the extensive (industrial) growth to the intensive development as a regional centre of reproduction. The course towards the intensified development is topical for all the cities but for the centres like Tallinn it has become an outdated and painful problem. It was not before the present conditions of perestroika that we got down to give this problem a radical solution. All the conditions for the transmission to the new stage of development, qualitative renovation of an urban organism, matured inside the region about ten years ago. Recurrent investigations have given evidence of the high price the society had to pay for such an artificial restraining. The disproportions, the unbalanced state of the city in respect of its production and reproduction potentials, started a chain reaction of self-regulating stabilization mechanisms. They transferred a lot of processes indispensable for the city to the latent phase of development,

conditioned ailing concealed processes in the economic, demographic and social spheres of development. Everything referred to above stresses once again that any kind of "institutional monopoly", regardless of being multifunctional, objectively subverts the urban reproduction mechanism. It also menaces the normal development of family, neighborhood, corporative and ethno-cultural communities, international associations. Alongside, its own basis, the environment, where the qualitative spring towards the intensification of production has to take place, becomes subverted.

In our view the scientists' direct task is to comprehend the existing collisions. Making use of the data basis available on such an urbanly advanced city as Tallinn enables to make a somewhat more authentic diagnosis about the peculiarities and stages of development of other cities. The interpretation of the new conditions set for the radical reformation of the system of territorial management should also be considered as a practical effect of the study: local marketing relations, the transmission to the agglomeration management, the widespread development of local self-management etc.

The present collection of papers continues a series of publications concerning the long-time research work at the Tallinn Laboratory of Urban Research. The principal attention will be paid to introducing new empirical data into scientific treatment which will not exclude the possibility of their theoretical generalization and the criticism of colleagues. In our opinion it would be to the advantage of the future editions if scientists from other research centres with whom we are in close creative relations were also among the authors. Further more, we regard it possible to differentiate the coming editions by the guiding subjects like economy, demography and sociology dependently on the current state of the research programs unrolled.

The Editors

I. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ И РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ

Под урбанизационным процессом подразумевается концентрация населения в городах как следствие концентрации производства и соответствующие формирование и рост городов как носителей специфического "городского" образа жизни, различного от традиционного, т.е. сельского уклада жизнедеятельности. Разные авторы акцентируют отдельные аспекты урбанизации. Выделяются узкий и широкий смысл понятия – в узком смысле урбанизация трактуется как рост городов и повышение их роли в жизни страны, в широком смысле – концентрация, интенсификация и дифференциация городских функций, формирование новых форм и пространственных структур расселения и распространение городского образа жизни (Пивоваров, 1976, с. 15–16) [8].

Урбанизация рассматривается как конкретно-исторический процесс, который вызывается объективной необходимостью концентрации экономической и духовной деятельности (Степаненко, 1981, с. 18) [11]. Под урбанизацией понимается процесс повышения роли городов в жизни страны, района и т.д., что внешне выражается как рост доли городского населения (Покшишевский, Гохман, 1967, с. 151) [7].

На фоне экономических и социальных изменений в системе расселения выделяются основные формы проявления урбанизационного процесса, протекающего в рамках общественного и территориального разделения труда, обусловившего и разделение труда между городом и деревней (Хорев, 1975, с. 63) [12]. Город становится отправной точкой развития истории, ибо "капиталистическое производство, постоянно увеличивая перевес городского населения, которое это производство скопляет в крупных центрах, накапливает тем самым ... историческую силу движения общества вперед" (Маркс, с. 514) [1].

Наряду с экономическими и социально-экономическими признаками используются и социальные критерии урбанизации. Урбанизация определяется как процесс концентрации общения между людьми (Ахиезер, Коган, Яницкий, 1969) [2]. Акцентируется городской образ жизни как ведущий критерий урбанизованности (степени урбанизации), как одна из "сквозных" категорий, позволяющих устанавливать связь между процессами и сущностями разного порядка (Яницкий, 1975, с. 132) [3]. Подчеркивается формирование специфической "городской среды" с ее нарастающим разнообразием как сложной иерархии узлов общения, различных по значению, структуре и способу включения в общество (Яницкий, 1972, с. 69-69) [4].

Из вышеизложенного можно вывести, что урбанизация выражается в росте численности городского населения, в формировании характерных городам социально-экономических условий жизнедеятельности населения и соответствующего его социального поведения. Основой урбанизационного процесса выступает развитие производительных (материальных и духовных) сил общества, их размещение (концентрация) и структура.

Если концентрация производительных сил влечет за собой возникновение и рост городов, то структура производства в них формирует основу социально-профессиональной и собственно социальной структуры населения города. Отсюда вытекает, что не урбанизация, как таковая, определяет качество (состав) населения, классовые и групповые отношения в городах, а развитость (структура и состояние) производства при определенных производственных отношениях. Также надо учитывать, что социальная структура населения "производится" на различных исторических этапах по-разному. На этапе возникновения и роста городов она формируется как следствие размещения производства, на этапе собственно их развития - как результат функционирования как производства, так и самого города.

Город выступает как территориальная подсистема общества. Различные типы городов в обществе формируются как региональными связями детерминированные разновидности модели данного общества. Это значит, что простор роста производства для развития конкретного города и совершенствования ка-

чества его населения определяется не только уровнем развития производительных сил общества и создается в условиях определенных общественных отношений, но и уровнем (стадий) развития регионов, окружающих и "опирающих" город.

Урбанизационный процесс как следствие развития производительных сил является общим для всех производственно развитых систем, в то же время городская среда в ее связи с населением конкретных городов сильно различается. Различны по своему содержанию и направленности и взаимосвязи между городом и регионом. Любой город развивается во взаимосвязи с определенной территорией, на которой он расположен. Эти связи по своему характеру материально-вещественные (обмен ресурсами, благами и материальными услугами), социальные, в т.ч. миграционные (обмен человеческим ресурсом), информационные (обмен информацией).

Содержание и направленность связей между городом и регионом зависят от степени социально-экономической развитости региона и соответствующего распределения функций между городом и его хинтерландом. Даже одинаковые региональные связи, обуславливающие сходность урбанизационного цикла (историко-экономического этапа урбанизации) и сравнимую величину города, при равных степенях концентрации и структуры производительных сил, под воздействием общественных факторов, и в первую очередь, производственных отношений, могут повлечь за собой совсем неодинаковые связи внутри города и различную его способность к дальнейшему развитию.

Территориальные социально-экономические условия и в рамках одной социально-экономической системы неодинаковы, так же как различен уровень развитости производительных сил. В связи с этим разные территории находятся на различных стадиях урбанизационного процесса. В СССР ряд регионов (Европейская часть РСФСР) по уровню (степени) урбанизации превосходит другие. Что касается Прибалтийских республик, в особенности Латвийской и Эстонской ССР, то здесь находится один из самых высокоурбанизированных регионов. Главным детерминантом урбанизационного процесса является уровень развития производительных сил. Тем же определяется комплекс социально-экономических характеристик не только городов, но и сельской местности. Можно предполагать, что на этапе раз-

вития территориальных связей, когда социально-экономические условия жизнедеятельности в городах и хинтерланде приближаются друг к другу, происходит стабилизация урбанизационного процесса. Первыми признаками стабилизации урбанизационных процессов в Эстонской ССР (на примере Таллина) — наблюдаются выравнивание встречных миграционных потоков, стабилизация миграции на достаточно высоком уровне подвижности (Катус, Саккеус, 1986)[4], а также рост численности и стабилизация миграции сельского населения в республике.

Данные явления, разумеется, не могут одновременно вывиться на всех территориальных подсистемах общества, ибо различаются исторические предпосылки и экономическое развитие во времени. Из этого следует, что выравнивание территориальных условий как самоцель развития общества на является уже обоснованным, речь может идти о равных возможностях к развитию. Использование же, претворение этих возможностей в реальность зависит от достигнутого уровня, способности и поставленных этапных целей развития, которые для различных регионов не могут быть одинаковыми.

Так же как различны между собой регионы, неодинаковы и города. Рост одних городов может быть вполне оправдан, других же, наоборот, необоснован. Города, равные по численности населения, могут вести различную социальную жизнь, похожие формы социального поведения жителей различных городов могут детерминироваться неодинаковыми факторами. Таким образом, проблема заключается в типологии городов как необходимой составляющей концепции городского развития.

Различные подходы к типологизации регионов и городов — географические, экономико-географические и экономические — исходят из соответствующих этим дисциплинам критериев. Менее разработаны, на наш взгляд, социальные критерии типологии города. Поэтому и социологи-урбанисты вынуждены использовать подходы других научных дисциплин, применяя в качестве критериев дифференциации величину города (численность населения), его функциональную направленность (моно- или полифункциональность), административный статус, "возраст" города и др. Если речь идет об условиях и образе жизни, то дифференцирующая роль их ограничена. Как показывают наши обследования, различия в состоянии и "по-

ведении" городов обусловлены еще рядом факторов, прямо или опосредованно действующих на городской организм. Материал основывается на эмпирическом исследовании г. Таллина за 1975–1986 годы и всесоюзном исследовании 14 городов СССР по программе "Социальная структура городского населения".

Результаты изучения 14 городов СССР опубликованы в ряде работ (например, Аитов, Кирх, 1985 и др.) [10]. Лаборатория ТПИ по исследованию города участвовала в этом проекте с целью изучения объективных данных по состоянию этих же городов. Так как статистическая информация по выборке (городов) оказалась далеко не полной, применялись экспертные оценки. В группу экспертов входили специалисты и руководители соответствующих городов, которые представили стандартизованные данные по условиям жизни и параметрам процессов городского развития, а также оценили состояние своего города по уровню развитости отдельных сфер жизнедеятельности.

Первый наш вывод заключается в том, что величина города (численность населения) не играет ведущей роли в качестве дифференцирующего фактора условий жизнедеятельности городов. Одинаковой численностью населения города, входящие, например в группу – большие города (население от 100 до 500 тыс. чел.) входят из выборки по стране города Гурьев, Саранск, Таллин, которые явно находятся в различных исторических, экономических и природно-климатических условиях.

Что может быть общего в их развитии?

С этой целью города изучались по экспертным оценкам. Анализ велся по блокам показателей: демографические данные (темпы роста численности населения, данные по естественному и механическому приросту, возрастные и образовательные структуры населения, средний размер семьи, национальный состав), показатели развития экономики и культуры, жилищные условия в их динамике, а также выделились самые острые и менее острые диспропорции и проблемы развития городов, если они фактически существуют.

Динамика демографического развития показывает, что величина города и темпы роста их населения тесно не связаны. – экстенсивный рост характерен для городов больших и малых, определенное торможение роста населения характерно лишь

миллионному городу (Горький, темп роста за год на уровне I %), высокие темпы прироста характерны всем новым городам (Саяногорск, Капсукас) и городам, находящимся в регионах с традиционно высокой рождаемостью (Токмак Киргизской ССР, Саранск Мордовской АССР). С величиной города коррелирует естественный прирост населения: в крупных городах он меньше и обнаруживает тенденцию к дальнейшему сокращению (миллионный город Горький 3,0 %, Хабаровск 7,7 %, Таллин, входящий по величине в следующую группу, менее крупных городов 4,7 %).

Рост их численности населения идет в основном за счет механического прироста. В то же время в более урбанизованных районах естественный прирост ниже, население заметно стареет и в больших и малых городах. Демографические процессы, по сравнению с процессами внутреннего развития городов более самостоятельны, характеризуют прежде всего не город, а регион в целом и воздействуют на рост городов через территориальные связи обмена населения и свойственного ему репродуктивного поведения.

Различаются ли условия жизни больших и малых городов? Экспертные оценки показывают, что крупные города более обеспечены учреждениями культуры, в них выше образовательный уровень населения. В то же время проблемы, стоящие перед городами схожи — в разных по величине городах намечается отставание социальной инфраструктуры от темпов развития производства, нехватка жилья, перегруженность городского транспорта. Общими острыми проблемами для всех крупных городов является организация торговли (особенно продтоварами) и состояние окружающей среды. Чем больше по территории город, тем острее проблемы городского транспорта. Однако обеспеченность транспортом — узкое место не только крупных городов. Оно является самым важным недостатком организации городской среды и в средних городах, где значительная доля жителей проживает на окраине.

В крупных городах (Хабаровск, Горький) 21 % из занятых требует на дорогу к рабочему месту больше часа (24 % использует 2-3 вида городского транспорта и лишь одна пятая часть ходит на работу пешком). В средних же городах (Токмак, Нефтекамск) доля работающих, имеющая путь на мес-

та работы свыше часа, такая же (20 %), транспортная сеть там менее развита, и лишь 14 % имеет возможность пользоваться 2-3 видами транспорта. Неудовлетворенность экспертов с транспортными условиями в обеих группах выше среднего и транспортная проблема в рассматриваемых городах считается крайне острой.

Сходная ситуация и с другими объектами городской инфраструктуры. Среди больших городов встречаются города, где больше половины жителей вообще не пользуется услугами сети бытового обслуживания — например, Гурьев, где больше трети населения живет на частной жилплощади, доля жителей окраин превышает все другие города как данной группы, так и средних городов. В то же время в Таллине, в котором численность населения такая же, лишь 11 % населения не пользуется бытовыми услугами и 7 % услугами предприятий общепита. Однако и в Таллине нельзя считать бытовое обслуживание и (районный) общепит соответствующими потребностям, даже исходя из градостроительных норм, которые, как известно, не учитывают различную структуру потребностей и достигнутый уровень их насыщенности.

Итак, величина города как такова мало влияет на социально-экономические условия жизнедеятельности населения, особенно в аспекте их соответствия потребностям людей. Поэтому типологизация городов не может опираться на численность населения как дифференцирующий признак качества городской среды, и как можно предполагать, не является фактором, объясняющим различия в городском образе жизни.

2. Новые и старые города: потребности и возможности

Наряду с величиной (численность населения) города более сильное воздействие на степень урбанизированности образа жизни оказывает возраст города. В старых и новых городах различен состав населения — доля коренных жителей, как правило, выше в старых городах; темпы роста интенсивнее в новых городах; различны и характер застройки, и внешний облик города. В зависимости от качества планировки и строительства новые города выделяются более современной строительно-архитектурной средой. В нашей выборке городов

представлены 3 новых города: Капсукас Литовской ССР, Сибирский город Саяногорск, которых в 1970 г. не существовало, и Нефтекамск Башкирской ССР, который возник несколько раньше. Все они характеризуются высоким общим коэффициентом рождаемости и сравнительно высоким естественным и механическим приростом. Капсукас, размещенный в высоко урбанизованном Прибалтийском регионе, имеет самый низкий показатель естественного прироста (но по сравнению с Таллином, старым городом этой же территории, выше в два раза), и характеризуется быстро уменьшающимся механическим приростом. Саяногорск выделяется пока еще высоким, но быстро сокращающимся естественным приростом при интенсивном обороте населения, Нефтекамск же имеет довольно высокие естественный и механический приросты населения — если Капсукас воспроизводит свое население наполовину за счет естественного, наполовину за счет механического прироста, то в темпах роста численности населения механический прирост в два раза выше естественного, который более чем в 3 раза выше этого же прироста в крупных (старых) городах. По сравнению с городами Нефтекамском и Саяногорском, население Капсукаса старше, доля жителей пенсионного возраста в его населении в два раза выше и приближается к уровню, достигнутому крупными городами и старыми центрами высоко урбанизированных районов (например, Таллин). Таким образом, новые города, в зависимости от их размещения, по-разному развиваются в демографическом плане, что зависит от контингентов пополнения их населения (очагов миграции), различно и их дальнейшее воспроизводство населения (Капсукас и Нефтекамск).

Каковы же основные признаки городской среды городов-ровесников и городов-разногодок? По объективным данным самые существенные различия наблюдаются в качестве жилья — к началу 1982 года в новых городах Нефтекамске и Саяногорске соответственно 97 и 92 % квартир имели центральное отопление (исключение составил лишь Капсукас, где доля общественного жилфонда не превышала 2/3). В новых городах идет интенсивное жилищное строительство, повышается доля удовлетворенных своими жилищными условиями. Самые высокие оценки этим условиям даны по данным опроса жителями новых (средних) городов (на шкале -I до +I Нефтекамск +0,19;

Капсукас +0,09) миллионного города Горький (+0,12) и старыми, более благоустроенными городами: Таллин (+0,11), Гурьев (+0,06). Менее других удовлетворены жильем жители старых, менее устроенных городов, в зависимости от их величины (Саранск - 0,07, Долматово - 0,04).

Как показал опрос жителей всех изучаемых городов, удовлетворенность жильем на различных этапах развития городов детерминируется уровнем потребностей населения; при этом в большинстве случаев самый действующий фактор удовлетворенности - качество жилья. Так, например, в Таллине средний размер жилплощади на душу населения почти в 2 раза выше, чем в Нефтекамске и Капсукасе (16,6 м² общей площади против 8,3 и 9,0), уровень же удовлетворенности такой же или даже ниже. В городах, где доля неблагоустроенного жилья намного выше чем в новых городах, и где к тому же недостаточно жилплощади на одного жителя (Саранск), резко снижается и удовлетворенность. В крупных городах (Хабаровск, Горький) - доля неудовлетворенных квартирными условиями ниже среднего, ибо и там (как в новых городах) степень благоустроенности квартир и обеспеченность жилплощадью лучше (Хабаровск: 87 % из квартир с центральным отоплением, 14,2 м² на душу населения, Горький: 87 % из квартир с центральным отоплением, 13,2 м²). Таким образом, жилищные условия лучше в крупных и новых городах, значительно хуже в старых больших городах. Относительно хорошими считаются условия и в малых (старых) городах, где доля жителей, проживающих на частной площади, составляет от 30 до 50 % и где образ жизни более похож на сельский, чем на "городской". В этих городах доля квартир с удобствами не превышает половины (в Куртамышле лишь 19 %).

Как показывают исследования потребностей и ориентации населения г. Таллина, наличие нового жилья связано и с более активным потреблением бытовых услуг. Данные по другим городам подтверждают эту связь. Но в некоторых новых городах по сравнению с крупными и старыми, более развитыми (центры урбанизованных территорий) формирование сети обслуживания сильно отстает от потребностей населения. Так, 46,3 % жителей Саяногорска не пользуются учреждениями бытового обслуживания - в то же время среди жителей Капсукаса таких лишь 4 %, Раквере Эстонской ССР 9 %, Таллина 11 %.

По данным опроса, комплекс обслуживания целиком не соответствует запросам населения и в крупных городах, где почти треть населения вообще не пользуется бытовыми услугами.

Экспертные оценки указывают на специфические "инфраструктурные" проблемы всех новых городов — это нехватка больниц и детских учреждений, отсталость городского транспорта и недостаточные возможности профессионального обучения. В то же время эти города еще не столкнулись с проблемами, связанными с наличием большой доли старых и пожилых людей (социальное обеспечение), относительно лучше в них организована торговля, благополучно со школами и культурными учреждениями.

Старые, более развитые, а также крупные города, имеют ряд общих проблем — это состояние окружающей среды, торговля, социальное обслуживание старых людей, а также квартирный вопрос, несмотря на более высокую обеспеченность жильем. Чем старше город, тем больше требуется средств и строительных мощностей на ремонт и обновление города. Именно здесь возникают проблемы регенерации коммунального хозяйства, сбалансирования темпов нового строительства и сохранения — реставрации старого жилого фонда. Весьма остра эта проблема для Таллина, хотя эксперты указывают на нее и в Саранске, Хабаровске и других городах. Жилищный вопрос актуализируется в тех старых городах, где механический прирост сильно превышает естественный — косвенным показателем состояния трудовых ресурсов и потребности в жилье является доля проживающих в общежитиях.

Доля их больше в крупных городах — 8–10 % из всего населения, в малых и средних их намного меньше. Чем больше миграционный поток, тем больше строится общежитий.

В то же время количество "временного" жилья тем больше, чем больше ведомств и предприятий занимается привлечением рабочей силы извне города. Примером такого положения служит Таллин, где каждый десятый житель проживает в общежитии и где за последние 6 лет количество мест (и проживающих) в общежитиях возросло в 2,5 раза. В этих городах остается потребность в жилье актуальной до тех пор, пока не будет решена проблема интенсивного использования трудовых ресурсов. Направленность миграции рабочей силы извне горо-

да (и территории) влечет за собой возвышенную потребность в жилплощади, а также чрезмерный рост города, сопровождающийся отставанием социальной инфраструктуры в целом.

3. Региональные связи и функции городов

Город не является закрытой системой. Возникновение городов связано, в первую очередь, с развитием производства, поэтому одной из главных функций города — производственная. Городское производство реализует задачи города в едином народнохозяйственном комплексе, через него определяет роль города в общественном производстве. Город как производственная система производит не только и даже не главным образом для себя, но для систем более высшего ранга — республики, экономического района, общества в целом.

Таким образом, город взаимосвязан с обществом и его территориальными подсистемами через производственные функции. Воспроизводственный цикл продукта, произведенного в городе, не ограничивается рамками его территории — производя для общества, город получает ресурсы (сырье, материалы, средства производства) от других регионов, происходит постоянный межтерриториальный обмен ресурсами и продуктом. В то же время некоторые производственные ресурсы имеются (создаются) и потребляются на месте: вода, земля, рабочая сила. Если на этапе возникновения города его хинтерланд снабжает его трудовыми ресурсами, продовольствием и сельскохозяйственным сырьем, то на следующих этапах роста город все больше вынужден опираться на собственные ресурсы, в частности, на ресурс "рабочая сила". Отсюда вытекает необходимость воспроизводства рабочей силы, цикл которого все больше замыкается территориальными (городскими) рамками. На территориях, где сельский хинтерланд городов в результате выравнивания социально-экономических условий развивается более быстро, приток работоспособных в города сокращается. В высокоурбанизированном Прибалтийском регионе, например, эта тенденция уже наблюдается: в качестве поставщика новых рабочих рук большим городам их собственный хинтерланд теряет прежнее значение.

В этом плане весьма показательным является изменение структуры очагов миграции г. Таллина. Если в послевоенные годы глав-

ным источником трудовых ресурсов был свой хинтерланд (сельские районы Эстонской ССР), то уже в 60–70-ых годах в качестве основного источника пополнения трудовых ресурсов города стали мигранты из соседних республик (Саккеус, 1984) [9]. В настоящее же время все сокращающиеся миграционные потоки исходят главным образом из городов более отдаленных (2/3 из всей миграции – внереспубликанская, городское население).

В условиях общего сокращения прироста трудовых ресурсов сильно изменяются и возможности роста крупных городов, которые по своим условиям жизни до сих пор положительно выделялись и имели притягательную силу для населения социально-экономически отсталых регионов.

В связи с этим резко повышается роль воспроизводственной функции города, его способность к сохранению и совершенствованию имеющихся и воссозданию новых трудовых ресурсов. На данном этапе часто и ставится вопрос о сокращении его роста, ибо к этому времени отчетливо проявились диспропорции предыдущего этапа развития, выражающиеся в отставании социальной инфраструктуры, в неравномерности развития отраслей городского хозяйства, в нарушении режима воспроизводства совокупной рабочей силы.

Воспроизводственная функция всех (территориальных) систем, их развитие равнозначно воспроизводству системы в ее качественном росте, воссозданию (социальных) ресурсов дальнейшего развития. Поэтому реализация воспроизводственных функций городов предполагает соответствующую стратегию развития, направленную на оживление отсталых отраслей городского хозяйства, на сбалансированное развитие пространственной среды города, на формирование оптимального режима воспроизводства рабочей силы, на качественный рост социального ресурса городской общности.

При изменяющихся региональных связях (сокращение миграции из хинтерланда, уменьшение роли города как обслуживающего центра в связи со сближением уровней благосостояния городских и сельских жителей) меняются функции города и хинтерланда: город, производя собственный социальный ресурс, во все возрастающей мере становится производителем новых знаний, технологий и духовной культуры, хинтерланд же, освободив город от перегрузки производственными функциями и людьми, превращается в урбанизированную агломерацию, до-

ставляющую городу и возможности рекреации и включения горожан в сельскохозяйственное производство.

Наблюдаемые за последнее время тенденции урбанизированных регионов страны к стабилизации численности населения в городах, связываются с изменением территориальных связей, происходящимся на основе социально-экономического развития села и повышения материального благосостояния населения сельского хинтерланда. Неравномерное развитие отдельных территорий страны не позволяет в настоящее время говорить об общей тенденции стабилизации урбанизационного процесса. В то же время можно предполагать, что урбанизация в виде роста городов не является вечным процессом, и ее динамика детерминирована социально-экономическими условиями региона, где находится город. В то же время, интенсивный оборот населения между разными городами указывает на различия в условиях самих городов, воздействующие на их способность и к росту и развитию. "Переливание" населения малых в средние города, из средних в более крупные, на наш взгляд, менее связано с размером города, чем социально-экономическими условиями жизнедеятельности в них.

Как уже отмечалось, размер города не определяет весь комплекс условий жизни. Намного действеннее является степень его развития, сильно детерминированный региональными связями. Если географическая типология городов классифицирует города по численности населения, то экономико-географическая преследует критерий функциональной ориентации городской экономики.

Большинство старых (и крупных) городов — это многофункциональные города (с точки зрения их производственных задач в едином народнохозяйственном комплексе). Их потребность в работающих намного многообразнее по сравнению с монофункциональными городами и отсюда вытекает и более разнородный социальный состав населения.

В то же время связь результатов производственной деятельности с условиями жизни в городе самая прямая, а возможности сочетания отраслевых и территориальных интересов в управлении социально-экономическим развитием города много выше. Другая проблема монофункциональных городов — это

превышение "женских" рабочих рук над "мужскими" или наоборот, ибо возможности занятости (и социально-профессиональная структура горожан) определяются содержанием труда в данной отрасли. Рост города связывается расширением производственных функций — формируются новые отрасли, прямо воздействующие на условия занятости. Комплексность развития города как насущная потребность времени, расширяет возможности привлечения к труду разных групп населения. Однако в связи с обогащением структуры занятости, разнообразием производственной и профессиональной структуры в городе, нередко ухудшается городская среда. Причины этого заключаются в формах воздействия на городскую среду, во взаимоотношениях ведомств и территориальных органов, занимающихся вопросами развития города в целом. Основой этого выступает несоответствие как интересов отдельных ведомств (по использованию ресурсов, по распределению льгот), так и интересов отраслевых и территориальных. Без действенного экономического механизма, касающегося планирования, проектирования, финансирования, строительства и эксплуатации объектов в городе, а также использования и воспроизводства ресурсов города, управление формированием городской среды оказывается малоэффективным, особенно в старых, полифункциональных городах, где объекты отраслевого и территориального управления не совпадают.

4. Городской образ жизни и различия условий жизнедеятельности

"Городской образ жизни" является социологическим термином, охватывающим формы повседневной деятельности горожан, исходящие как из среды жизнедеятельности и воспроизводства в городе, так и из качества населения. Что же касается образа жизни населения различных городов, то он сильно различен, так же как и неодинаковы условия жизни в этих городах. Различаются между собой и контингенты населения по времени их прибытия в данный город, а также по месту жительства (новые и старые районы). Предполагая, что возможности жителей новых жилых районов разных городов более сходны, чем населения этих городов в целом, можно заключить, что в новых городах образ жизни более сходен и зависит в первую очередь от степени развитости обслуживающего комплекса и компактно-

сти пространственной среды города. Насколько сходны исследуемые нами города по признаку "проживание в новом жилом районе", показывает таблица I.

Т а б л и ц а I

Распределение занятого населения города по месту жительства (%) по данным опроса населения 12 городов

Город	В новом жилом районе	На окраине	Вне города
Нефтекамск	82	12	6
Саранск	71	10	6
Хабаровск	70	12	4
Горький	67	16	3
Таллин	61	9	11
Капсукас	58	10	10
Гурьев	54	16	11
Раквере	41	16	15
Токмак	41	19	10
Долматово	38	19	5
Куртамыш	24	22	5
Саяногорск	23	1	43

Как видно из таблицы I, в новых и крупных (больших) городах доля проживающих в новых районах больше. В то же время значительное количество людей, проживающих на окраинах или только работающих в городе (маятниковые мигранты), имеют совсем различный "образ" жизни. В табл. 2 приведены данные по этим же городам, характеризующие связь горожан с селом (бываете ли хотя бы раз в год в деревне в гостях у знакомых, родственников, родителей), проживание в частном доме (жилплощади) и наличие или отсутствие приусадебного участка.

Таблица 2 показывает, что связь с деревней не коррелирует с условиями жизни в городе. В новых городах эта связь намного теснее, чем в старых, особенно в тех, которые находятся на более позднем этапе урбанизации. Разные города также находятся на разных этапах развития городской среды. Города с индивидуальной застройкой (большая доля проживающих в частных домах), с приусадебными участками при городском жи-

лице, живут в другом ритме, чем те, которые составляются из многоэтажных домов и где потребности и соответствующий стиль жизни поэтому совсем другие. Если сюда прибавить еще и то, что обслуживающий комплекс в рассмотренных городах развивается не одинаковыми темпами (и потребности в нем различны), сходная жизнедеятельность в этих городах лишь иллюзия.

Можно выделить города новые, с полудеревенским образом жизни, т.е. города, возникшие на основе бывших сельских центров (Капсукас) и города, выросшие как рабочие поселки (Нефтекамск) или соединенные рабочие поселки (Саяногорск), использующие рабочие руки не только проживающих в данном городе. Разумеется, их проблемы не совпадают с проблемами развития крупных или старых городов. Совершенствование условий жизнедеятельности этих городов требует развития культуры (и учреждений культуры) и образования, дальнейшего интенсивного жилищного строительства (Саяногорск). Здесь имеются возможности и для количественного роста, диспропорции развития не так остры, удовлетворенность жителей условиями жизни находится на среднем уровне.

Т а б л и ц а 2

Связь городского жителя с селом и наличие элементов сельского образа жизни

Город	Наличие и связь с родственниками в деревне	Частный дом	Приусадебный участок	Отсутствует сад, приусадеб. уч.
Нефтекамск	92	15	7	41
Капсукас	91	26	7	53
Саранск	86	15	11	59
Куртамыш	84	44	41	24
Долматово	83	32	33	25
Гурьев	81	34	10	69
Саяногорск	80	8	13	40
Горький	74	18	14	65
Токмак	71	47	29	49
Хабаровск	63	10	15	51
Таллин	45	11	14	74
Раквере	22	29	27	49

Разные типы образа жизни обнаруживаются и в более старых городах. Один из них требуют больше жилья — например, Саранск, выделяющийся самыми низкими показателями удовлетворенности населения жилищными условиями. Другие, как Гурьев, развивающийся более "городской" образ жизни, заинтересован кроме жилья и в интенсивном строительстве коммунальных объектов. Здесь уже видны первые признаки отставания коммунального хозяйства (например, сооружения и обновления дорог), все больше актуализируется проблема охраны окружающей среды. В то же время возникают и все актуальные вопросы крупных городов — городской транспорт, связь, развитие социальной инфраструктуры в целом.

Ряд малых и средних городов, которые растут крайне медленно или численность их населения увеличивается только за счет естественного прироста (Токмак Киргизской ССР) по условиям жизни во многом сходны с новыми городами с полусельским образом жизни. Выделяются они и еще менее развитой социальной инфраструктурой, особенно не хватает культурных учреждений, мало возможностей для содержательного отдыха. Одновременно, по экспертным оценкам, бытовое обслуживание вполне удовлетворяет их население, несмотря на то, что из 1912 опрошенных жителей этого города 31 % вообще не пользуется услугами бытового обслуживания и 28 % не посещает предприятий общественного питания. Также можно охарактеризовать функционирование городов Куртамыш и Долматово, семьи которых выделяются и более низкими доходами на члена семьи, несмотря на низкий общий коэффициент рождаемости и малые семьи — средний размер семьи в г. Токмак 3,9 (так же и в Нефтекамске), в Куртамыш 3,3 и Долматово 3,1.

Если крупные доли индивидуального жилого фонда, особенно в малых и средних городах, свидетельствуют о полусельском образе жизни, то своеобразным показателем развитости города является доля кооперативного жилфонда. Кооперативное строительство как форма привлечения средств населения на создание важнейшего элемента социальной инфраструктуры — жилища — в разных городах получает право на существование в условиях ограниченности ресурсов и способствует экономии государственных капитальных вложений. Средние доли кооперативного жилищного фонда в разных по размеру городах составляют от 1 до 6 %. Доля кооперативного жилья (и процент проживаю-

щих в кооперативных квартирах) больше в больших городах — города высокоурбанизованных регионов сильно выделяются: в Таллине жителей кооперативных квартир свыше 10 %. В Капсукасе 8 %, в Горьком 7 %. В то же время в малых городах, особенно, в новых (Саяногорск), где доля кооперативного жилищного фонда намного ниже (Саяногорск — 2 %), предпочитающих эту форму улучшения своих жилищных условий намного больше — в Саяногорске 71 %, из всего населения малых городов 1/3. Чем больше в городах неудовлетворенных жилищными условиями, тем сильнее ориентация горожан на кооперативное строительство.

Как показывают приведенные цифры, условия жизнедеятельности населения, а соответственно и стиль, уклад жизнедеятельности горожан сильно различны. Поэтому "городской" образ жизни является абстракцией, заслуживающей в целях выделения условий жизни в (новых) городах, в новых жилых районах по сравнению со средой жизнедеятельности людей в сельской местности, в частности, в менее развитой сельской местности. По заметному росту благосостояния села, наблюдаемому в ряде высокоурбанизованных районах страны, эта абстракция имеет право к существованию лишь в определенных границах.

Различия в условиях воспроизводства к жизнедеятельности выражают тенденцию к увеличению. Причина, на наш взгляд, заключается в неодинаковых городских отношениях — в связях населения со средой, городов с регионами, во внутригородских межгрупповых отношениях, детерминирующих стадию развития города и уровень состояния социальной общности.

Социальная общность как специфический социальный субъект развития определяет и потенциал дальнейших изменений города. Воспроизводственные процессы разного характера — демографическое воспроизводство населения, воспроизводство качества городской рабочей силы, воспроизводство среды обитания в ее связи с населением замыкаются в воспроизводстве города как социально-территориальной общности; совокупность социальных связей в городе и охватывается понятием "городские отношения", рефлексиирующие социальные связи и взаимоотношения на локальном уровне.

5. Стратегия управления на разных этапах развития городов

Основные выводы можно сформулировать следующим образом.

Города как территориальные социально-экономические системы развиваются под воздействием общесоциальных, региональных и локальных (внутригородских) факторов. Если общественные факторы развития действуют в отношении однородности городов, то региональные и локальные факторы порождают все возрастающую их разнородность.

Величина и степень развитости региона и хинтерланда города, с которым город находится в постоянном взаимодействии, влияет как на характер и темпы урбанизационного процесса, так и на развитие собственно города — городских отношений. Под воздействием территориальных связей возникают и актуализируются новые функции города, формируется и изменяется его население, образуются и развиваются связи населения с городской средой.

Города различных регионов находятся на разных стадиях развития: одни из них на фазе возникновения и первоначального роста (новые города), которые по их производственным функциям и источникам формирования населения только выбирают себе путь дальнейшего развития. Другие находятся в фазе роста, определяемого развитостью градообразующей основы и возможностями хинтерланда. Третьи находятся на фазе стагнации, не имея ни производственной мощности, ни богатого хинтерланда. Четвертые (старые города) достигают своего предела экстенсивного роста и должны переориентироваться на интенсивное развитие. При ограниченности ресурсов стабилизация старых городов может стать мощным фактором интенсификации производства в городе. Но это происходит лишь потому, что на более ранних этапах развития (роста) города градообразующий комплекс подчинялся экстенсивным факторам и производственные функции слишком долго преобладали над воспроизводственными.

Так как различен этап развития, на котором находится тот или другой конкретный город, не могут совпадать и цели их развития. Перед каждым городом стоит множество целей, приоритеты среди которых определяются степенью развитости

города. Одной из центральных задач развития города – комплексность. Ее решение в новых городах оказывается более вероятным, ибо внутренние диспропорции в их застройке, в темпах развития отдельных элементов социальной инфраструктуры и в уровне и темпах технического роста градообразующих предприятий не ощутимы в такой мере как в старых городах (М.Павельсон, Т. Ярве, 1986, с. 105)[6]. Созревание и углубление этих диспропорций – не результат роста, а следствие необоснованного проектирования и планирования города.

Как показывают исследования проектирования и строительства новых жилых районов в городах Эстонской ССР (Брунс, 1984), существующая практика планирования до сих пор не обеспечивает одновременного финансирования жилищного строительства и строительства других объектов социальной инфраструктуры: инвестиции на жилищное строительство и другие объекты не только не реализуются в полной мере, но и выделяются неодновременно – поэтому вполне ожидаемо, что после строительного этапа жилых домов большинство из планируемых объектов обслуживания остается недостроенным. Социально значимыми объектами, как правило, считают школы и детские дошкольные учреждения, все другие объекты рассматриваются как второстепенные, в особенности культурные и спортивные сооружения.

Единственный выход из положения – планирование, исходя из ресурсов, с правом городских органов перераспределения капитальных вложений не только между инфраструктурными отраслями, но и от жилищного строительства на строительство других объектов обслуживающего комплекса.

Другой аспект планирования, сильно воздействующий на городское развитие, это учет общегородских потребностей в транспорте, в коммунальных и средоохраняющих сооружениях. Внутригородской пассажирский транспорт – первая и самая острая проблема быстро и экстенсивно растущих городов, а также новых городов, формирующихся на базе нескольких рабочих поселков. Обширное использование ведомственного транспорта и сверхнормативные суммарные расходы на городской транспорт во многих случаях связаны с тем, что затраты на пассажирские перевозки в городе не учитываются при проектировании новых жилых районов, и они как элемент расходов не

входят в расчет при выборе альтернативных вариантов размещения новых жилых массивов. Коммунальное строительство, как основа функционирования города, по этой же причине остается вне комплекса обслуживания; в то же время именно коммунальные объекты, а также их производственная база, самые емкие по капитальным вложениям и самые "чувствительные" с точки зрения перспективных общегородских потребностей.

Цели развития городов должны формироваться на основе всесторонней оценки их состояния. Для этого требуется не только констатация определенных узких мест, но и изучение причин этого состояния. Далее важен обоснованный прогноз изменения градообразующей основы (техническое развитие, возможные изменения структуры производства), источников и путей формирования ресурсов и изменения (концентрации) строительных мощностей, с их распределением на производственные и городские нужды. В городах, где сильно отраслевое начало в городском развитии, стратегия управления требует выделения отраслевых отчислений в городской бюджет и их сосредоточения и накапливания в распоряжение местных советов. В старых же городах эти меры малоэффективны. Концентрация средств для местных нужд имеет смысл только при условии, что эти средства разумно и эффективно реализуются. Препятствием к этому являются недостаточные строительные мощности. Выход из положения в виде установления процента лимитов подрядных работ для строительства общегородских объектов — выход временный, так как отсутствует экономический механизм воздействия как на ведомственные строительные организации, так и на предприятия, продолжающие экстенсивное использование всех городских ресурсов при возрастающей их ограниченности. Поэтому лимитирование, однократные адресные поручения предприятиям и другие административные меры должны дополняться как безадресными (общими для всех ведомств и организаций) экономическими мерами (исчисления из прибыли, регуляция средней заработной платы), так и адресными мерами экономической ответственности за перерасход лимитированных территориальными органами ресурсов. Все это, разумеется, требует соответствующего уровня компетентности территориальных органов управления не только по вопросам городских потребностей, но и по проблемам отраслевых возможностей. Одна из них — техническое развитие предприятий

города и его связь с ростом производительности и экономией живого труда. В условиях ускорения технического прогресса территориальным органам необходимо заниматься не только ресурсами и "выходом" производственной подсистемы города, но и деятельностью ведомств по техническому обновлению производства как залогом экономии городских ресурсов и путем повышения эффективности. Сюда относится и включение в территориальные планы вопросов межотраслевого и межведомственного взаимодействия, а также переход функции общехозяйственного обслуживания на территорию. Следовательно, суть сочетания отраслевого и территориального развития — дальнейшее углубление общественного разделения труда между отраслями и территориальными сферами развития (Любовный, 1986, с. 11) [5]. Это особенно важно в старых полифункциональных городах, где стадия экстенсивного развития сильно увеличивала различия в производственных условиях разных предприятий.

Таким образом, интенсификация развития города предполагает, с одной стороны, радикальное изменение градообразующей структуры, с другой стороны, взаимодействие предприятий и города в виде развития производственной инфраструктуры и поддержания городскими органами межведомственных (межотраслевых) инициатив.

Неоднородность развития городов и различия в их социально-экономических условиях, влияющие на постановку этапных целей их перспективного развития, требуют серьезных корректив и в методах планирования.

Как известно, пространственная среда города планируется генеральным планом города, социальные и экономические сдвиги пятилетним планом социально-экономического (комплексного) развития. Практика показывает, что между физическим и экономическим (народнохозяйственным) планированием отсутствует необходимая увязка. Генплан планирует некую "идеальную" модель города, не учитывая реальных ресурсов для достижения ее во времени.

Обеспеченность ресурсами плана социально-экономического развития города, в положительном случае, выше. Однако план этот связывается в плановую систему только по "горизонтали" — он входит как элемент в территориальный

план (республики, области, района) на планируемый срок (пятилетку). Перспективные планы социально-экономического развития городов (на 15-20 лет), перед которыми разрабатывались бы альтернативные варианты прогнозов и другие предплановые разработки, не так частые явления в практике городского планирования. Поэтому у большинства городов (в частности, малых и средних) отсутствует четкая концепция развития. В перспективных планах размещения производительных сил и в планах развития территориальных производственных комплексов эти концепции разрабатываются с точки зрения отраслевых и комплексно-отраслевых целей, а также с учетом территориального распределения ресурсов и труда. Что же касается конкретных городов, где должны непосредственно осуществляться процессы развития, то на этом уровне воздействия часто вообще не выделяются процессы саморегулятивные и управляемые, отсутствуют надежные прогнозы численности и структуры населения и неизвестны как возможности, так и потребности, с учетом которых должен проектироваться любой город. "Идеальная" модель города, планируемая Генпланом, опирается не на социальные, а традиционные количественные градостроительные нормативы, не учитывающие ни структуру населения, ни потребностей, тем более их изменения за более длительный промежуток времени. Именно поэтому как бы "неожиданно" возникают актуальные потребности и острая нехватка в культурных сооружениях (новые города с молодым населением), в больницах и поликлиниках (старые города со стареющим населением), в пансионатах для престарелых (в старых городах с большей долей населения пенсионного возраста). Старые полифункциональные города со стабилизирующейся структурой населения не готовы для "замкнутого" на город воспроизводственного цикла рабочей силы и часто переходят грань собственных возможностей по формированию новой рабочей силы - строится больше школ и профтехучилищ, чем имеется и будет детей. Малые и средние города, тесно связанные с сельской окружностью, требуют средств и мощностей для копирования жилищных районов и сверхконцентрированной сети обслуживания крупных городов.

Отсюда вывод - социальный норматив для городского строительства не может быть единым для всех типов городов, различных по климатическим, природным, демографическим и исто-

рически обусловленным социально-экономическим условиям. Он изменяется во времени, так же как изменяются люди и их потребности. Количество населения и размер города играют при этом все меньшее значение.

Стратегия управления городом разрабатывается на основе концепции его развития. Цели, меняющиеся во времени, являются для разных городов неодинаковыми. На первом этапе развития города производственные цели преобладают над воспроизводственными. Чем старше и развитее город, тем больше он требует воспроизводственной регуляции. Но город как территориальная социально-экономическая система по своей сущности социален, он строится и развивается для людей. В конечном счете, любая городская общность воспроизводит общество в целом, но в "локальном ракурсе", исходя из собственного места, занимаемого им в обществе. Поэтому вопросы о механизме развития, средствах и путях дальнейшего прогресса останутся актуальными для новых и старых, крупных и малых городов.

Л и т е р а т у р а

1. М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч. т. 23.
2. А х и е з е р А.С., К о г а н Л.Б., Я н и ц - к и й О.Н. Урбанизация, общество и научно-техническая революция // Вопросы философии. - 1969. - № 2. - С. 43-53.
3. Б р у н с Д. Рекомендации по улучшению комплексности застройки жилого района Ласнамяэ в г. Таллине: Отчет по НИР НИИ строительства Госстроя Эстонской ССР. Таллин, 1984. - 69 с.
4. К а т у с К., С а к к е у с Л. Демографические и миграционные аспекты воспроизводства городского населения // Воспроизводственные процессы города. - Таллин, 1986. - С. 28-47.
5. Л ю б о в н ы й В.Я. Проблема сочетания отраслевого и территориального развития и управления в условиях интенсификации народного хозяйства // Сочетание отраслевого и территориального принципов планирования и управления в условиях интенсификации народного хозяйства. - М., 1986. - С. 4-17.

6. П а в е л ь с о н М., Я р в е Т. Управление воспроизводственными процессами и стратегия развития города: связь теории с практикой // Воспроизводственные процессы города. - Таллин, 1986. - С. 103-120.

7. П о к и ш и ш е в с к и й В.В., Г о х м а н В.М. Проблема гиперурбанизации в развитых капиталистических странах и ее географические аспекты // Научные проблемы географии населения. - М.: изд-во МГУ, 1967. - С. 151-163.

8. П и в о в а р о в Ю.Л. Современная урбанизация: основные тенденции расселения. - М., 1976. - 192 с.

9. С а к к е у с Л.В. Миграционные связи Таллина // Социологические исследования. - 1984. - № 1. - С. 65-69.

10. Социальная мобильность городского населения /Аитов Н.А., Кирх А.В., Прилукова А.Н. и др. - Таллин, 1985. - 150 с.

11. С т е п а н е н к о А.В. Города в условиях развитого социализма.-Киев, 1981. - 295 с.

12. Х о р е в Б.С. Проблемы городов: Урбанизация и единая система расселения в СССР. - М., 1975. - 428 с.

13. Я н и ц к и й О.Н. Социально-информационные процессы в обществе и урбанизация // Урбанизация, научно-техническая революция и рабочий класс. - М., 1972. - С. 38-75.

14. Я н и ц к и й О.Н. Урбанизация и социальные противоречия капитализма. - М., 1975. - 331 с.

M. Pavelson

Socio-Economic Differences and Urban
Development

Abstract

Urbanization, resulting from the causal productional concentration of population into cities, differentiation of the functions of city and concentration of relations are being expressed in the formation of the urban way of life. Due to the universality of urbanization the cities are characterized by similarity as well as by deepening differ-

ences in socio-economic living-conditions, demographic and social parametres, environmental relationships. In view of planning and development of cities the formational mechanism of urban differences is worth to be paid attention to.

The geographic criteria, and those of economic geography, for the construction of the typology of cities, do not cover all the differences in cities' "behavior". The size, the regional role and the age of a city are of great importance as factors of differentiating the urban living environment but they do not perfectly explain the genesis and deepening of urban differences.

Urban relations - the local form of appearance of social relations - as the distinguishing social criteria of cities, reflect the significant features of a city at the level of a social community. The stage of development and the urban way of life are influenced and determined by the existing socio-economic dependency between city and the regional level of development.

The research data on the city Tallinn and the results of the comparative study concerning the 14 Soviet cities endorse the thesis about different stages in cities development which are being expressed at varying urban ways of life. Conditioned by remarkable differences in the development of cities, at certain stages, the developmental urban strategies require distinguished goal-stated approach.

Consequently, constructing a universal model for urban development would be impossible. Instead, the knowledge of the former ways of development, formation and growth should be taken into account in urban planning. At that the relations between city and the region, the structure and the status in their historic determination should be evaluated.

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТАЛЛИНСКОЙ
АГЛОМЕРАЦИИ

В расселенческой проблематике на сегодняшний день устойчивое место заняли вопросы, связанные с формированием, функционированием и развитием агломерационных форм крупных городов. Но как для самих исследователей, так и для практиков в органах местного управления нет еще полной ясности о том, как эти работы лучше использовать в управленческой и планировочной деятельности.

В 1957 году в Лондоне вышла книга П. Салфа "Города выходят из своих границ", которая по переводу хорошо известна и советскому читателю [16]. Уже заглавие книги говорит само за себя - о чем идет речь, в чем заключалась проблема городского развития и управления этими процессами в 50-х годах в промышленно развитых странах. В конце 50-х, начале 60-х годов в Советском Союзе также вышли первые работы по проблемам агломерации. В них городские агломерации оценивались как исторически новый этап развития городских форм расселения [9].

Несмотря на "солидную" историю названных тенденций, во многих исследованиях и ныне соблюдается представление о крупном городе как изолированной от региона точки пространства. Но это еще половина беды. Такие функциональные территориальные преобразования, как агломерации, игнорируют территориальное административное деление и соответственно сложившуюся структуру местного управления. Такая точка зрения с немалыми исключениями и принята за основу концептуальной схемы составления генеральных планов городов и других проектно-планировочных документов.

В научном плане крупные города - агломерации еще недостаточно изучены. Самые большие успехи в этом направлении исследований принадлежат, наверно, георбанистам.

Несмотря на это среди геоурбанистов нет единых линий о теоретических представлениях функционирования и развития агломерации.

До конца 70-х годов в советской урбанистике развивалась догматическая парадигма, главные принципы которой наглядным образом приведены в тезисах Б.М. Семевского [17]. В коротком изложении они следующие: территориальное распределение населения полностью детерминировано от территориальной структуры промышленности; основа процесса агломерирования – концентрация производства; следствием действия закона агломерации является непрекращающийся рост крупных городов, однако, последняя тенденция в социалистическом обществе полностью регулируема, управляема и планируема, в то время в капиталистическом обществе это ведет гипертрофическому росту гигантских городов до преобразования в единый огромный метрополитенский ареал.

Однако жизнь сама отвергает эти утопические гипотезы. Ныне в советской геоурбанистике сложилось положение, когда старая парадигма уже не в силе быть эффективным концептуальным орудием для решения практических задач, связанных с территориальным развитием агломерации, а новая парадигма в стадии формирования.

Новые тенденции, проявляющиеся в крупных городах в более развитых регионах, вынуждают рассматривать их как ядра разных иерархических уровней территориальных систем, в которых "... переход от стадии роста (формирования урбанизированного региона как целостности) к стадии развития знаменуется появлением механизма саморегуляции – отрицательной обратимой связи от периферии к центру" [13].

Учитывая эту "всеобщую" закономерность, для повышения достоверности разных прогнозов развития крупного города необходимо в прогнозы их включать изменения распределения населения между городским ядром и зоной влияния ядра. Для решения этих задач, на наш взгляд самой перспективной представляется концепция стадийного развития – этапного территориального развития урбанизации в пределах относительно самостоятельных территориальных единицах – агломераций.

Стадиальная концепция территориальной эволюции населения в пределах агломерации

Воспроизводство городского населения определяется социальными законами, среди которых можно выделить демографические, миграционные и урбанизированные [6]. Эти факторы имеют собственные закономерности развития. Динамика населения города представляет сложную комбинацию этих факторов, взаимодействующих между собой. Однако при географическом изучении населения городской агломерации структуралистский подход может быть более плодотворным и хорошо дополнять традиционный позитивистский, оперирующий демографическими массами с определенным характером демографического поведения, в том числе мобильности. Представление о гомеостатичном регулировании воспроизводства населения – уровень рождаемости определяется уровнем смертности, позволяет сделать вывод об универсальности демографических процессов и его принципиально единой схеме, которая проходит через четыре фазы [3]. Интересна и ценна также гипотеза перехода к пространственной мобильности [32]. Вместе с концепцией урбанизации эти подходы могут быть существенной основой в исследованиях, в которых изучается воспроизводство урбанистических структур населения крупного города. При комплексном подходе самый сложный вопрос в обусловленности эмпирическим определением пространственной и временной взаимозависимости урбанистических и демографических преобразований в городах.

Под воспроизводственными механизмами города мы в первую очередь понимаем механизмы саморегуляции, т.е. систему обратных связей, объективно складывающуюся независимо от воли субъектов, планирующих и управляющих развитием города [4].

Воспроизводство урбанистических структур крупного города представляется нам как характер градиентов по линии сложившейся территориальной структуры "центр – периферия", которая не меняется во времени в зависимости от изменения функционального наполнения города во времени, а воспроизводится на всех этапах развития города. Таким образом, главной целью изучения воспроизводства урбанисти-

ческих структур крупного города – агломерации, является выявление внутренней логики освоения пространства, разных стадий эволюции населения.

Успех теоретико-методологических разработок такого рода закрепился не в абстрактных рассуждениях, а в работах прикладного характера. В планировании общественных процессов самый главный вопрос состоит в том, какие процессы управляемые и какие нет, в какую сторону влияют принятые меры реальных процессов и влияют ли они вообще, каковы их воздействия на другие сферы жизни. С успехом этого подхода во многих общественных дисциплинах можно связывать и его использование в качестве инструмента для выявления закономерностей динамики функционирования пространственной организации общества. За каждым подъемом следует стабилизация или даже некоторый упадок (правда, на качественно новом уровне), после каждой концентрации следует деконцентрация, хотя бы в виде экспансии или диффузии [31]. Принцип универсальной пульсации материи (начиная с мегагалактик и кончая микромиром), кажется, действует и при индустриально-географических явлениях (там же). Эту же мысль поддерживает Б.Б. Родман. По мнению автора многие общественные явления, проявляющие территориальный характер, укладываются "в процессе пульсации территориальных структур – переменное движение центробежных (осебежных) и центростремительных (осестремительных) волн на одной и той же территории. Высокочастотные пульсации (суточные, недельные, годовые) воспринимаются как постоянное функционирование системы, а низкочастотные – как направленное развитие (прогресс и регресс). Эти пульсации можно представить как диалектическое единство концентрации рассеивания. Перемещаемая субстанция скапливается на гребне движущейся волны. При зарождении центробежной волны заметна только концентрация, а на последней стадии процесса, когда кольцевой вал охватит периферию района, преобладает деконцентрация. В свете этой модели следовало бы рассматривать современную урбанизацию, субурбанизацию и деурбанизацию [15]. Как бы дополняя вышесказанное: "Весьма значительной закономерностью геосистемной динамики следует считать еще закономерность о цикличном характере протекания

инновационных процессов, чередования их концентраций с де-концентрацией, территориальной дистрибуции с региональной дифференциацией. То есть, каждая инновация проходит этапы концентрации, распространения и дифференциации, причем каждая дифференцированная ее новая подсистема может быть потенциальным источником возникновения новой инновационной вспышки" [2].

Урбанизация – часть общественного развития в целом, тесно взаимосвязанная с демографическим, социальным, индустриальным развитием. В течение долгого времени урбанизацию рассматривали как линейный процесс, который происходит плавно и односторонне. Закономерности пространственной эволюции урбанизации первым выделил Дж. Джиббс [21]. Большая заслуга этого ученого состоит главным образом в том, что он раньше других на основе своей концепции предвидел ход урбанизации – приближающуюся волну суб-, и деурбанизации. Список стадий урбанизации Джиббса позволяет рассматривать пространственную эволюцию городского развития в национальных (региональных) системах расселения в целом.

Обширная работа проделана по изучению территориальной эволюции по всем крупным агломерациям Западной Европы [22]. Этими авторами выделены следующие последовательные стадии развития. На первой пригороды представлены еще сельскохозяйственными поселениями, теряющими жителей, которые, однако, не могут найти себе место в ядре из-за его недостаточного развития. Далее ядро достигает достаточное развитие для того, чтобы поглощать как мигрантов из собственного окружения, так и из других местностей, вследствие чего общая численность населения ареала начинает расти. Затем население пригородов также начинает расти, но медленнее, чем население ядра. Далее наступает стадия относительной децентрализации, представляющая собой поворотный пункт, пройдя который пригороды начинают расти быстрее чем ядра. Затем население пригородов продолжает расти, а центральный город уже теряет население. На следующей стадии развития начинается сокращение населения всего метрополитеновского ареала. Те же авторы сделали попытку соединить подход Джиббса со своим подходом, характеризующим развитие метрополитенских ареалов. Таким образом, выделены три

стадии эволюции территориальной организации населения. На первой, начавшейся в период первой промышленной революции, имеет место устойчивый поступательный процесс концентрации населения в крупнейших городах. На второй концентрация продолжается, однако происходит пространственное расширение ее ядер – субурбанизация. На третьей стадии рассредоточение населения происходит уже не только в рамках зон влияния ядер урбанизации, а охватывает всю большую часть территории страны, приводит к стагнации и депопуляции крупнейших городов. Аналогичную концепцию развивают и некоторые другие геоурбанисты, но выделенные ими разные стадии существенно не различаются от вышеприведенной схемы.

Хотя в нашей стране микроуровень агломераций мало изучен, можно по публикациям вышедших на эту тему судить о прохождении субурбанизации и в крупных агломерациях Советского Союза. Среди урбанистов и ученых других общественных наук, изучающих проблемы, связанные с городским развитием, в последнее время распространилось мнение о сходстве в формах эволюции урбанизации в государствах с разным общественным строем и уровнем развития. "Центробежные тенденции, характеризующие современное развитие крупнейших городов мира, являются не частной, локальной особенностью той или иной агломерации, а выражают некоторую общую закономерность, проявляющуюся во всех крупнейших агломерациях индустриально развитых стран" [1].

Далее мы попытаемся сравнивать подход, который мы здесь называли условно стадийной концепцией урбанизации с традиционным подходом на основе соответствия их для целей управления, планирования и прогнозирования [7].

СОЦИАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ

1. Развитие урбанизации происходит поэтапно путем саморегуляции.
2. Для управления городами и урбанистическими процессами в целом надо четко выявить нынешнюю стадию развития и на основе этих

ТРАДИЦИОННАЯ КОНЦЕПЦИЯ

1. Саморегуляция отсутствует или ее доля незначительна.
2. Урбанизация полностью управляемый процесс.

закономерностей принимать конкретные решения.

3. Акцент при изучении урбанизации нужно ставить на изучении самого процесса, изучении закономерностей его развития, а не на факторах, влияющих на ход процесса.
3. Главной целью является изучение влияющих на процесс "факторов-детерминантов". Часто доминирует желание найти главный детерминант.

Пользуясь и дальше традиционным подходом, мы можем допустить при управлении и прогнозах большие промахи. "Многие мероприятия не срабатывают потому, что попадают "не в такт" с объективной пульсацией территориальных структур" [15]. Суммируя вышесказанное, можно констатировать, что ныне существующие противоречия состоят из непривязанности закономерностей реальных урбанистических процессов в крупных городах с управленческими решениями и проектными документами: "... - городские процессы вытекают и развиваются в пространстве достаточно автономно и зачастую не так, как пытается направить их субъект планирования и управления, если он не вооружен знанием этих закономерностей" [13]. Подобную ситуацию вынуждены признать и сами авторы градостроительных проектов: "Самонадеянность градостроителя на каждом шагу опровергается жизнью - город перерастает рамки проектного предвидения, он ведет себя совсем не так, как ему предписано" [5].

Промахи, вытекающие из неучета закономерностей территориального протекания процессов урбанизации обошлись нашей стране дорого. Здесь можно вспомнить, например, деление сельских поселений на перспективные и неперспективные [7], [15]. Часть мероприятий были преждевременные и не учитывали сложившийся этап протекания урбанизационных процессов. Сюда прежде всего можно отнести политику ограничения роста крупных городов [7, 15, 13]. Ныне фиксируемое уменьшение темпов прироста населения крупных городов свидетельствует не об эффективности названной политики, а неизбежности этой фазы развития у всех крупных городов в этапе зрелости. На фоне приведенного неудивительно, если одни авторы пишут "... особое значение приобретает дифференциальное поддержа-

ние самоуправленческих механизмов саморегуляции от теоретически недоработанных управленческих алгоритмов" [14].

Особенности проявления агломерационных тенденций в Эстонской ССР

В многочисленных работах по проблемам расселения в качестве критериев выделения агломераций, как правило, приведены минимум три показателя: минимальная людность ядра и зоны ее влияния в радиусе определенной транспортной доступности. Однако мнения о конкретных значениях этих показателей у разных авторов расходятся. Например, на Конференции ООН по вопросам планирования и развития метрополитенских районов в 1961 г. в Стокгольме принято определение метрополитенской территории, под которой понимается "территория, где проживает минимум 100 тыс. человек, имеется хотя бы один город с населением не менее 50 тыс. человек и тяготеющие к этому году административные единицы" [29]. Примерно таких же критериев придерживаются советские исследователи [18, 19]. Но есть также работы, где минимальной людностью ядра принято 100 тыс. человек [10, 12], или 250 тыс. чел. При определении зоны влияния ядра чаще всего исходят из изохроны 1,5–2-часовой транспортной доступности от периферии до центра агломерации. Последний показатель служит таким образом в качестве критерия при определении границ агломерации. На наш взгляд, приведенные выше критерии слишком общие для понимания закономерностей агломеративных процессов во времени и в пространстве. Более успешным для описания формирования агломерации может быть изучение воспроизводственных механизмов территориальной структуры населения городов с разными траекториями роста.

Исследование территориальной эволюции урбанизации по материалам Эстонской ССР автором данной статьи показало, что формирование единого пространственного организма на базе городского центра и его непосредственного хинтерланда (агломерации) в большой мере зависит от характера и силы поляризации городского ядра локальной системы. Только достаточно крупные и развитые полифункциональные центры способны создать агломерационный эффект. Узкоспециализированные промышленные центры, бурный рост которых происходил в

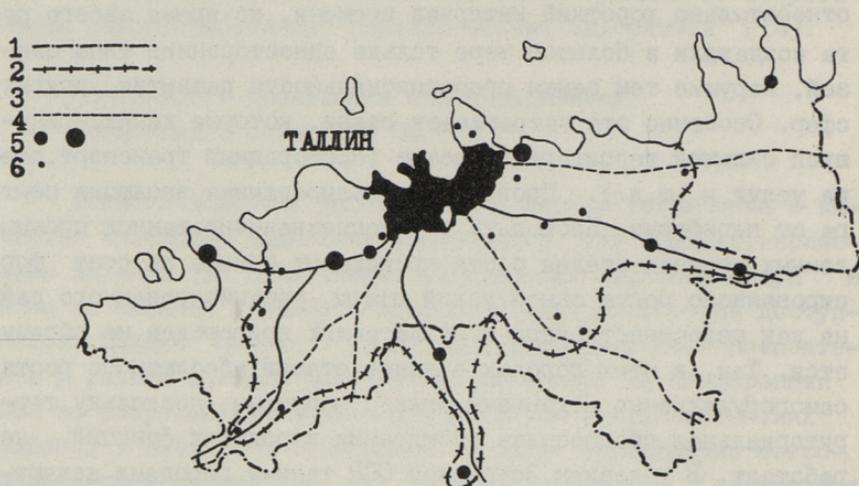
относительно короткий интервал времени, во время своего роста создавали в большой мере только односторонние типы связей, нарушив тем самым пропорциональности развития других сфер. Особенно это затрагивает связи, которые характеризуются сильной территориальностью (пригородный транспорт, сфера услуг и т.д.). Происходит изолированная эволюция центра от периферии. Поскольку в узкоспециализированных промышленных центрах стадия роста происходит обычно за счет сфокусированного роста одной узкой сферы, урбанизированного района как целостности ядра и прилегающих пригородов не образуется. Так, в этих городах в конце стадии абсолютного роста саморегулятивные механизмы сильно нарушены, поскольку территориальная предпосылка расширения городских функций не работает. В условиях Эстонской ССР такими городами являются прежде всего Кохтла-Ярве (численность населения в 1986 году 77,4 тыс. чел.) и Нарва (80,0 тыс. чел.). Нарушение динамичности и пропорциональности развития в конечном счете приведет к стагнации этих городов.

В случае, когда полифункциональный зрелый городской центр не достигает "достаточной людности", расширение активной зоны проявления агломерационных тенденций происходит в отдельных линейных направлениях. Сильную роль здесь играют сложившиеся транспортные линии (особенно велико значение железной дороги). Среди эстонских городов такие симптомы характерны для Тарту (III, I тыс. чел.) и Пярну (52,7 тыс. чел.). Таким образом, единственной и "полноценной" агломерацией в Эстонской ССР можно считать столицу республики — город Таллин.

Территориальная эволюция населения Таллинской агломерации: проблемы управления и саморегуляции

Для локальной системы расселения столицы Эстонии термином "агломерация" пользовался Э. Кант уже более чем 50 лет назад в своей работе о системе расселения Эстонии [23]. Спустя сорок лет этими же вопросами заинтересовались снова [28]. В работе рассматривается территориальная планировочная структура локальной системы расселения столицы.

Для делимитации конкретных агломераций чаще используется информация о трудовых поездках населения из приле-

1 - граница Харьюского района, 2 - граница агломерации, 3 - железные дороги, 4 - главные междугородние магистрали, 5 - поселения городского типа, 6 - крупные сельские поселения.

Рис. 1. Таллинская агломерация по Кауп (1986, с. 79).

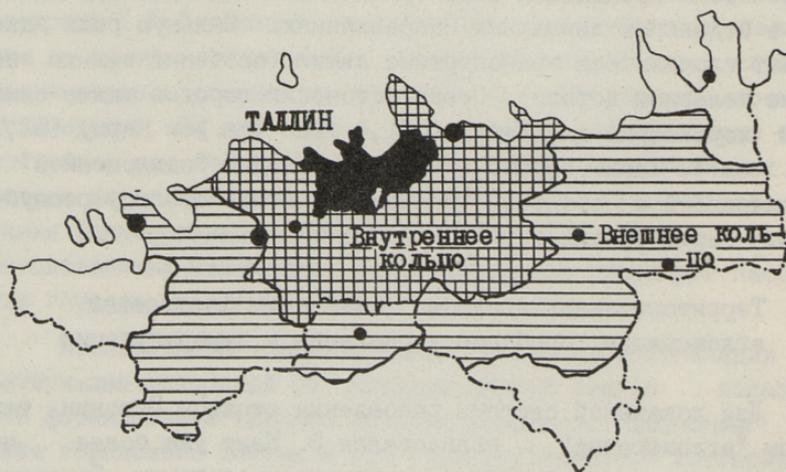
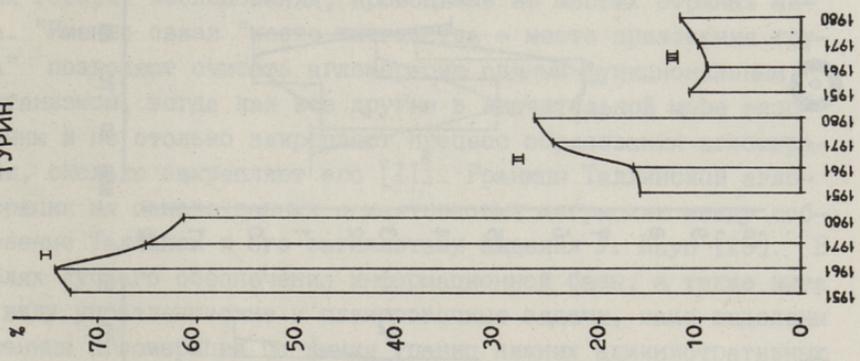

Рис. 2. Таллинская агломерация в статистических (административных) границах.

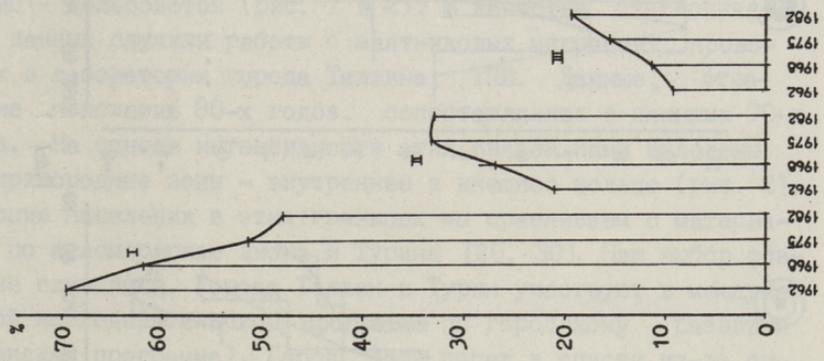
Torino

ТУРИН

Lyon

ЛИОН

Tallinn

ТАЛЛИН

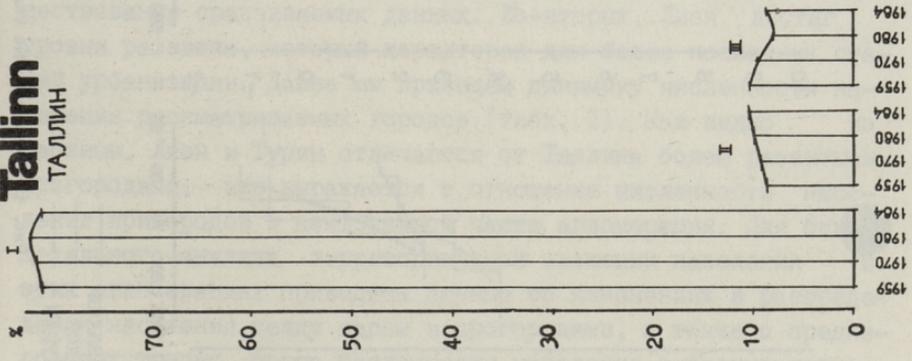

Рис. 3. Территориальное распределение населения в трех агломерациях (%).

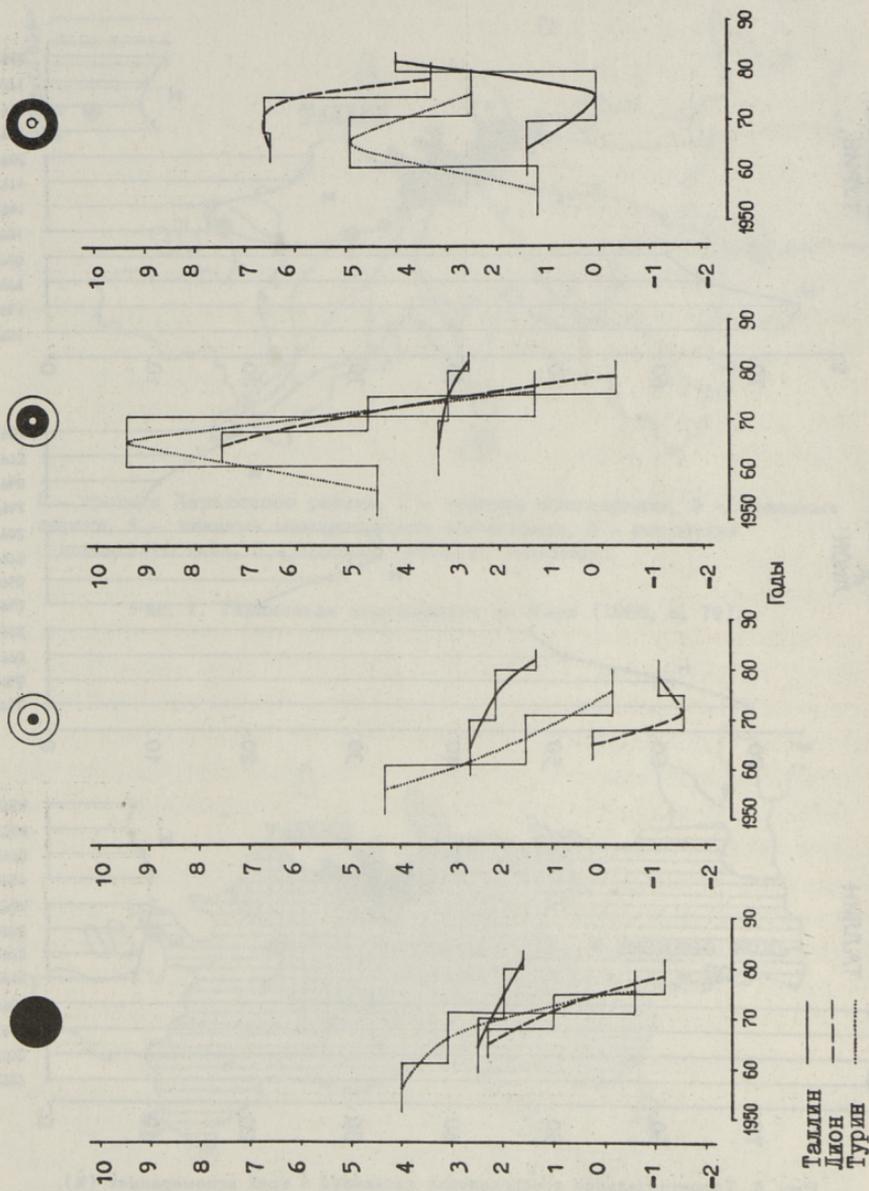

Рис. 4. Среднегодовые темпы роста численности населения в трех агломерациях (%).

прилегающих территорий к крупным городам в сторону ядра. В пользу маятниковой миграции при выделении границ агломерации говорят исследования, проводимые во многих странах мира. "Именно связи "место жительства – место приложения труда" позволяют считать агломерацию единым функциональным организмом, тогда как все другие в значительной мере экзогенны и не столько закрепляют процесс образования агломерации, сколько закрепляют его [11]. Границы Таллинской агломерации на основе данных о маятниковых миграциях между собственно Таллином и его сателлитами выделил У. Кауп [25]. В целях лучшего обеспечения информационной базы, а также имея в виду управленческие и планировочные задачи, нами выделены границы агломерации по линии границ нижних административных единиц – сельсоветов (рис. 1 и 2). В качестве статистических данных служили работы о маятниковых миграциях, проводимых в лаборатории города Таллина, ТПИ. Данные, отражающие положение 80-х годов, сопоставлялись с данными 70-х годов. На основе интенсивности этих связей нами выделены две пригородные зоны – внутреннее и внешнее кольцо (рис. 2). Эволюцию населения в этих границах мы сравниваем с материалами по агломерациям Лиона и Турина [20, 30]. Наш выбор совсем не случайный. Города Таллин и Турин участвуют в международной исследовательской программе по городскому развитию (Туринская программа). Город Лион попал в список из-за существования сравниваемых данных. Во-вторых, Лион достиг уровня развития, который характерен для более последних стадий урбанизации. Далее мы приведем динамику численности населения рассматриваемых городов (табл. 1). Как видно из таблицы, Лион и Турин отличаются от Таллина более развитыми пригородами, что выражается в отношении численности населения пригородов к центральной части агломерации. Для более детального анализа территориальной эволюции населения в этих агломерациях приведены данные об изменениях в распределении населения между ядром и пригородами, а также о среднегодовых темпах роста численности населения в разные периоды времени (табл. 1 и 3, рис. 3 и 4).

Во всех трех агломерациях происходит постоянная тенденция к сокращению доли центра в общей численности населения, наряду с его ростом в переходных, а затем и во внешних зонах. Больше других эти процессы достигли развития в Лион-

Т а б л и ц а I
Динамика численности населения трех агломераций
(тыс. чел.)

	Г о д ы			
	1959	1970	1980	1984
Таллин	281,7	361,1	435,9	458,3
Таллинская агломерация	348,8	444,5	531,8	566,4
	1962	1968	1975	1982
Лион	637,7	644,1	570,4	526,1
Лионская агломерация	915,2	1041,2	1112,5	1100,2
	1951	1961	1971	1980
Турин	719	1026	1178	1153
Туринская агломерация	989	1380	1808	1878

Т а б л и ц а 2
Территориальное распределение населения в трех
агломерациях (%)

ТАЛЛИН

	Г о д ы			
	1959	1970	1980	1984
Центр	80,8	81,2	82,0	80,9
Внутреннее кольцо	8,7	9,2	10,0	10,4
Внешнее кольцо	10,5	9,6	8,0	8,7
Вся агломерация	100,0	100,0	100,0	100,0

ЛИОН

	Г о д ы			
	1962	1968	1975	1982
Центр	69,7	61,9	51,3	47,8
Внутреннее кольцо	21,1	26,8	33,2	32,9
Внешнее кольцо	9,2	11,3	15,5	19,3
Вся агломерация	100,0	100,0	100,0	100,0

ТУРИН

	Г о д ы			
	1951	1961	1971	1980
Центр	72,7	74,3	65,2	61,4
Внутреннее кольцо	16,1	16,7	24,6	26,5
Внешнее кольцо	11,2	9,0	10,2	12,1
Вся агломерация	100,0	100,0	100,0	100,0

Т а б л и ц а 3

Среднегодовые темпы роста численности населения
в трех агломерациях (%)

ТАЛЛИН

	Г о д ы		
	1959-1970	1970-1980	1980-1984
Центр	2,6	2,1	1,3
Внутреннее кольцо	3,2	3,0	2,6
Внешнее кольцо	1,4	0,1	4,0
Вся агломерация	2,5	2,0	1,6

ЛИОН

	Г о д ы		
	1962-1968	1968-1975	1975-1982
Центр	0,2	-1,6	-1,1
Внутреннее кольцо	7,5	4,6	-0,3
Внешнее кольцо	6,5	6,6	3,3
Вся агломерация	2,3	1,0	-0,2

ТУРИН

	Г о д ы		
	1951-1961	1961-1971	1971-1980
Центр	4,3	1,5	-0,2
Внутреннее кольцо	4,4	9,4	1,3
Внешнее кольцо	1,2	4,9	2,5
Вся агломерация	4,0	3,1	0,4

ской агломерации, где в начале 80-х годов доля ядра составляла половину общей численности населения всей агломерации. Таллинская агломерация – самая централизованная из трех рассматриваемых. Но в 80-е годы и здесь замечаются повышение доли внешней и также внутренней зоны. Главный вывод следующий: все рассмотренные нами городские агломерации развиваются по сходной схеме. И как бы странно это не было, одни и те же закономерности обнаруживаются как в развитии капиталистических городов, так и социалистических. Таким образом, различия в эволюции населения зависят от зрелости дан-

ной агломерации, какой стадии развития она достигла. Здесь надо вспомнить список стадий урбанизации, описываемый в начале статьи [22]. Эти шесть последовательных этапов названы авторами во временном порядке соответственно стадиями централизации (Ц); абсолютной (АЦ) и относительной централизации (ОЦ); децентрализации (Д); абсолютной децентрализации (АД) и децентрализации с уменьшением населения (Д ум. нас.). Теперь можно показать, в какой стадии развития находились агломерации Таллина, Лиона и Турина в разные периоды времени:

	1959-1970	1970-1980	1980-1984
Таллин	ОЦ	ОЦ	Д
	1962-1968	1968-1975	1975-1982
Лион	Д	АД	Д ум. нас.
	1951-1961	1961-1971	1971-1980
Турин	ОЦ	Д	АД

Безусловно, самой зрелой из рассматриваемых агломераций является Лионская, которая в начале 80-х гг. приближалась к завершающей стадии, т.е. к сокращению населения всего метрополитенского арсенала. Немного отстают от нее Туринская агломерация. Для Таллинской агломерации ныне характерна стадия относительной децентрализации, где пригороды начинают расти быстрее чем ядро. Эта тенденция проявляется и в изменениях демографических процессов. В начале 80-х годов в Эстонской ССР произошел поворот в миграционных процессах, ознаменовавший начало пространственного перераспределения населения в пользу сельских районов. Новые тенденции заметны и на фоне Таллинской агломерации. Пригородная зона Таллинской агломерации – единственный регион в республике, который имеет положительное сальдо миграционного обмена со столицей [26]. Подобные тенденции характерны, например, и стадии децентрализации в 60-е годы в Лионской агломерации [30]. Планируя развитие ядра или пригородов, необходимо учитывать стадию развития агломерации. По отношению, например, к политике развития пригородов и городов-спутников отсюда выявляется, имеется ли возможность отвлечения значительной части мигрантов от ее ядра. Стадия развития агломерации имеет важное значение при проведении продуктивной социальной политики (жилищное строительство, размещение субцентров обслуживания и торговли, организация городского и пригородного транспорта и т.д.).

Следующая стадия для Таллинской агломерации обозначает сокращение населения ядра. Демографический прогноз населения города Таллина предсказывает начало сокращения жителей в начале следующего века [24], но фактор урбанизации может ускорить этот процесс. Это предъявит новые требования к городской инфраструктуре. Плодотворным стратегическим моментом для преодоления возникших проблем должно стать комплексное развитие всей агломерации, что основывается на единой основе управления и планирования им. Ныне сложившееся положение можно представить в виде отраслевых барьеров между местными органами города и района, которые преследуют разные цели. Таким образом, единым способом преодоления этих противоречий служит создание агломерационного совета, который имел бы полномочие управления в границах агломерации.

Одной из важнейших особенностей данной и будущей стадии развития города – ядра и пригородов является ориентация всех городских сфер (производственная организация, инфраструктура и т.д.) на изменения, происходящие в структуре (в том числе территориальной) населения. Человек и его поведение становится движущей силой, за которой идут изменения во всех других общественных сферах. Можно назвать деконцентрацию размещения производственных предприятий, резкое повышение значимости социальной сферы, изменение в структуре, характере и размещении жилья и т.д. Чем больше мы торозим эти изменения сегодня, тем острее будут городские проблемы завтра, и тем труднее будет их решать в будущем.

Л и т е р а т у р а

1. Бадалов Т.Г., Бочаров Ю.П. Особенности субурбанизации в зонах влияния крупных городов // Автомобилизация и расселение (Вопросы системного анализа). – М., 1979. – С. 62–70. (Сб. трудов ВНИИСИ. Вып. I).

2. В а б а р М. Закономерности геосистемной динамики в предмете географии // Исследование методологических проблем географии в Эстонской ССР: Тез. докл. – Таллин, 1987. – С. 59–64.

3. Вишнеvский А.Г. Демографическая революция. – М.: Статистика, 1976.

4. Воспроизводственные механизмы города в условиях интенсификации регионального развития: Тез. конф. - Том 2. Таллин, 1986.

5. Г у т н о в А. Город - terra incognita. // Знание сила. - 1984. - № 5. - С. 23-26.

6. К а т у с К., С а к к е у с Л. Демографические и миграционные аспекты воспроизводства городского населения // Воспроизводственные процессы города. - Таллин: Валгус, 1986. - С. 28-46.

7. К ю м м е л ь Т., Р о о з в е Р. О методологии стадийной концепции в геурбанистике // Исследование методологических проблем географии в Эстонской ССР: Тез. докл.- Таллин, 1987. - С. 75-82.

8. Л а п п о Г.М., П е т р о в Н.В. Геурбанистика в СССР: основные достижения, направления исследований // Препринт. М.: ИГ АН СССР, 1986.

9. Л а п п о Г.М. Экономико-географические проблемы развития крупных городских агломераций СССР: Автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. М., 1975.

10. Л и с т е н г у р т Ф.М. Критерии выделения крупномасштабных агломераций в СССР. - Изв. АН СССР. - Сер. геогр., 1975, № 1.

11. Л и т о в к а О.П. Концептуальные основы формирования городских агломераций // Проблемы регулирования систем расселения и концептуальные основы социального развития крупных городов. - Л., 1983. - С. 3-5.

12. Н е й м а р к Н.И. Современная сеть городских агломераций СССР. - Изв. АН СССР. - Сер. геогр., 1985, № 6.

13. П а в е л с о н М., М и х а й л о в Д. Социально-экономическое развитие города: воспроизводственные функции и проблема пространственной концепции // Прикладные социально-географические исследования. - Тарту: ТГУ, 1984. - С. 280-286.

14. Р е м м е л ь М., Э й л а р т Я. Некоторые проблемы защиты специфики сельской социо-культурной среды в условиях влияния научно-технического прогресса // Хозяйственная организация и среда: Тез. конф. - Таллин: МИПКР ЭССР. - С. 114-116.

15. Р о д о м а н Б.Б. Роль теоретической географии в улучшении территориальной организации общества // Исследование методологических проблем географии в Эстонской ССР: Тез. докл. - Таллин, 1987.-С. 150-155.

16. С е л ь ф П. Города выходят из своих границ. - М., 1962.

17. С е м е в с к и й Б.Н. Закон агломерации и его действие в процессе урбанизации // Процессы и типы урбанизации: Тез. докл. - Л., 1976. - С. 3-8.

18. С т р о н г и н а М.Л. Социально-экономические проблемы развития больших городов в СССР.-М., 1970.

19. Х о д ж а е в Д.Г. Некоторые проблемы регулирования роста и развития населенных мест // В помощь проектировщику-градостроителю. - Вып. I. - Киев, 1970.

20. D e m a t t e i s G. Strefa podmiejska Turynu // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Geographica. - 1985. - Z. 5. - S. 179-194.

21. G i b b s J. The evolution of population // Economic Geography. - 1963. - Vol. 39, N 2. - P. 119-129.

22. H a l l P., H a y D. Growth centres in the European urban system. - Berkeley & Los Angeles: University of California Press, 1980.

23. K a n t E. Beväolkerung und Lebensraum Estlands. - Tartu, 1935.

24. K a t u s K. Tallinna rahvastiku prognoosist // Geograafia rakendusprobleeme Eesti NSV-s. Teeside kogumik. - Tallinn, 1986. - Lk. 70-75.

25. K a u p U. Tallinna aglomeratsiooni arengusuundi // Geograafia rakendusprobleeme Eesti NSV-s: Teeside kogumik. - Tallinn, 1986. - Lk. 76-81.

26. M a r k s o o A. Changes in the regional migration model at the advanced stage of urbanization // Espace, popul., soc. - 1985. - N 1. - P. 118-127.

27. P a a l b e r g H. Regionaalne asustussüsteem // Tallinna arengu probleeme. - Tallinn: Eesti Raamat, 1978. - Lk. 41-58.

28. P a a l b e r g H. Principles of the planning of the agglomeration of Tallinn // Estonia. Regional Studies (Academy of Sciences of the Estonian S.S.R. Estonian Geographical Society). - Tallinn, 1976.

29. Report of the group of experts on metropolitan planning and development. - Stockholm, 1960.

30. T u p p e n J.N. Core periphery in metropolitan development and planning: socio-economic change in Lyon since 1960 // Geoforum. - 1986. - Vol. 17. - P. 1-37.

31. V a b a r M. Industrial-geographical changes in the evolution of the geosystem against the background of the evolutionary diachronics of the earth // Transactions of the Tartu State University. Publications of Geography. - 1984. - N 676. - P. 19-31.

32. Z e l i n s k i W. The hypothesis of the mobility transition // Geographical Review. - 1971. - Vol. 61. - P. 219-249.

T. Kümmel

Some Tendencies in the Development
of the Tallinn Agglomeration

Abstract

Every year more and more papers devoted to the problems of agglomeration development, formation and planning appear in the scientific literature concerning the settlement research. In spite of that the research results are not taken into consideration in the practical urban management activities. Several applied projects still treat cities as spatial spots and not as specific territorial formations. Alongside, some dogmatic statements developed in the Soviet urban geography in the 1960-80ies (Semyevsky, 1976) have set an impediment to the application of theoretical results on the agglomeration territorial evolution research. Resultingly, a sort of theoretical deficit could be noticed in the field today.

The present paper follows the concept according to which the population territorial evolution develops in stages (Gibbs, 1963; Hall, Hay, 1980). The population location in the agglomeration territorial structure proceeds self-regulatively at significant stages alternated by certain temporal sequences. In this view all the urban agglomerations could be observed in one development process, although, at fixed moments of time standing at different stages of development. As concerns the urban management and planning authorities should count upon the fixed stages of development of certain agglomerations and, accordingly, outline their development strategies. Such a treatment would impact the study of the process itself. It does not focus on the seeking for the process influentials, for, as the process is being intereffected by an enormous number of factors and changing interrelationships, the study would be fruitless and no objective results could be achieved.

Following the described theoretical concept the population territorial evolution is being investigated on the basis of the Tallinn, Turin and Lyon agglomeration dynamics. The capital Tallinn is considered to be the only "up to standard" agglomeration on the territory of the Estonian SSR. The population dynamics for the three studied agglomerations' territorial structures (core, inner ring, outer ring) make an endorsement to the above stated standpoints.

ИЗМЕНЕНИЯ В МИГРАЦИИ 80-Х ГОДОВ

В 80-е годы миграционное развитие в Эстонской ССР претерпевает заметные изменения. Заканчивается относительно длинный период снижения миграционной интенсивности, характеризующий второй этап т.н. миграционной революции, и ощутимым становятся признаки стабилизации процесса. К такому выводу пришла Л. Саккеус на основе данных Таллина в статье, помещенной в предыдущем сборнике Лаборатории изучения города [2]. Желание подробнее анализировать миграцию наталкивается на почти полное отсутствие необходимой информации¹. Была поставлена задача корректно рассчитать возрастные коэффициенты миграции Таллина и ЭССР в 1980-1985 гг. отдельно для мужчин и женщин, вне- и внутривнутриреспубликанского движения, а также с учетом и без учета специфического контингента. Все расчеты, приведенные в таблицах данной статьи, основаны на архивных материалах Госкомстата ЭССР [Фонды отдела статистики населения и здравоохранения 85:79-57; 84:79-64; 83:79-70; 82:79-73; 81:79-78; 80:55-1821.

С точки зрения подготовки исходной информации задача оказалась сложной, требующей специфических знаний практики сбора статистических данных о миграции и использования некоторых особых методов восстановления отсутствующих данных. По этим причинам, представляется, эти расчеты могут вызвать определенный интерес. К этому следует добавить еще одно обстоятельство. Существующая официальная обработка миграционной информации ЭССР позволяет следить за ее возрастной дифференциацией только по республике в целом и отдельно по столице. Таким образом, расчет некоторых показателей, изучение формы кривой миграции населения ЭССР первой половины 80-х гг. и в будущем не может рассчитывать на более полную информационную базу с точки зрения территориальной дифференциации республики². Это придает ма-

¹ Речь идет, прежде всего об опубликованных данных. Некоторые архивные материалы имеются в Госкомстате ЭССР и Тартуском государственном университете.

² Имеется еще возможность рассчитать систему возрастных коэффициентов миграции отдельно по городскому и сельскому населению, т.е. по некоторым условным регионам.

териалу, приведенному в статье, в определенном смысле законченный характер.

Очевидно, пять лет слишком короткий отрезок времени, чтобы выдвинуть на основе данных, относящихся к этому периоду какие-нибудь серьезные гипотезы о характере стабилизации миграционного движения ЭССР. Изучение динамики и уровня миграции требует привлечения более богатого материала, который отчасти и имеется. Основным направлением данной статьи является анализ миграционных возрастных кривых, в частности, выявление тех тенденций, которые проявляются в начальном этапе стабилизации подвижности населения.

Хотя на основе приведенного в статье материала нельзя сделать обобщающих выводов, надеюсь, эта информация окажется полезной для продолжающихся исследований миграции в качестве одного целостного блока.

I. Некоторые определения

В Советском Союзе постоянная миграция фиксируется при изменении места жительства за пределами данного административного региона. Очевидно, определение границ этих регионов играет очень важное значение в формировании статистической информации о миграции. Обычно первичными регионами считают сельсоветы и города. Территориальное передвижение внутри первичных регионов не фиксируется в качестве миграции, а любые изменения места жительства за пределами этих регионов независимо от расстояния передвижения учитываются в этом качестве. Отсюда следует относительность любых показателей уровней миграции и вытекает требование осторожности сопоставления таких данных.

Под миграцией населения Таллина понимается передвижение людей за пределами города. Выезжающие, естественно, могут направляться в любые другие регионы, в число которых входят также населенные пункты, подчиняющиеся городскому совету Таллина (г. Маарду и п.г.т. Сауэ). Внутригородские перемещения людей, например, между существующими 4 городскими районами в миграции Таллина не входят^I. Если не считать несущественных изменений в 1980 г., то в течение 80-х гг. границы города остались стабильными. Отсюда

^I В 80-ых годах статистическое управление ведет учет о передвижении населения между районами города Таллина.

вытекает сопоставляемость данных миграции Таллина за этот период.

В статье понимается под миграцией Таллина поток выбывающих из города. Этот поток прямо связан с населением города, являясь частью его. Поток прибывающих в Таллин может лишь косвенно быть связан с населением города, и то отчасти — настолько, насколько речь идет о возвращающихся после учебы, работы или военной службы таллинцев. Сопоставление прибывших в Таллин с населением города с точки зрения выявления миграционных закономерностей непродуктивен и в статье не рассматривается. Поток прибывших образуется из числа выбывших из других регионов — именно в таком качестве его и следует изучать.

Понятие миграции населения ЭССР охватывает, кроме выбывших за пределы республики, и внутрирегионное передвижение при условии, что пересекаются границы сельсоветов или городов. Если Таллин — "регион-точка", то республика является внутренне дифференцированным регионом, включая, в частности, столицу в качестве одного из подрегионов. Как и в случае Таллина, в данной статье рассматривается только поток выбывающих. Другое дело, что часть этого потока — а именно меняющие места жительства в пределах ЭССР — одновременно входит и в контингент приезжающих в республику.

В таком определении двух рассматриваемых регионов очевидно, что миграция населения Таллина является частью миграции населения ЭССР. Подобный подход плодотворен прежде всего для изучения миграции Таллина, ибо в анализ включается система (регион) более высокого порядка.

В статье поток мигрантов дифференцируется по его направлению, выделяются внутри- и внереспубликанская миграция в зависимости от того, мигранты пересекают границу ЭССР или же передвигаются в пределах республики. Внутриреспубликанская миграция ЭССР образует внутренний оборот региона. Смысловая нагрузка соответствующей части миграции Таллина иная: она является внешней по отношению города (данного региона) и внутренней с точки зрения системы более высокого порядка. И тем не менее, как будет показано ниже, демографически имеется дело с однотипными явлениями, что и оправдывает одинаковую терминологию. Внереспубликанская миграция

ЭССР охватывает поток выехавших за пределы республики. Вне-республиканская миграция Таллина представляет только часть потока выехавших из города.

Используется еще один критерий дифференциации миграции Таллина и ЭССР. Кроме изучения "общей миграции", если из нее вычитается т.н. "спецконтингент"¹ то может быть изучена т.н. "основная миграция". Такой прием освобождает поток мигрантов от той части, передвижение которых строго регламентировано законом и не может поэтому быть носителем каких-нибудь других закономерностей. При изучении миграционных кривых данная дифференциация миграции является необходимым элементом анализа, т.е. спецконтингент имеет ярко выраженную специфическую возрастную структуру.

2. Величина и интенсивность миграции

Для характеристики величины и интенсивности миграции в статье используется три показателя. Во-первых, потоки миграции. Они приведены в относительных величинах, которые рассчитаны как процентное отношение к потоку 1980 года. Во-вторых, общие коэффициенты миграции, которые приводятся для двух смежных годов. В-третьих, суммарные коэффициенты миграции. Расчет этого показателя произведен двояко:

$$СКМ1 = \sum_{x=0}^{80} g_x \quad \text{и} \quad СКМ2 = \sum_{x=0}^{100} g_x,$$

где g_x - возрастные коэффициенты миграции.

Причиной является большая роль "хвоста", т.е. доли интенсивности миграции пожилых людей в величине суммарного коэффициента. Причем сама интенсивность миграции пожилых людей значительно колеблется из-за относительно малого абсолютного числа как переезжающих в этом возрасте, так и самих пожилых².

¹ В статье под условным термином "спецконтингент" мы понимаем ту часть мигрантов, которая по разным причинам не указывает место выезда и прибытия. Для обозначения движения этого контингента используется термин "спецмиграция".

² Одним из возможных путей увеличения содержания суммарного коэффициента миграции является нормирование этого показателя по таблице смертности с целью уменьшения зависимости этого коэффициента от колебаний пожилой миграции.

Т а б л и ц а 1

Потоки общей миграции ЭССР и Таллина в половом разрезе, 1980-1985 гг., %
(величина потока в 1980 г. взята за 100 %)

Годы	ЭССР			Таллин		
	оба пола	мужчины	женщины	оба пола	мужчины	женщины
1980	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0
1981	100.1	101.0	99.0	107.5	110.5	102.9
1982	98.5	99.4	97.2	109.8	112.4	105.7
1983	96.1	97.2	94.6	115.8	119.3	110.4
1984	94.8	94.5	95.1	113.6	116.0	110.0
1985	96.0	96.6	95.3	114.1	117.0	109.5

Т а б л и ц а 2

Общие коэффициенты миграции ЭССР и Таллина
в половом разрезе, 1980-1985 гг., %

годы	ЭССР			Таллин		
	оба пола	мужчины	женщины	оба пола	мужчины	женщины
1980/81	50.8	63.0	40.2	29.0	38.9	20.5
1981/82	50.0	62.3	39.4	29.9	40.6	20.8
1982/83	48.7	60.6	38.3	30.7	41.6	21.3
1983/84	47.4	58.5	37.7	30.9	41.8	21.6
1984/85	47.0	57.8	37.6	30.3	40.9	21.3

Таблица 1 содержит информацию об общих миграционных потоках отдельно для обоих полов. Выявляется заметное различие в направлении изменения величины потоков двух регионов даже при таком коротком временном интервале. Миграция ЭССР имеет тренд медленного спада, тогда как поток мигрантов из Таллина за 5 лет вырос почти на 15 %. В последнем случае наблюдаются и определенные различия: рост потока женщин в среднем двукратно уступает росту потока мужчин.

Те же самые тенденции демонстрируют соответствующие общие коэффициенты миграции (ОКМ) (см. табл. 2). В силу того, что общая численность населения республики как и

столицы за этот период возрастала, снижение миграции ЭССР по показателю ОКМ более выражено, а рост уровня миграции Таллина менее значимый. Величины ОКМ обеих регионов несопоставимы из-за разной структуры этих регионов. Однако можно сравнить уровень миграции мужчин и женщин. ОКМ для мужчин заметно выше по сравнению с таковой у женщин. В Таллине разница почти двухкратная, в республике в целом лишь немного меньше. Бросается в глаза, что изменения в передвижении мужчин более динамичны: как снижающий тренд в ЭССР, так и растущий в Таллине у них более выражены по сравнению с соответствующей динамикой показателей женщин.

Т а б л и ц а 3

Суммарные коэффициенты миграции ЭССР и Таллина (СКМ-2) в половом разрезе, 1980-1985 гг.

годы	ЭССР			Таллин		
	оба пола	мужчины	женщины	оба пола	мужчины	женщины
1980/81	4.14	4.56	3.63	2.41	2.74	2.00
1981/82	4.08	4.49	3.55	2.47	2.93	1.99
1982/83	3.98	4.45	3.45	2.49	2.92	1.99
1983/84	3.95	4.45	3.43	2.51	2.99	2.00
1984/85	3.96	4.40	3.47	2.49	2.87	2.01

Таблица 3 содержит суммарные коэффициенты миграции (СКМ). Преимуществом данного показателя следует считать его свойства не подчиняться влиянию изменений возрастной структуры населения. В случае общей, не разбитой на отдельные потоки миграции приведены СКМ 2, возможные случайные колебания "хвоста" в данном разрезе наименьшие.

Как снижение уровня миграции в ЭССР, так и его увеличение в Таллине по показателю СКМ окажется менее значимым, чем по ОКМ. Соответственно, влияние возрастной структуры на миграцию в двух регионах противоположное. В республике динамика возрастной структуры населения содействовала в течение 80-х гг. уменьшению потока мигрантов, в Таллине влияние оказалось обратным. По СКМ интенсивность миграции мужчин и женщин значительно ближе друг к другу, чем это показывал ОКМ. В целом, СКМ демонстрирует более стабильный и гомогенный характер процесса миграции ЭССР и Таллина по сравнению с другими показателями.

Следующие три таблицы, № 4-6, приводят данные миграции в зависимости от направления мигрантов. Схема представления трех используемых показателей останется прежней, только СКМ дается по первому варианту расчета (СКМ I).

Распределение мигрантов на вне- и внутриреспубликанские потоки выявляет дифференциацию миграции. Основной причиной этому служит существование двух демографически разных контингентов населения ЭССР и Таллина, каждый из которых участвует преимущественно в образовании лишь одного из этих потоков. Данная сложная тема является предметом отдельного исследования. Ограничусь здесь лишь констатацией двух положений. Во-первых, та часть населения, которая преимущественно образует внутриреспубликанский поток миграции, демографически более развитый. Можно предположить, что это так и по отношению миграционного развития. Отсюда вытекает повышенный интерес именно к этому потоку. Во-вторых, по сравнению с внутриреспубликанским, внереспубликанский поток больше подвергается влиянию случайных внешних факторов и отделение его от общего потока позволяет абстрагироваться от действия этих факторов при миграционных исследованиях.

Внутри- и внереспубликанские потоки миграции ЭССР (табл. 4) имеют аналогичный с общим потоком тренд, но поведение мужчин и женщин различается. У мужчин интенсивность миграции падает заметно быстрее по сравнению с женщинами в случае внутриреспубликанского потока, а при внереспубликанской миграции вообще спада не проявляется, скорее можно говорить о малом росте потока. Наибольшее снижение отмечается во внереспубликанском потоке миграции женщин. Разделение общего потока таллинской миграции выявляет меньше различий. Здесь стоит обратить внимание на показатели женщин. Внутриреспубликанский поток миграции растет значительно быстрее по сравнению с внереспубликанским. Такая ситуация в принципе отнотипна с тенденциями миграции женщин в республике в целом.

Общие коэффициенты миграции (табл. 5) свидетельствуют почти об одинаковом уровне внутриреспубликанской подвижности мужчин и женщин как в ЭССР, так и в Таллине. Ранее отмеченный более низкий уровень миграции женщин является почти исключительно результатом влияния внереспубликанской

миграции, при которой интенсивность среди женщин отстает от интенсивности среди мужчин в 3-4 раза.

Следует обратить внимание на пропорции двух потоков миграции. На уровне ЭССР внутриреспубликанская миграция превосходит дважды внереспубликанскую, в Таллине последняя образует большую долю. Роль внутриреспубликанской миграции заметно выше в женской подвижности: даже в Таллине соотношение потоков относится как 2:1.

Самым важным положением, которое демонстрирует СКМ (табл. 6), является более высокая по сравнению с мужчинами подвижность женщин во внутриреспубликанском потоке миграции ЭССР и Таллина. ОКМ данного факта не выявил из-за более старой возрастной структуры женщин. Можно говорить о некотором увеличении разницы в интенсивности мужчин и женщин за первую половину 80-х гг., что хорошо согласуется с половой дифференциацией миграции в историческом развитии. Однако одновременно это свидетельствует лишь о самом начальном этапе стабилизации миграции, если о последнем вообще можно говорить.

Особое внимание привлекает к себе резко отличающаяся по всем показателям внереспубликанская миграция. В этом потоке содержится спецмиграция, контингент которой административно строго определен и поэтому его изучение в качестве стохастического процесса непродуктивно. Целесообразно рассматривать внереспубликанскую миграцию без этого контингента. Соответствующие данные содержатся в таблицах 7-9. Однако модифицируются и показатели общей миграции, они также включены в таблицы. Спецмиграция связана в основном с мужским полом и лишь в незначительной степени - с женским. Данное обстоятельство оправдывает предоставление данных без выделения женского пола избегая таким образом практического повторения уже известных цифр.

Анализ данных основной миграции свидетельствует об устранении некоторых противоположностей между потоками внутри- и внереспубликанской миграции, а также в определенных случаях сближает интенсивность миграции мужчин и женщин. В ЭССР за 1980-1985 гг. интенсивность основной миграции мужчин по сравнению с женщинами падала быстрее как во внереспубликанском, так и в общем потоке (табл. I, 4, 7). Это было

Т а б л и ц а 4

Потоки общей миграции ЭССР и Таллина во внутри- и внереспубликанском и половом разрезе
1980-1985 гг., % (величина потока в 1980 г. взята за 100 %)

годы	ЭССР						Таллин					
	внутриреспубликанская миграция			внереспубликанская миграция			внутриреспубликанская миграция			внереспубликанская миграция		
	оба пола	муж-чины	жен-щины	оба пола	муж-чины	жен-щины	оба пола	муж-чины	жен-щины	оба пола	муж-чины	жен-щины
1980	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0
1981	98.6	98.8	99.2	103.2	105.0	98.3	108.4	111.6	105.8	106.7	109.9	97.2
1982	96.4	95.4	97.5	102.6	105.0	96.5	109.4	118.4	107.4	110.1	112.7	102.3
1983	93.9	92.4	95.3	100.7	104.0	92.0	114.4	112.6	116.0	117.2	123.2	99.3
1984	94.6	91.7	97.4	95.3	98.5	86.6	116.6	117.8	115.6	110.9	115.0	98.8
1985	95.3	93.3	97.3	97.5	101.2	87.7	113.9	116.9	111.5	114.2	117.1	105.5

Общие коэффициенты миграции ЭССР и Таллина во внутри- и внереспубликанском и половом разрезах, 1980 - 1985 гг., %

годы	ЭССР						Таллин					
	внутриреспубликанская миграция			внереспубликанская миграция			внутриреспубликанская миграция			внереспубликанская миграция		
	оба пола	муж-чины	жен-щины	оба пола	муж-чины	жен-щины	оба пола	муж-чины	жен-щины	оба пола	муж-чины	жен-щины
1980/81	33,8	36,1	31,7	17,0	26,9	8,5	13,9	14,0	13,8	15,1	24,9	6,7
1981/82	32,9	35,0	31,1	17,1	27,3	8,3	14,3	14,5	14,1	15,6	26,0	6,7
1982/83	31,9	33,6	30,3	16,8	26,9	8,0	14,5	14,4	14,6	16,2	27,3	6,7
1983/84	31,3	32,7	30,1	16,1	25,9	7,5	14,8	14,6	15,0	16,1	27,2	6,6
1984/85	31,3	32,5	30,3	15,7	25,3	7,3	14,6	14,7	14,6	15,7	26,2	6,7

Т а б л и ц а 6

Суммарные коэффициенты миграции ЭССР и Таллина (СЧМ I) во внутри- и внереспубликанском и половом разрезах, 1980 - 1985 гг.

Годы	ЭССР						Таллин					
	внутриреспубликанская миграция			внереспубликанская миграция			внутриреспубликанская миграция			внереспубликанская миграция		
	оба пола	мужчины	женщины	оба пола	мужчины	женщины	оба пола	мужчины	женщины	оба пола	мужчины	женщины
1980/81	2.50	2.48	2.51	1.20	1.70	0.67	0.99	0.93	1.05	1.02	1.46	0.55
1981/82	2.45	2.41	2.46	1.22	1.75	0.65	1.03	0.97	1.08	1.07	1.58	0.55
1982/83	2.37	2.34	2.40	1.20	1.75	0.63	1.05	0.96	1.13	1.12	1.68	0.54
1983/84	2.35	2.29	2.40	1.16	1.71	0.59	1.08	0.99	1.17	1.13	1.70	0.53
1984/85	2.37	2.30	2.42	1.15	1.69	0.58	1.07	1.02	1.13	1.11	1.66	0.54

также свойственно внутриреспубликанскому потоку. Изменения потоков основной миграции Таллина достаточно синхронные в половом разрезе.

Т а б л и ц а 7

Потоки основной миграции ЭССР и Таллина, все и внереспубликанское направление, 1980-1985 гг., % (величина потока в 1980 г. взята за 100)

годы	ЭССР				Таллин			
	вся миграция		внереспубликанская миграция		вся миграция		внереспубликанская миграция	
	оба пола	мужчины	оба пола	мужчины	оба пола	мужчины	оба пола	мужчины
1980	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0
1981	97.6	96.3	94.1	90.9	104.1	105.4	98.2	99.3
1982	96.0	94.9	94.6	93.7	105.3	105.5	99.8	99.2
1983	93.3	92.2	91.4	91.4	107.5	105.8	98.2	99.3
1984	92.6	90.1	85.8	85.8	106.8	104.9	93.5	92.1
1985	92.9	90.9	84.8	83.8	108.5	108.6	101.1	100.4

Показатель ОКМ хорошо выявляет сближение подвижности женщин и мужчин в основной миграции (табл. 2,5,8); лишь во внереспубликанском потоке миграции Таллина разрыв остается двухкратным. ОКМ основной миграции не показывает тенденцию роста ни в одном из рассматриваемых потоков. Следует обратить внимание на заметное изменение пропорции между вне- и внутриреспубликанскими миграционными потоками.

СКМ также не свидетельствует о тенденции роста ни в одном из основных миграционных потоков (табл. 9). Этот тренд свойственен лишь внутриреспубликанскому потоку миграции Таллина (табл. 6). Во внереспубликанском миграционном потоке интенсивность подвижности мужчин по сравнению с женщинами останется более высокой, составляя контраст внутриреспубликанскому потоку, хотя разрыв по СКМ минимизируется. Интересно отметить, что СКМ основной и общей миграции ЭССР в абсолютном выражении различаются больше, чем соответствующие показатели Таллина. С другой стороны, относительный эффект существеннее именно в столице.

Т а б л и ц а 8

Общие коэффициенты основной миграции ЭССР и Таллина, вся и внереспубликанская миграция, 1980 - 1985 гг., %

Годы	ЭССР						Таллин			
	вся миграция			внереспубликанская миграция			вся миграция		внереспубликанская миграция	
	оба пола	муж-чины	оба пола	оба пола	муж-чины	оба пола	муж-чины	оба пола	муж-чины	
1980/81	43.5	47.5	9.7	11.4	23.6	27.4	9.7	13.4		
1981/82	42.3	45.9	9.4	10.9	23.9	27.6	9.6	13.1		
1982/83	41.1	44.5	9.2	10.8	24.0	27.4	9.5	13.0		
1983/83	40.0	43.0	8.7	10.3	23.9	27.0	9.1	12.4		
1984/85	39.6	42.3	8.3	9.7	23.7	27.0	9.1	12.3		

Суммарные коэффициенты основной миграции ЭССР и Таллина, вся и внереспубликанская миграция, 1980 - 1985 гг.

Т а б л и ц а 9

Годы	ЭССР				Таллин			
	вся миграция (Скм 2)		внереспубликанская миграция		вся миграция (Скм 2)		внереспубликанская миграция	
	оба пола	муж-чины	оба пола	мужчины	оба пола	мужчины	оба пола	мужчины
1980/81	3.65	3.60	0.71	0.74	2.07	2.08	0.68	0.81
1981/82	3.54	3.46	0.68	0.72	2.09	2.18	0.68	0.82
1982/83	3.45	3.41	0.67	0.72	2.04	2.06	0.68	0.83
1983/84	3.43	3.42	0.64	0.68	2.04	2.07	0.66	0.79
1984/85	3.43	3.36	0.61	0.65	2.04	1.99	0.66	0.78

В целом устраняя влияние спецконтингента, общая картина миграции по всем показателям вырисовывается значительно более гомогенной, чем можно получить при учете всех мигрирующих. Этот факт нельзя упускать из виду при попытках выявить миграционные закономерности и обобщать тренды. С практической точки зрения, конечно, первоочередной интерес направлен на изучение общего потока мигрантов, а не составляющих его отдельных подпотоков.

3. Кривые миграции

Вышеанализируемые показатели миграции той или иной степени зависят от определения региона, по отношению которого территориальная подвижность изучается. Это уменьшает возможности использования данной информации в целях сравнения миграционного развития в территориальном разрезе. Кривые миграции, представляющие возрастные интенсивности подвижности населения, более универсальны для любых сравнений. Соответствующий банк данных уже солидный. Под эгидой IIASA все страны-участницы осуществили исследования, которые в том числе содержат информацию и по кривым миграции. (Серия: Migration and Settlement). Методологической основой этой работы служили целый ряд статей, например, [3, 4, 5, 6]. Далее изучение кривых миграции расширилось, в частности, результаты оказались весьма продуктивными при анализе причин миграции. В Советском Союзе одним из первых обратил внимание на информативность кривых миграции Н.Б. Баркалов в своей монографии [1, с. 55-61].

Кривые миграции ЭССР и Таллина приведены на 2-х рисунках и представлены в разбивке, использованной в предыдущем параграфе (рис. 1 и 2). Рисунки содержат информацию обо всем потоке, о вне- и внутривнутриреспубликанских потоках, раздельно по общей и основной миграции. Все графики отражают данные 1984/85 гг.

Не останавливаясь на деталях анализа кривых миграции, следует выделить следующие основные моменты. Во-первых, миграция имеет значительную возрастную дифференциацию. В возрастной группе 15-19 лет подвижность резко растет - превышая до 4-5 раз соответствующие показатели более младших

ОБЩАЯ МИГРАЦИЯ

ОСНОВНАЯ МИГРАЦИЯ

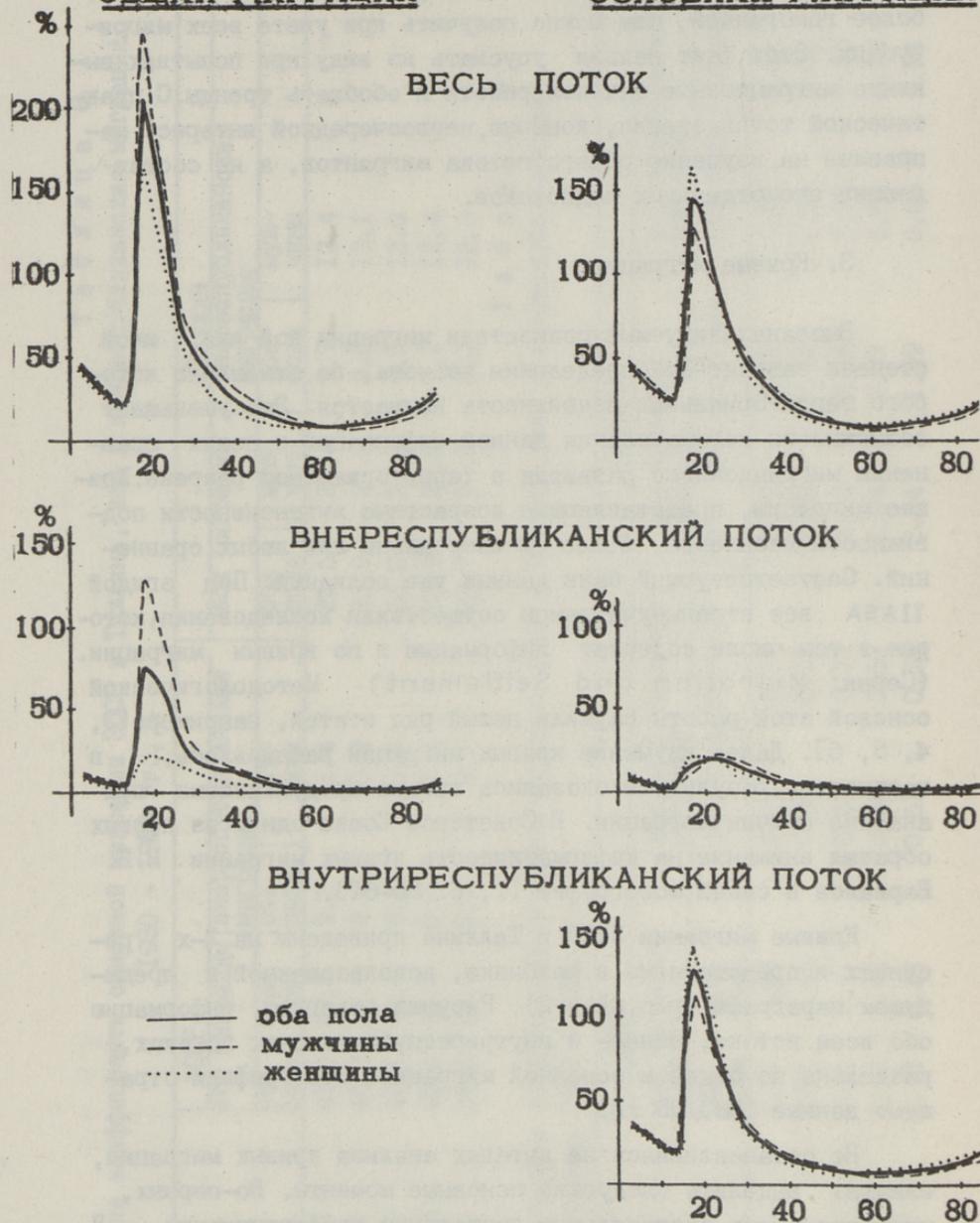
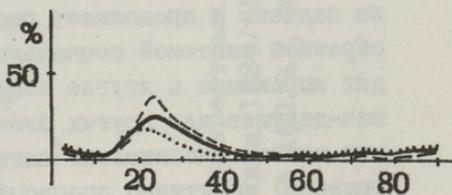
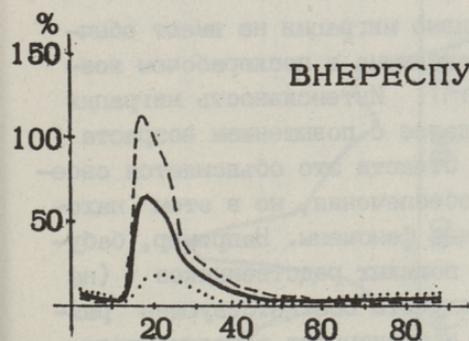
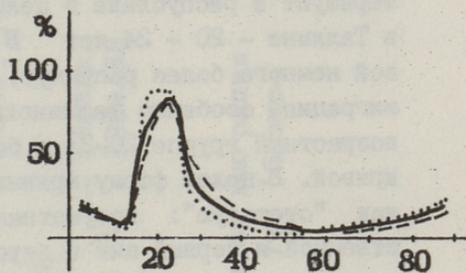
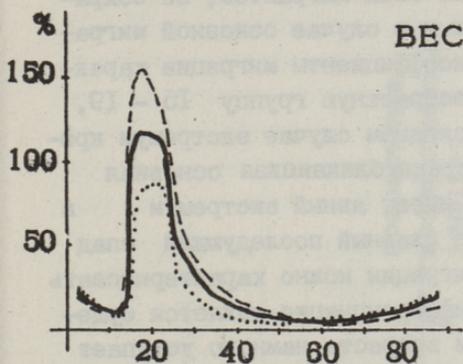

Рис. 1. Кривые миграции Эстонской ССР, 1984/85 гг.

ОБЩАЯ МИГРАЦИЯ

ОСНОВНАЯ МИГРАЦИЯ

ВНУТРИРЕСПУБЛИКАНСКИЙ ПОТОК

- оба пола
- - - мужчины
- женщины

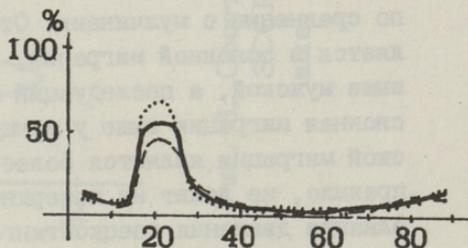

Рис. 2. Кривые миграции Таллина, 1984/85 гг.

возрастов. Затем следует быстрый, хотя более плавный по сравнению с ростом, спад. Очевидно, такая форма кривой более выражена при охвате анализом всех мигрантов, но сохраняет свои принципиальные черты и в случае основной миграции. Максимальные возрастные коэффициенты миграции характеризуют в республике в целом возрастную группу 15 - 19, в Таллине - 20 - 24 лет. В последнем случае экстремум кривой немного более растянут. Внереспубликанская основная миграция, особенно таллинская, имеет явный экстремум в возрастной группе 20-24 и более плавный последующий спад кривой. В целом форму кривых миграции можно характеризовать как "отсталую": возрастная дифференциация является существенной и первый пик в детском возрасте намного уступает максимуму в группе 15-24 лет.

Во-вторых, приведенные кривые миграции не имеют обычно наблюдаемого подчиненного максимума в послерабочем возрасте (т.н. retirement migration). Интенсивность миграции в пожилом возрасте растет, но далее с повышением возраста не падает, а продолжает расти. Отчасти это объясняется своеобразной системой социального обеспечения, но в этом находят выражение и другие социальные феномены. Например, бабушек-дедушек или других близких пожилых родственников (на них можно относительно легко получить соответствующее разрешение) фиктивно прописывают и выписывают в целях получения (или получения большей) квартир.

В-третьих, после максимума в возрастной группе 15-24 лет у женщин интенсивность миграции падает намного быстрее по сравнению с мужчинами. Отчетливо эта тенденция проявляется в основной миграции, где экстремум женской кривой выше мужской, а последующий минимум ниже. Однако послепенсионная миграция выше у женщин. Таким образом, кривая мужской миграции является более плавной, причем этот факт, как правило, не лежит на поверхности из-за маскирующего его влияния движения спецконтингента.

Выше было уже отмечено, что пятилетний период данных, используемых в данной статье, не позволяет изучать сколь-нибудь глубоко динамику миграции. И тем не менее, даже за этот период выявляются неодинаковые изменения кривых миграции ЭССР и Таллина. На рис. 3 возрастные коэффициенты основной миграции 1984/85 гг. соотнесены базисным коэффици-

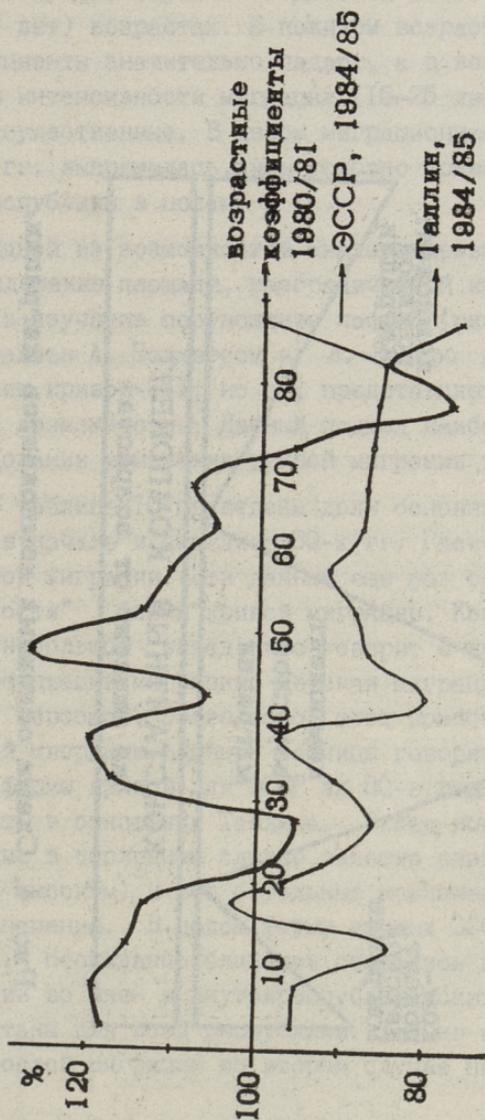

Рис. 3. Соотношение возрастных коэффициентов миграции ЭССР и Таллина 1984/85 и 1980/81 гг. (базисные, взяты за 100 %), %.

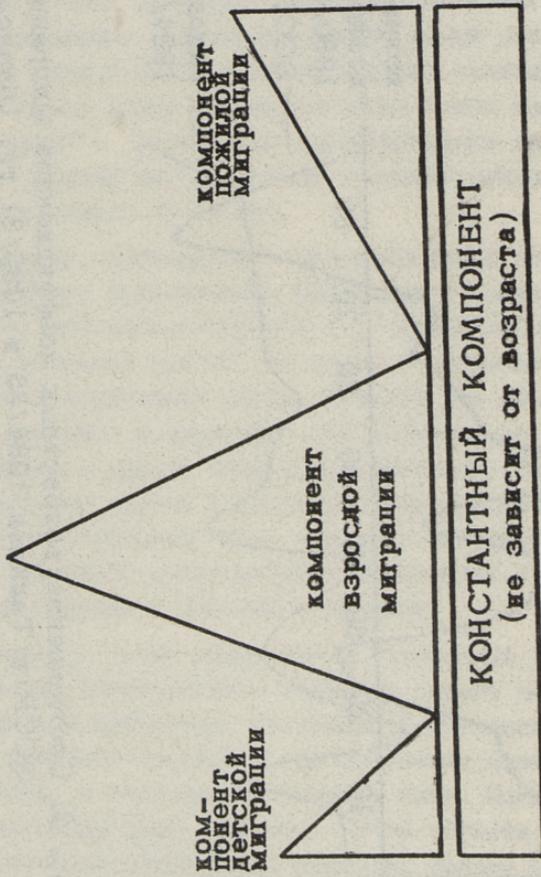

Рис. 4. Схема основных компонентов миграции.

ентом 1980/81 гг. Коэффициенты миграции ЭССР, хотя с определенными колебаниями, в течение пяти лет относительно равномерно падают. Коэффициенты миграции Таллина показывают выше среднего рост в детском (0-15 лет) и в средних (30-60 лет) возрастах. В пожилом возрасте (свыше 75 лет) коэффициенты значительно падают, а в возрастной группе наивысшей интенсивности миграции (15-25 лет) изменения не очень существенные. В целом миграционная кривая Таллина в 80-е гг. выпрямилась, лишь условно можно это утверждать для республики в целом.

Одной из возможностей анализа кривых миграции является разделение площади, разграниченной кривой, на отдельные части и изучение соотношения частей (рис. 4). Такой подход представлен А. Роджерсом и Л. Кастро для математического описания кривой [5], но он, представляется, имеет аналитические возможности. Данный подход наиболее продуктивен в исследовании изменения кривой миграции в динамике.

В таблице 10 приведены доли основных компонентов миграции в начале и середине 80-х гг. Расчеты сделаны на базе основной миграции. Эти данные еще раз свидетельствуют об "отсталости" формы кривой миграции. Константный компонент имеет небольшой вклад, что говорит о высокой возрастной дифференциации миграции. Детская миграция еще намного уступает взрослой, более того, этот компонент уступает даже пожилой миграции. Данные таблицы говорят о малой изменчивости формы кривой для ЭССР за 80-е годы, чего нельзя утверждать в отношении Таллина. Вклад компонента пожилой миграции в последнем случае заметно снизился (хотя остался еще высоким) и все остальные компоненты увеличивали свое значение. В целом формы кривых ЭССР и Таллина сблизились. Неожиданно близкими оказались доли компонентов миграции во вне- и внутриреспубликанских потоках, которые рассчитаны для всей республики. Тем не менее доля компонента взрослой миграции во втором случае ниже.

4. Результаты и обобщения

Ограничение информационной базы статьи данными миграции лишь 80-х гг. позволило подробно представить результаты сделанных расчетов. На фоне незначительного распространения

подобной информации по Эстонской ССР, а также по всему Советскому Союзу, приведенные данные миграции сами по себе могут иметь определенный интерес. Они могут быть использованы и при последующих исследованиях миграции. Однако на основе представленного материала нельзя сделать далекоидущих обобщений о миграционном развитии ЭССР. Выводы статьи в этой области следует рассматривать прежде всего в качестве гипотез, которые требуют дальнейшего подтверждения. Другой блок результатов-выводов соединяет некоторые методические наблюдения и советы способов использования и анализа официальной миграционной статистики.

Уровень миграции в Эстонской ССР еще продолжает падать. Этот тренд можно фиксировать разными показателями. Однако снижение уровня миграции несомненно замедлилось. Имеются подрегионы, где уровень миграции стабилизировался. Одним из таких можно считать столицу республики. Хотя устранение влияния спецмиграции и расчет более содержательных показателей выявили относительность роста интенсивности миграции Таллина (утверждение оказалось правдивым только для внутриреспубликанского женского потока), не нашлось и индикаторов продолжения снижения. Можно предположить, что некоторые другие большие и средние города ЭССР также представляют регионы стабилизирующегося уровня миграции. Косвенно об этом свидетельствует положительное сальдо миграции сельского населения республики с 1983 г.

Т а б л и ц а 10
Доли компонентов основной миграции ЭССР и Таллина, %

Компонент миграции	Основная миграция ЭССР				Основная миграция Таллина	
	1980/81		1984/85		1980/81	1984/85
		весь поток	внутриресп. публ. поток	вне-республ. поток		
Константный	29.4	28.6	28.3	27.4	24.4	28.1
Детский	10.5	10.4	10.8	9.5	4.9	6.0
Взрослый	48.9	49.1	48.6	51.9	48.1	50.1
Пожилый	11.2	11.9	12.3	11.2	22.7	15.8

В течение миграционной революции интенсивность передвижения мужчин выше по сравнению с женщинами. В 80-е годы ситуация в ЭССР стала противоположной, факт который также служит признаком начала стабилизации миграции.

Кривые миграции ЭССР имеют еще достаточно традиционную форму. Сколь угодно заметного совершенствования формы кривых не наблюдается. Определенные сдвиги в случае Таллина лишь приблизили показатели столицы, до этого "более отсталые", к общереспубликанским.

Сказанное выше можно коротко сформулировать в виде противоречия: в ЭССР имеются признаки стабилизации миграции, но самой стабилизации еще нет. Одно ясно: в процессе миграции уже происходили и, наверное, будут происходить большие изменения. Учитывая, что более чем четверть века продолжается снижение интенсивности миграции, а возрастные кривые до нынешнего времени сохраняют прежнюю форму, можно ожидать заметных сдвигов именно в пропорциях передвигающихся групп населения. Другими словами, ожидаются изменения в причинах миграции. Осуществление подобных сдвигов подтвердило бы гипотезу о том, что "усовершенствование" формы кривой миграции начинается лишь в конце периода снижения интенсивности процесса. Здесь имеются прямые параллели с прохождением демографической революции.

Далее о методической стороне изучения миграции. Фундаментальным, если так можно выразиться, моментом является учет связи миграции с населением конкретного региона. По этой причине первичным процессом является выбытие. Прибытие в данный регион следует также рассматривать как выбытие из других регионов.

Почти все показатели миграции зависят от того или иного определения регионов, между которыми имеет место территориальное передвижение населения. Официальная миграционная статистика учитывает административные границы, которые, однако, нередко меняются. Отсюда вытекает требование осторожности при составлении временных рядов показателей миграции.

Полезные результаты можно получить, разделяя общий поток мигрантов на подпотоки в зависимости от места прибытия вместе с последующим отдельным изучением этих подпо-

токов. Особо хочется обратить внимание на необходимость абстрагироваться от спецмиграции, модифицирующее влияние которой на общие показатели миграции может привести к искаженным выводам.

Содержательность и простота расчета суммарного коэффициента миграции оправдывают более широкое применение этого показателя в советских миграционных исследованиях. Одновременно сама методика расчета суммарного коэффициента может быть улучшена.

Л и т е р а т у р а

1. Баркалов Н.Б. Моделирование демографического перехода. - М., 1984.

2. Саккеус Л. Стабилизация межрегиональных миграционных связей // Воспроизводственные процессы города. - Таллин, 1986. - С. 83-95.

3. Castro L., Rogers A. Model migration schedules: a simplified formulation and an alternative parameter estimation method // IIASA, Luxemburg, 1981 (WP - 81-63).

4. Castro L., Rogers A. What the age composition of migrants can tell us // IIASA, Luxemburg, 1982 (WP - 82-94).

5. Rogers A., Castro L. Model migration schedules // IIASA Reports. - 1981. - Vol. 4, N 2. - P. 239-286.

6. Rogers A., Raquillet R., Castro L. Model migration schedules and their applications // Environment and Planning A. - 1978. - Vol. 10, N 5. - P. 475-502.

K. Katus

Migration Development in 1980ies

Abstract

The present paper focuses its attention on the migration development in the Estonian SSR on the first half of the 1980ies, i.e., on the period of appearance of some in-

dicators proving the cease of migration transition. Representing the preliminary results of a research project, the official 1980-85 migration statistics on the two regions, the Estonian SSR and Tallinn, have been used as the basic data. It is not the intention of the present paper to exceed the relatively short time span for the more accomplished presentation and analysis of the material. Such an approach is also being justified by the shortage general of the given material in the Soviet Union.

The three indicators characterizing migration are migration flow, crude migration rate (CMR) and general migration rate (GMR).

In the Estonian SSR migration intensity is still declining but remarkably slower if compared to the earlier periods. In some subregions, e.g. in Tallinn, the declination has been ceased. The female migration intensity of the 1980ies exceeds the male corresponding indicators of the Estonian internal migration flow, although, the external migration flow reflects contrary situation. Migration age schedules come as traditional and show little changes for the time being. Migration concerning the first half of the 80ies allows us to prognosticate that the stabilization becomes rooted during the following 5 year period.

Some methodical research principles are drawn out in this paper to open up the possibilities of exploiting the official statistics available. Before analyzing the migration data it would be important to learn about the inner and outer structures of the present region as well as to observe the regional boundary changes in comparative research. Proper results could be achieved by dividing the general migration flow into subflows by the region of destination. Migration, particularly the external migration, should preferably be studied without special migration (army recruits mainly). For its administratively reglemented nature the latter has prominently specific character and noticeably modifies the general migration data. GMR, which lacks the practice of application in the Soviet Union, permits much completer migration analysis. Migration schedule should be regarded as an essential element of the analysis.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В
ИССЛЕДОВАНИИ ЗАНЯТОСТИ

Существенным компонентом общественного воспроизводства является экономическая активность населения. Структура, численность и другие параметры активной части населения зависят от демографических процессов, с одной стороны, и от занятости, с другой стороны. Демографическим развитием (прежде всего возрастной структурой) детерминировано наличие трудовых ресурсов, занятостью определено их действительное использование.

Занятость представляет собой процесс использования труда населения в разных сферах общественно-полезной деятельности [1, с. 6]. Согласно сферам деятельности в социалистическом обществе различают несколько основных форм занятости: учеба с отрывом от производства, занятость в общественном производстве, занятость в домашнем и личном подсобном хозяйстве, служба в вооруженных силах [2]. С экономической точки зрения наибольший интерес представляет занятость населения в общественном производстве.

Участие в общественном производстве и деятельность в других сферах занятости дифференцирована - у разных групп населения свои основные сферы деятельности. Главными дифференцирующими признаками являются демографические - пол и возраст. Сфера занятости, участие в создании и потреблении общественного богатства, основные социальные функции имеют ясно выраженную половозрастную дифференциацию. Агентом общественного производства выступает население в рабочем возрасте, люди до- и послерабочего возраста заняты соответственно учебой или являются пенсионерами. Соотношение этих контингентов, возрастные границы и длительность трудового периода оказывают существенное влияние на социальную

экономическое развитие общества. Поэтому следует обратить должное внимание на изучение занятости с точки демографических закономерностей.

Изучение занятости с демографического аспекта (со стороны населения) отличается от исследования других аспектов процесса (отраслевой, социально-, профессиональной и др. структур занятости) главным образом из-за того, что за основу принят реальный трудовой потенциал населения.

Методы исследования демографических закономерностей занятости имеют много общего с методами статистики населения и демографии. Традиционным средством анализа считаются коэффициенты экономической активности населения [3, с. 20]. С помощью показателя общего уровня, который определяется как соотношение занятых по всему населению, характеризует-ся соотношение производства и потребления всего населения. Изменения уровня вызывает эволюция возрастной структуры, с одной стороны, сдвиги в повозрастной занятости, с другой стороны. Аналитические возможности общего показателя ограничены из-за трудностей для различения влияния факторов (до определенной степени влияние возрастной структуры можно отстранить с помощью методов стандартизации).

Более детальное представление о занятости получается изучением ее в возрастных группах. Повозрастные показатели не зависят от структуры населения и поэтому отражают более адекватно интенсивность изучаемого процесса в разных группах населения. Это свойство делает их выгодным средством для сравнительного анализа. На основе повозрастных показателей можно судить о тенденциях (рост или уменьшение) и резервах занятости. Обычно такой анализ проводится отдельно для младших, средних и старших возрастов. Целостную картину процесса в возрастных группах получаем на основе кривой занятости стационарного населения (см. рис. 2).

Сравнение форм кривых разных периодов дает возможность выявить эволюцию занятости. При изучении дифференциации занятости обычно проводится сравнение мужского и женского, сельского и городского населения, а также сравнения с другими регионами. Дополнительные знания о процессах можно получить одновременным рассмотрением нескольких видов занятости во взаимоотношениях: рост занятости в одних сферах (в обще-

ственном производстве, на учебе) сопровождается сокращением в других сферах (в домашнем и личном подсобном хозяйстве). Кривые занятости могут быть использованы в качестве основы прогноза трудовых ресурсов и рабочих мест.

Необходимой предпосылкой анализа демографической структуры занятости является наличие соответствующих статистических данных. Основу количественной характеристики образует численность населения, занятого в общественном производстве. От точности этой величины зависит верность всех остальных показателей, следовательно, требуется проверка правильности соответствующих данных. Во многих основательных работах этот момент до сих пор упускается [4, 5].

Для определения числа занятых можно пользоваться двумя источниками информации: текущей статистикой и переписями населения. При их сравнении обнаруживается разница в порядке 5-7 % от общего числа занятых в общественном производстве. Основным документом текущей статистики — баланс трудовых ресурсов — получен путем сводки отраслевой отчетности, что затрудняет определение числа занятых по территориальному признаку: нередко люди живут и работают на одном, а на учебе стоят на другом месте. Некоторые контингенты занятых попадают в баланс в число занятых в домашнем и личном подсобном хозяйстве. Главным недостатком текущей статистики является ограниченность возможностей анализа из-за отсутствия в программе учета основных социально-демографических признаков.

Данные переписей от названных недостатков свободны, но число занятых по переписи увеличено за счет женщин, находящихся в отпуске по беременности и родам, и по уходу за ребенком, а также за счет срочнотрудовых. Несмотря на высокую социальную значимость деятельности этих групп населения, их нельзя считать занятыми в общественном производстве: вооруженные силы считаются отдельной сферой занятости [6, с. 480], упомянутых женщин следует считать занятыми в домашнем хозяйстве. По всей вероятности, причиной упущения этих моментов при анализе занятости является то, что отсюда вытекает невозможность точного определения числа занятых.

Выходом из такого положения является экспертная корректировка данных. За основу корректировки следует принять данные переписи, как более достоверного и полного источника информации [7, с. 5]. При корректировке из числа занятых отчисляются упомянутые категории населения. Исходными данными для корректировки служат возрастные структуры мужского и женского населения и числа рождений. Некоторые допущенные при корректировке условности не мешают скорректированным данным быть более точными. Результаты приведены на рис. 1.

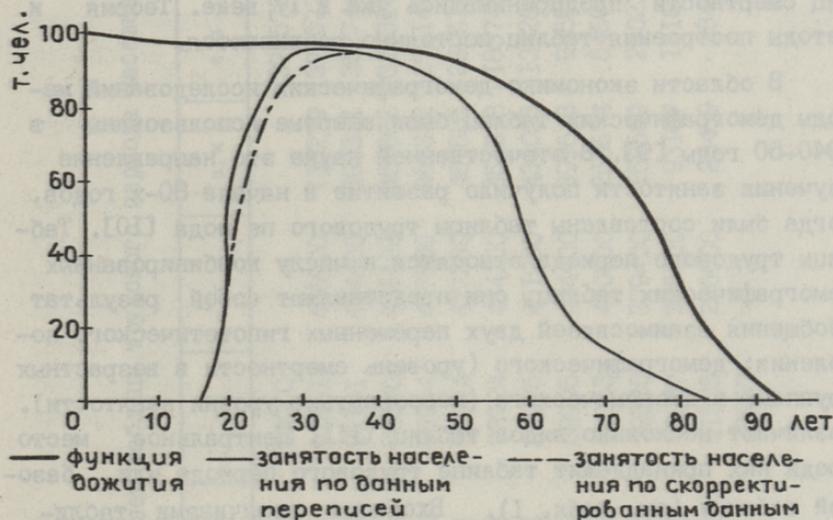

Рис. 1. Корректировка занятости населения Таллина в 1979-м году.

Разница между уточненными и переписными данными значительна, в частности, в возрастных группах 16-19 и 20-24. Влияние корректировки отражается на многих показателях. В результате корректировки общий уровень занятости уменьшается на 2-3 %, у мужчин уменьшение больше, чем у женского населения. В группе 16-19 по уточненным данным занятость женщин выше, чем у мужчин. Максимальный уровень занятости пе-

решается в более поздний возраст. Из приведенных примеров выходит, что корректировку следует считать нужным компонентом анализа занятости, позволяющим получить более точные результаты.

Анализ на основе традиционных методов имеет свои недостатки – не учитываются все факторы, влияющие на процессы занятости. От этих недостатков можно избавиться применением метода демографических таблиц, одного из наиболее распространенных методов представления и анализа демографических явлений. Таблицы представляют собой упорядоченные ряды взаимосвязанных величин, характеризующих течение одного или нескольких демографических процессов в когорте [8]. Применение табличного метода имеет в демографических исследованиях давние традиции – попытки составления таблиц смертности предпринимались уже в 17 веке. Теория и методы построения таблиц постоянно развиваются.

В области экономико-демографических исследований методы демографических таблиц были впервые использованы в 1940–50 годы [9]. В отечественной науке это направление изучения занятости получило развитие в начале 80-х годов, когда были составлены таблицы трудового периода [10]. Таблицы трудового периода относятся к числу комбинированных демографических таблиц, они представляют собой результат обобщения взаимосвязей двух переменных гипотетического поколения: демографического (уровень смертности в возрастных группах) и экономического (повозрастные уровни занятости). Различают несколько видов таблиц [11]. Центральное место среди них принадлежит таблице трудового периода или базовой таблице (см. табл. I). Входными величинами таблицы являются показатели смертности (l_x , L_x , e_x) и трудовой активности (a_x). Основными выходными величинами являются брутто- и нетто-продолжительности предстоящей трудовой жизни ($v_{a,x}$ и $e_{a,x}$). Нетто-продолжительность отражает фактическую длительность трудового периода, в брутто-показателе не отражается негативное влияние смертности в рабочем возрасте. Разница между брутто- и нетто-показателем представляет собой потери трудового потенциала от смертности.^I

^I Все расчеты, приведенные в таблицах, основаны на архивных материалах Госкомстата ЭССР (фонды 10-898, 26-869, 12-34).

Образец таблицы трудового периода населения.

X	a _x	b _{a, x}	l _x	L _x	L _{a, x}	T _{a, x}	e _{a, x}	e _x	e _{m, x}
0		41,65	100000			3765722	37,66	70,70	33,04
15	28,4	41,65	97551	486900	138279	3765722	38,60	57,40	18,80
20	81,4	40,23	97161	484400	394301	3627442	37,33	52,60	15,27
25	95,9	36,16	96580	481400	461662	3233141	33,48	47,90	14,42
30	97,6	31,36	95954	477800	466332	2771478	28,88	43,20	14,32
35	98,0	26,48	95094	477230	467685	2305145	24,24	38,60	14,36
40	98,0	21,58	93724	464100	454818	1837460	19,61	34,10	14,49
45	96,5	16,68	91775	451900	436083	1382642	15,07	29,80	14,73
50	92,0	11,85	88795	434400	399648	946558	10,66	25,70	15,04
55	64,9	7,25	84753	410900	266674	546910	6,45	21,80	15,35
60	41,8	4,00	79330	379400	158589	280236	3,53	18,10	14,57
65	27,8	1,91	72007	335100	93157	121647	1,69	14,70	13,01
70	10,3	0,52	61585	276600	28489	28489	0,46	11,80	11,34
75			48967						

Бюджет жизни населения г. Таллина в 1959-, 1970- и 1979-м гг. 22 (года)

	Мужчины		Женщины		Все население	
	1959	1979	1959	1979	1959	1979
	1970	1979	1959	1979	1959	1979
1. Длительность периодов жизни						
- дошкольный период	7,1	7,0	6,9	7,1	7,1	7,0
- учеба	10,4	11,0	11,8	10,6	10,5	12,0
- трудовой период	36,1	36,7	37,0	29,3	32,1	36,8
- пенсионный период	11,2	11,2	10,2	25,0	19,3	15,1
2. Границы периодов жизни						
- возраст окончания учебы	17,4	17,4	18,2	17,5	17,4	18,3
- возраст начала трудовой деятельности	18,1	18,4	19,2	18,5	18,3	19,3
- потенциальный	22,1	21,2	21,2	18,5	20,3	20,3
- реальный	22,1	21,2	21,2	18,5	20,3	20,3
- окончательный	57,9	58,1	58,9	54,5	56,3	57,0
- возраст окончания трудовой деятельности	61,2	59,8	61,6	56,5	57,9	58,9

На основе базовой таблицы получают аналитические таблицы — таблицы трудового периода рабочей силы и притока и убыли рабочей силы. Специфика первых состоит в том, что в них отражается режим труда лишь той части населения, которая фактически поступает на работу. Вне рассмотрения остаются люди, которые не хотят или не могут поступить на работу (домохозяйки, инвалиды). Таблицы притока и убыли рабочей силы содержат подробную информацию о процессе изменения занятости в зависимости от возрастного признака.

Таблицы трудового периода позволяют характеризовать занятость с точки зрения бюджета жизни человека. Бюджет жизни представляет собой разделение жизни человека (поколения) на периоды. Основными статьями бюджета жизни являются дошкольный период, учеба, период трудовой деятельности и пенсионный период (см. табл. 2). Бюджет жизни содержит также границы этих периодов — средний (медианный) возраст окончания учебы, возраст вступления на работу и выхода на пенсию. От границ зависит длительность периодов жизни и соотношение занятого и незанятого населения.

Следует различать 2 вида границ: фактические и юридические. Юридические границы установлены законодательством, согласно которому сейчас начало рабочего возраста 16 лет, а конец у мужчин в возрасте 60, у женщин — 55 лет. Фактически границы в силу социально-экономических факторов (удлинение сроков обучения, служба в вооруженных силах и т.д.) расходятся юридическими. При использовании корректировки данных следует различать варианты показателя начала трудовой деятельности (см. рис. 3).

Потенциальный возраст вступления на работу опирается на нескорректированные данные переписи населения и отражает начало трудовой деятельности без учета службы в вооруженных силах. Реальное начало трудовой жизни показывает фактический возраст вступления на работу. Показатель окончательного начала не учитывает краткосрочный период работы перед службой в армии. Возраст прекращения трудовой деятельности может быть рассчитан, как с учетом смертности (фактический возраст), а также без этого влияния (возраст выхода на пенсию). Преимуществом всех показателей бюджета

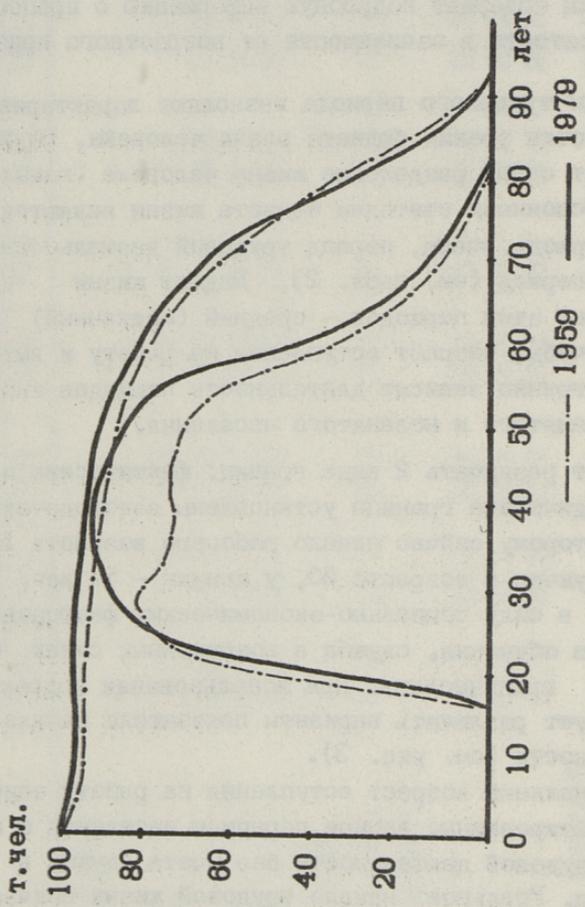

Рис. 2. Кривые занятости стационарного населения Таллина в 1959 и 1979 гг.

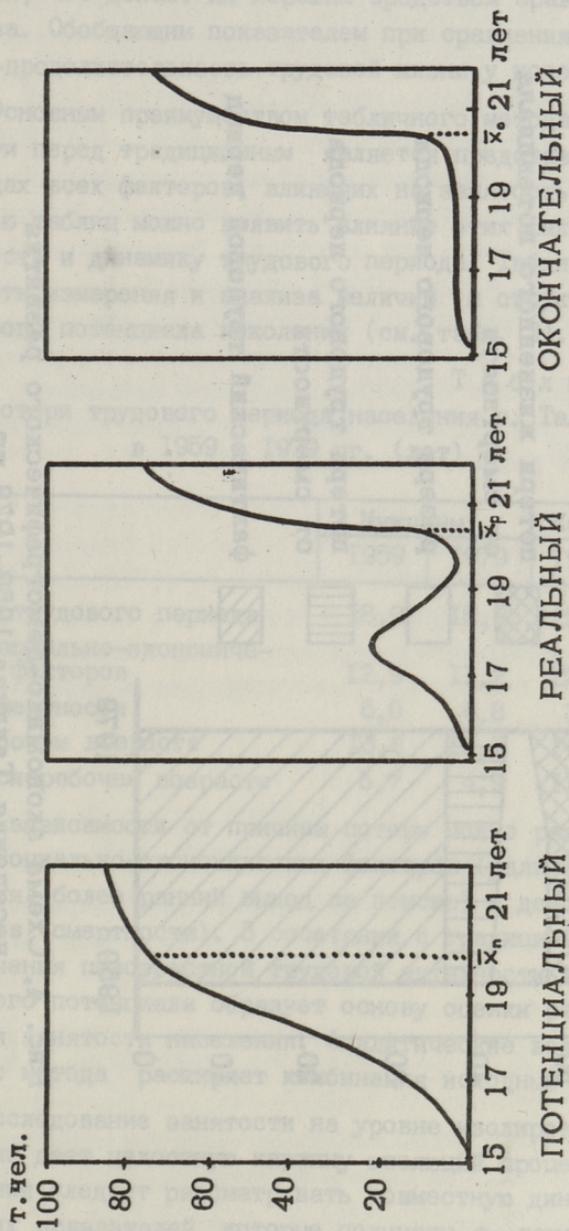

Рис. 3. Варианты расчета показателя возраста начала трудовой деятельности.

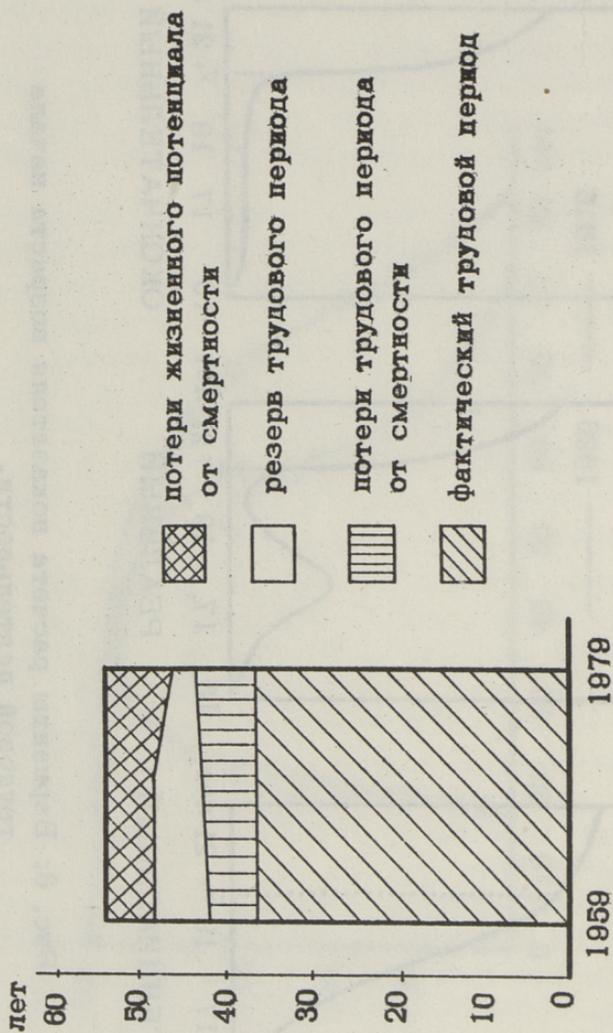

Рис. 4. Схема экономико-демографического развития населения Таллина 1959-1979 гг.

жизни является их независимость от возрастной структуры населения, что делает их хорошим средством сравнительного анализа. Обобщающим показателем при сравнениях считается нетто-продолжительность трудовой жизни у новорожденных.

Основным преимуществом табличного метода анализа занятости перед традиционным является представленность в таблицах всех факторов, влияющих на занятость населения. С помощью таблиц можно выявить влияние этих факторов на длительность и динамику трудового периода. Таблицы дают возможность измерения и анализа величин и структуры потерь трудового потенциала поколения (см. табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Потери трудового периода населения г. Таллина
в 1959 и 1979 гг. (лет)

	Мужчины		Женщины	
	1959	1979	1959	1979
Потери трудового периода	18,9	18,0	25,7	18,4
- от социально-экономических факторов	12,9	11,2	22,4	15,9
- от смертности	6,0	6,8	3,3	2,5
- в рабочем возрасте	13,2	13,1	14,1	9,0
- в послерабочем возрасте	5,7	4,9	11,6	9,4

В зависимости от причины потерь можно различать потери от социально-экономических факторов (удлинение сроков обучения, более ранний выход на пенсию) и демографических факторов (смертности). В сочетании с традиционными методами изучения по возрастной трудовой активности анализ потерь трудового потенциала образует основу оценки резервов увеличения занятости населения. Аналитические возможности табличного метода расширяет комбинация исходных данных.

Исследование занятости на уровне изолированных показателей не дает целостную картину эволюций процесса. Для ее получения следует рассматривать совместную динамику нескольких показателей, которые получены с помощью табличного метода. За основу принимается четыре показателя: максимальный, гипотетический, нетто- и брутто-продолжительности предстоящей трудовой жизни мужского населения [12] (см. рис. 4).

Максимальная продолжительность трудового периода выбирается 55 лет. Разница между максимальной и гипотетической продолжительностью отражает потери жизненного потенциала в возрасте от 15 до 70 лет. Разница между брутто- и нетто-показателем представляет собой нереализуемый из-за смертности резерв трудового периода. Действительным резервом трудового периода считается оставшаяся свободной часть продолжительности трудового периода, которая используется для получения образования, для нетрудовой деятельности в пенсионном возрасте и т.д. Общей закономерностью экономико-демографического развития в индустриальных странах является увеличение резерва трудового периода за счет уменьшения потерь от смертности и снижения трудовой активности. На основе величины резерва можно судить об уровне экономико-демографического развития страны.

Методы таблиц трудового периода могут служить исходной базой для прогнозирования численности, структуры и движения трудовых ресурсов, а также для составления возрастных пирамид производства и потребления [13]. Знание закономерностей занятости дает возможность оценить влияние демографических процессов на экономическое и социальное развитие общества.

Л и т е р а т у р а

1. К о с т а к о в В.Г. Прогноз занятости населения. Методологические основы. - М.: Экономика, 1979. - 183 с.
2. К о с т и н Л.А. Основные направления рациональной занятости трудовых ресурсов СССР // Проблемы регулирования движения трудовых ресурсов и населения. - Вильнюс: АН Лит.ССР, 1984. - С. 4-7.
3. Б р е е в а Е.Б. Население и занятость. - М.: Финансы и статистика, 1984. - 112 с.
4. К о т л я р А.Э. Занятость населения: изучение и регулирование. - М.: Финансы и статистика, 1983. - 183 с.
5. Трудовые ресурсы. Социально-экономический анализ / Под ред. Костакова В.Г. - М.: Экономика, 1976. - 192 с.
6. Трудовые ресурсы // Демографический энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1985. - С. 480.

7. К р у м и н я И.Я. Исследование периода трудовой деятельности населения (на примере Латвийской ССР): Автореферат. - Л.: Финансово-экономический институт, 1985. - 16 с.

8. Курс демографии / Под ред. проф. Боярского А.Я. - М.: Статистика, 1984. - 454 с.

9. Ч а р н о т а А. Методы вычисления продолжительности трудовой деятельности // Население и экономика. - М.: Статистика, 1970. - С. 36-52.

10. М и л о в и д о в А.С. Годы жизни и годы труда. - М.: Финансы и статистика, 1983. - 118 с.

11. К р у м и н я И.Я. Применение табличного метода при исследованиях периода трудовой деятельности населения // Исследования народонаселения. - Рига: ЛГУ, 1985. - С. 91-112.

12. П е р в у ш и н А.С. Демографические аспекты рабочей силы в мире. - М.: СГПИ, 1984. - 54 с.

13. В а л к о в и ч Э. Производные экономические таблицы смертности населения Венгрии // Население и экономика. - М.: Статистика, 1970. - С. 53-68.

A. Puur

The Application of Demographic Methods
in the Study of Labor Force Participation

Abstract

Labor force participation is one of the essential characteristics of population, which has a substantial bearing on the socio-economic development of the country. Labor force participation intensity is closely related to age and sex of the individuals and therefore the demographic methods of study are appropriate. In this paper the principal methods are discussed.

For general characterization of labor force participation the crude and the age-specific rates are used. The former show the ratio of productive and non-productive popu-

lation, the latter reflects the associations of age with economic activeness forming a good ground for intertemporal and international comparisons.

The method of demographic tables can also be used in labor force studies. For this purpose special tables are computed. These tables include indicators (expectation of working-life etc.), which characterize the process from the aspect of life stages summarizing the influence of all factors affecting economic activeness.

Special attention must be given to the quality of statistical data used. The value of current labor statistics is minimum, the census data don't give complete picture. Correction of the official data may be a possible outlet of these difficulties.

Discussed methods were used to analyse the labor force participation of the population of Tallinn. Results of the analysis may be applied to make labor force projections serving as a basis for the study of socio-economic consequences of population trends.

УДК 314.5

А. Викат

О БРАЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЭСТОНСКОЙ ССР

Настоящая статья отражает некоторые результаты исследования процессов формирования семей в Эстонской ССР. На начальном этапе рассматривается динамика интенсивности вступления в брак населения ЭССР в период с 1959 по 1985 г. Основное внимание уделено первым бракам. Это объясняется тем, что рассматривая брачность с точки зрения образования семьи, первые браки имеют определяющее значение, а факторы, влияющие на вступление в повторный брак, существенно отличаются.

История человечества знает несколько типов брачности. До XVIII века преобладающим был традиционный тип, характеризующийся ранними браками и всеобщностью брака. Начавшийся тогда демографический переход сформировал европейский тип брачности, который главным образом был распространен в странах Западной Европы. По мнению Джона Хаджнала, брачность в странах Восточной и Юго-Восточной Европы в переходный период находилась между этими типами [3, с. 32]. Для европейского типа характерны позднее вступление в брак и значительная доля лиц, никогда не состоявших в браке. Европейский тип брачности существовал до второй мировой войны [6, с. 14] и является переходным от традиционного типа к современному типу брачности.

Для населения Эстонии характерным был европейский тип брачности [1; 9, с. 98], в то время как для России до конца прошлого столетия был характерен традиционный тип [4]. Данные 20-х и 30-х годов показывают [7], что европейский тип брачности сохранился в Эстонии до второй мировой войны. В СССР в этот период произошли значительные изменения брачности в сторону европейского типа, особенно заметно снизилось число ранних браков [2, с. 109].

Великая Отечественная война оказала большое влияние на демографическую ситуацию в Советском Союзе, в том числе и на брачность. Прямыми последствиями, проявившимися в первые послевоенные годы, были более позднее вступление в брак (война вынудила откладывать браки) и повышение доли остающихся вне брака (из-за изменения в возрастно-половой структуре населения). Но есть еще и косвенные последствия, которые продолжают сказываться на ряде следующих поколений.

Всесоюзная перепись населения 1959 года дала возможность получить первые достоверные данные о населении Эстонской ССР после войны. Это ограничивает период, на базе данных которого произведен анализ динамики брачности. Но поскольку брачность первых послевоенных лет оказалась под сильным влиянием прямых последствий войны, ее можно не учитывать при изучении общих тенденций послевоенного периода, так как они определяются уже другими факторами.

Послевоенная динамика брачности в странах, где до войны преобладал европейский тип брачности, направлена на более раннее вступление в брак и уменьшение лиц, не вступающих в брак в течение своей жизни [6, с. 18]. Вследствие этого брачность в странах Западной Европы уже не характеризуется европейским типом. В середине 60-х годов снижение возраста вступления в брак прекратилось [5, с. 135]. С этой точки зрения представляет интерес, проявляются ли такие сдвиги и в брачности населения Эстонской ССР.

На рис. 1 показана динамика брачности всего населения Эстонской ССР с помощью двух показателей. Наиболее употребительным является общий коэффициент брачности (число зарегистрированных браков на 1000 человек), однако, у этого показателя есть известный недостаток — он зависит от возрастно-половой структуры населения. У сум-

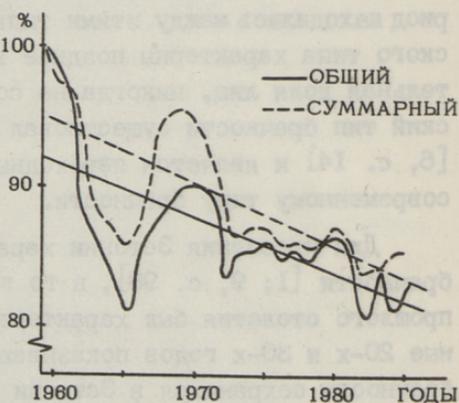

Рис. 1. Коэффициенты брачности населения Эстонской ССР.

марного коэффициента брачности такого недостатка нет. Он является суммой возрастных коэффициентов брачности всех возрастов^х. Суммарный коэффициент брачности для всех браков (первых и повторных) можно рассмотреть и как число, сколько раз в жизни в среднем вступают в брак люди гипотетического поколения данного года.

Общий и суммарный коэффициенты брачности на рис. 1 выражены в процентах к показателям 1959 года – первого года рассматриваемого периода. За весь период они и остались самыми высокими (общий коэффициент 10,1 %, суммарный – 1,34). По общему коэффициенту брачности известно, что он был на таком относительно высоком уровне в течение 50-х годов (для сравнения: общий коэффициент брачности населения Эстонии в 20-х – 30-х годах был около 8 % [8]).

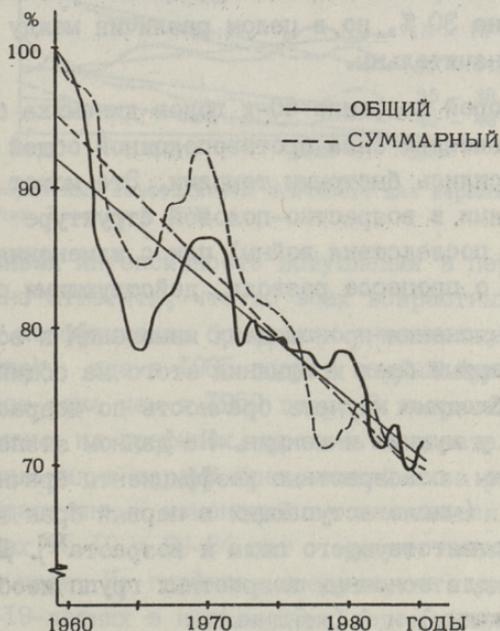

Рис. 2. Коэффициенты брачности населения Эстонской ССР для первых браков.

^х Опираясь на таблицы смертности и брачной интенсивности возрастной интервал в формуле $СКБ = \sum_x b_x$ определен: $15 \leq x \leq 77$.

Данные, приведенные на рис. 1, дают общее представление о динамике интенсивности вступления в брак с 1959 по 1985 год и показывают, что в целом интенсивность вступления в брак значительно снизилась. Такая динамика образуется на основе первых браков, которых подавляющее большинство. Интенсивность вступления в повторный брак последовательно возросла в течение рассматриваемого периода. Но анализ ее динамики является самостоятельной темой, что не входит в предмет настоящей статьи. Наше внимание сосредоточивается на рассмотрении первых браков.

Динамика общих и суммарных коэффициентов брачности для первых браков изображена на рис. 2 (аналогично рис. 1 данные выражены в процентах к показателю 1959 года). Отмечается довольно большое снижение интенсивности вступления в первый брак — общий коэффициент снизился на 29 %, суммарный на 30 %, но в целом различия между двумя показателями незначительны.

Во второй половине 60-х годов динамика брачности по обоим показателям была противоположной общей тенденции^х — они повысились быстрыми темпами. Это может быть связано с изменениями в возрастно-половой структуре населения (косвенные последствия войны) или с изменениями в законодательстве о процессе развода, действующими с 1965 года.

Для выяснения происшедших изменений в возрасте вступающих в первый брак и влияния этого на общий уровень брачности, необходимо изучать брачность по возрастным группам и отдельно у мужчин и женщин. На данном этапе исследования использованы повозрастные коэффициенты брачности для первых браков (число вступающих в первый брак за год на 1000 человек соответствующего пола и возраста^{хх}). Динамика этого показателя для основных возрастных групп изображена на рис. 3 (мужчины) и 4 (женщины).

^х Общие тенденции для целого периода изображены на рисунках прямыми сглаживания.

^{хх} Повозрастные коэффициенты брачности по общепринятой методике рассчитываются как средние двух последующих лет.

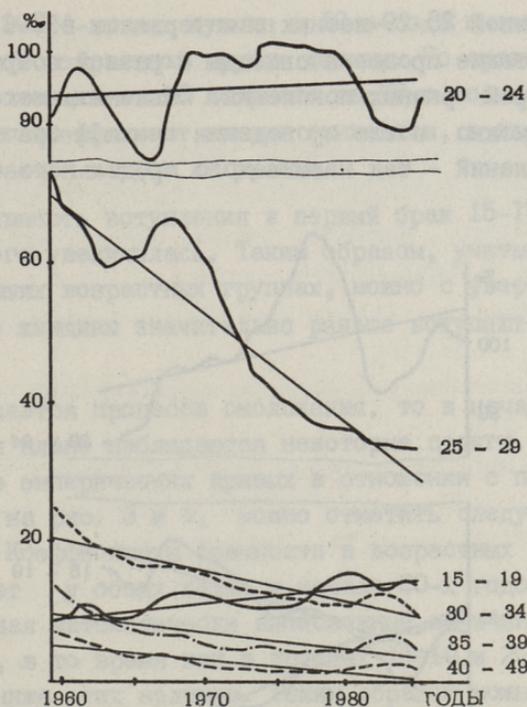

Рис. 3. Повозрастные коэффициенты брачности для первых браков мужчин Эстонской ССР.

Рассматривая интенсивность вступления в первый брак у мужчин, можно отметить, что во всех возрастных группах старше 24 лет коэффициенты брачности снизились, особенно в группе 25-29 лет, где в 1985 году в первый брак вступили более чем вдвое реже чем в 1959 году. В возрастных группах, не представленных на графиках, уровень показателя интенсивности вступления в первый брак низкий и за рассматриваемый период существенных изменений не отмечается. В возрастных группах 15-19 и 20-24 лет мужчин стали вступать в первый брак чаще. Из графика следует, что коэффициент брачности 15-19-летних в начале 60-х годов уступил соответствующему показателю 30-34 и 35-39-летних, но теперь уже значительно превышает их. Следовательно, мужчины стали вступать в первый брак в более раннем возрасте.

Наблюдая за кривыми коэффициентов брачности у 20-24 и 25-29-летних мужчин, отмечается значительное отклонение от прямых сглаживания в 60-е годы (см. рис. 3). При этом интересно отметить, что кривая 20-24-летних сопровождается

движение кривой 25-29-летних с интервалом в 3-4 года. Кажется, что такие процессы связаны с разной возрастно-половой структурой разных поколений. Объяснить механизм таких явлений возможно после проведения анализа брачности реальных поколений - так называемого продольного анализа.

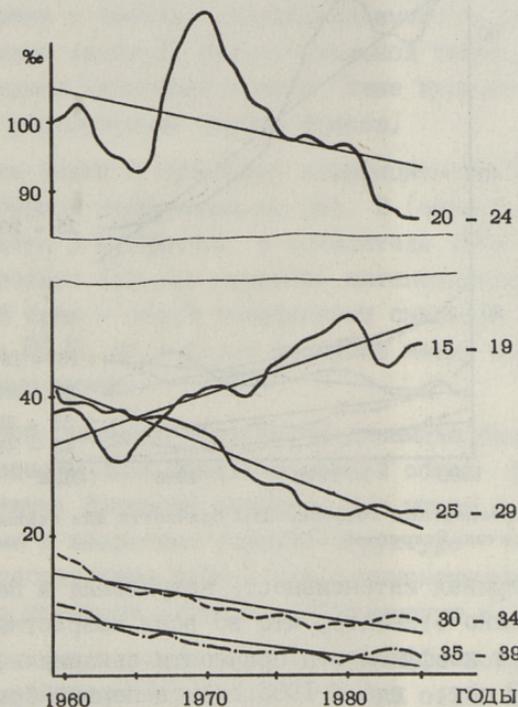

Рис. 4. Повозрастные коэффициенты брачности для первых браков женщин Эстонской ССР.

Динамику повозрастных коэффициентов брачности женщин для первых браков характеризует повышение в возрастной группе 15-19 лет и снижение во всех остальных группах. Больше всего уменьшился коэффициент у женщин в возрасте 25-29 лет - на 43%. Коэффициент возрастной группы 20-24 лет снизился в быстром темпе в начале 70-х и 80-х годов (см. рис. 4). Но до этого, во второй половине 60-х годов интенсивность вступления в первый брак повысилась и достигла самого высокого уровня за исследуемый период - в 1969/70 году в среднем вступили в первый брак 115,8% из женщин в возрасте 20-24 лет. Ранее упомянутые большие колебания

в брачности 20-24-летних мужчин в 60-е годы имеются и в брачности этой возрастной группы женщин. Но сравнивая данные мужчин и женщин этого возраста за 70-е годы, отмечаются различия: коэффициент женщин снижается, в то время как у мужчин остается на том же уровне.

Интенсивность вступления в первый брак 15-19-летних женщин намного увеличилась. Таким образом, учитывая и снижение в старших возрастных группах, можно с уверенностью сказать, что женщины значительно раньше вступают в первый брак.

Что касается процесса омоложения, то в начале 80-х годов в этом плане наблюдаются некоторые сдвиги. Рассматривая движение эмпирических кривых в отношении с прямыми сглаживания на рис. 3 и 4, можно отметить следующую закономерность. Коэффициенты брачности в возрастных группах старше 24 лет у обоих полов в начале 80-х годов возрастают, превышая математически вычисленные величины прямых сглаживания, в то время как в группах 15-19 и 20-24 лет они падают ниже этих величин. Таким образом можно сделать вывод, что процесс омоложения брачности притормозился или совсем прекратился. Насколько это верно, могут показать данные ближайших лет. Однако уже данные 1984 и 1985 года дают основание сомневаться в приведенном выводе, так как эмпирические кривые повозрастных коэффициентов брачности опять приближаются к прямым сглаживания, в возрастной группе 15-19 лет коэффициент начал подниматься несколько раньше, а в группе 25-29 лет еще никаких изменений не наблюдается. Интересно, что хотя брачность у мужчин и женщин по возрасту заметно различается, вышеуказанные явления характерны для брачности обоих полов.

Сравнивая брачность по возрасту у мужчин и женщин на основе повозрастных коэффициентов, отмечается, что женщины вступают в брак раньше. Это особенно заметно при сравнении данных возрастной группы 15-19 лет, где коэффициент вступления в первый брак у женщин в среднем около 3,5 раз превышает соответствующий показатель у мужчин. В других возрастных группах таких различий в брачности разных полов нет, но в группах старше 24 лет коэффициент брачности мужчин все-таки значительно превышает соответствующий показатель женщин.

Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что в период с 1959 по 1985 год в брачности населения Эстонской ССР произошли значительные изменения:

- во-первых, уменьшилась интенсивность вступления в брак, особенно в первый брак, по условному поколению;
- во-вторых, снизился средний возраст вступления в первый брак у обоих полов;
- в-третьих, значительно возросла доля ранних браков в возрасте до 20 лет;
- в-четвертых, повысилась интенсивность вступления в повторный брак.

По данным последних лет эти тенденции в большей или меньшей мере продолжались. Когда и на каком уровне процесс брачности стабилизируется, сейчас весьма неясно.

Прогнозировать уровень брачности ближайшего будущего можно при наличии анализа брачности реальных поколений, который является предметом дальнейшего этапа исследования брачности населения нашей республики. По возможности будут отдельно рассмотрены брачность эстонцев и других национальностей, так как предполагаются существенные различия в их брачном поведении.

Л и т е р а т у р а

1. В и ш н е в с к и й А.Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в СССР // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. - М., 1977. - С. 108-120.

2. В о л к о в А.Г. Семья - объект демографии. - М., 1986. - 271 с.

3. Д и к с о н Р. Колебания возраста вступления в брак и доли никогда не состоявших в браке в странах разных культур // Брак и семья. Демографический аспект. - М., 1975. - С. 30-69.

4. Т о л ь ц М.С. Брачность населения России в конце XIX - начале XX века // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. - М., 1977. - С. 138-153.

5. Ф е с т и П. Динамика брачности в Западной Европе после второй мировой войны // Брак и семья. Демографический аспект. - М., 1975. - С. 129-159.

6. Х а д ж н а л Дж. Европейский тип брачности в ретроспективе // Брачность, рождаемость, семья за три века. - М., 1979. - С. 14-70.

7. Eesti arvudes 1920-1935. Tln., 1937.

8. Eesti statistika. Seitsmeteistkümnnes aastakäik. - Tln., 1938. N 194-205.

9. P a l l i, H. Rahvastik ja ajalugu. - Tln., 1973. - 192 lk.

A. Vikat

About the Nuptiality of the Population
of the Estonian SSR

Abstract

An analysis of nuptiality rate dynamics of the period 1959 - 1985 is presented as the initial part of a nuptiality study. At this stage nuptiality of hypothetic generations is only dealt with.

For general characterization of nuptiality level crude nuptiality rates and total nuptiality rates are used. During the period the above mentioned rates were diminishing, especially those of first marriages.

To get a more detailed picture, population is classified by sex and age and nuptiality rates are calculated for age-groups of men and women. Attention is focused on first marriages. The rates are the highest in the age-group of 20 - 24 years where relatively little change in nuptiality has taken place. In older age-groups the rates have fallen, but in the age-group of 15 - 19 years they have grown rapidly. Consequently the number of early marriages has grown and the medium marriage age has dropped (for women it is still lower than for men). In general the intensiveness of the process of nuptiality has ceased.

Nuptiality of real generations has also to be studied to predict the process of nuptiality. It will serve as the subject of the following stages of the study.

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ В ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ
КОМПЛЕКСЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Особенностью современного периода является выполнение задач по развитию общественного производства и ускорению социально-экономического развития нашей страны, неуклонного роста материального и культурного уровня жизни, создания лучших условий для всестороннего развития личности. Эти большие и сложные задачи могут быть решены только на основе стабильного и поступательного развития всего народного хозяйства, ускорения научно-технического прогресса и перевода всей экономики на интенсивный путь развития [1].

Чем динамичнее народное хозяйство, тем важнее задача согласования его развития с наличием трудовых ресурсов. В условиях продолжающейся трудонедостаточности, когда возможности количественного роста крайне исчерпаны, оптимальный, сбалансированный процесс воспроизводства рабочей силы приобретает особое значение. Чем ниже удельный вес вновь поступающих в трудоспособный возраст среди населения и прирост населения вообще, тем важнее оказывается качество как совокупной, так и индивидуальной рабочей силы.

Вопрос заключается и в том, на каком уровне управления и какими средствами регуляции происходит воздействие на воспроизводственный процесс в целом и его частные процессы. Социалистическое расширенное воспроизводство рабочей силы есть единство фаз ее производства, распределения, обмена и потребления [2, с. 18]. Процесс воспроизводства рабочей силы одновременно выступает как частный процесс всего социального воспроизводства [3, с. III]. Тем более он социален на уровне воссоздания способности к труду индивида. Трудоспособность и прямо воздействующие на него параметры, как образованность и культура, здоровье и ак-

тивность, выступают в качестве результативных параметров социального развития, именно они отражают воздействие человеческого фактора на производство и роль человека в обществе [4, с. 18-19].

Воспроизводство качества совокупной рабочей силы необходимо дополнить аспектом целенаправленного развития качества индивидуальной рабочей силы (или трудового потенциала), которая выявляет не только качественно изменяющуюся структуру уже действующего совокупного работника, но и его состояние, способность к саморазвитию.

Степень взаимосвязей фаз производства, распределения и использования рабочей силы выражается в пропорциональности между его элементами и налаженном механизме протекания воспроизводственного процесса в целом, результатом которого является улучшение качества совокупной рабочей силы. Это и можно рассматривать как режим воспроизводства рабочей силы, как упорядоченность воспроизводственного процесса в конкретных условиях жизнедеятельности [5, с. 10; 6, с. 74]. Именно упорядоченность системы воспроизводства рабочей силы является основой экономии использования трудовых ресурсов, и только через совершенствование режима воспроизводства будет достигнут качественный рост способности к труду, выражающий требования расширенного воспроизводства совокупной рабочей силы в условиях обострения дефицитности ресурсов, когда возможности экстенсивного развития исчерпаны.

Критерием оптимального режима воспроизводства является согласованность потребности в рабочей силе и возможность ее реализации. Результативный показатель - экономия трудовых ресурсов. Предполагая, что процесс воспроизводства рабочей силы происходит на конкретной территории, требует внимания сбалансированность между производством и потреблением рабочей силы данного города, района (или другой территориальной единицы), то есть пропорциональность между отраслевыми потребностями и территориальными возможностями. Именно конечность реально имеющихся трудовых ресурсов данного региона (ареала пополнения) служит все более ощутимым и основным ограничителем экстенсивного роста предприятий, хотя его действие носит косвенный и инерционно замедленный характер [7, с. 32].

Одна особенность нынешнего этапа развития заключается именно в том, что на основе постепенного выравнивания экономического развития (и фаз деморазвития) разных регионов, повышается роль территориальных единиц в едином народнохозяйственном комплексе. Под влиянием научно-технического прогресса развиваются горизонтальные производственные связи, в совершенствовании которых возрастающее значение имеют региональные органы управления и планирования. В условиях продолжающейся трудонедостаточности усиливаются воспроизводственные связи между регионом и производственными единицами (предприятиями), находящимися на его территории.

Все это создает объективные предпосылки повышения роли территориальных органов, усиления местной инициативы, расширения прав и возможностей региональных органов как в управлении производством, так и в обеспечении воспроизводственных функций территориальных подсистем города.

Отсюда вытекает проблема формирования воспроизводственного механизма, привлечения ведомств к активному участию в воспроизводстве трудовых ресурсов, которая воспринимается предприятиями не как административный приказ, а как экономически целесообразная деятельность. [8, с. 48]. Ядром такого воспроизводственного механизма должен быть хозяйственный механизм, обеспечивающий интенсивное использование трудовых ресурсов города. До настоящего времени принципы полного хозрасчета в формировании совокупной рабочей силы города еще не получили достаточного развития. Хозрасчетные цели предприятий и ведомств при действующем экономическом механизме формируют противоречивый комплекс интересов, не содействуют рациональному использованию природных и трудовых ресурсов города. Ясно, что эффективное воспроизводство любых территориальных ресурсов может обеспечить только территориальный орган управления.

Как показывает практика, самые острые диспропорции в режиме воспроизводства рабочей силы выявляются в территориальном разрезе. В крупном городе протекает весь комплекс процессов воспроизводства рабочей силы, т.е. он выступает как территориальный социально-экономический процесс. В то же время наблюдаются углубляющиеся диспропорции собственного процесса воспроизводства рабочей силы:

- ведомственная система подготовки (производства) новой рабочей силы отстает от потребностей (особенно перспективных) всех подсистем города;

- нет единой территориальной системы перманентного обучения (переквалификации) работающих на базе территориальных учебных центров, что затрудняет обоснованное распределение и перераспределение трудовых ресурсов между отраслями и предприятиями;

- нынешние условия воспроизводства рабочей силы в городе (распределение благ и жилья, а также деятельность основных ведомственных учебных комбинатов, курсов, профессиональных училищ и т.д.) не способствуют формированию перспективной структуры занятости;

- недостаточный вклад потребителей рабочей силы в совершенствование условий воспроизводства, т.е. использование средств предприятий не только на жилищное строительство, но и для возведения всех объектов социальной инфраструктуры;

- отсутствует увязка планов рабочей силы (потребностей) с планами технического прогресса и реальной экономией рабочей силы, не применяются данные о перемещении (распределении и перераспределении) трудовых ресурсов для внедрения системы управления на уровне города;

- процесс воспроизводства рабочей силы не содействует процессам социального воспроизводства.

Переформирование существующего механизма воспроизводства совокупной рабочей силы предполагает широкое применение экономических рычагов на уровне производства и организационных мер по созданию действующей системы подготовки и переподготовки кадров на территориальном уровне [6, с. 75]. Центральным вопросом здесь является обеспечение целостности и целевой определенности формирования (производства) новой рабочей силы.

Под производством рабочей силы подразумевается формирование способности к труду определенной сложности и квалификации как в форме подготовки новой рабочей силы, так и в виде переквалифирования. В условиях НТР повышается роль общего образования как основы для профессионального обучения и переучета. Поэтому оказывается более важным со-

четание общего и профессионального обучения, а также разнородность и взаимосвязанность всех форм профессионального образования как молодежи, так и взрослых. Возрастает значение фазы производства (формирования) рабочей силы, определяющей качество совокупной и индивидуальной рабочей силы и детерминирующей возможности ее использования.

В период стабилизации роста и усиления воспроизводственных функций крупных городов как центров региона не равнозначно концентрации всех форм подготовки новой рабочей силы в центры. Если в условиях роста города они являются воспроизводственными центрами образования для всего региона, то при интенсификации региональные потребности в квалифицированной рабочей силе удовлетворятся более успешно при условии рационального размещения всей сети учреждений образования. Крупные города, воспроизводившие собственный социальный ресурс, должны в возрастающей мере ориентироваться на свой контингент потенциальной рабочей силы с акцентированием ее качества. Воспроизводственная роль их для региона заключается в подготовке кадровых специалистов, в формировании на территориальном уровне и под территориальным управлением единого комплекса образования, соответствующего требованиям времени.

Существующая и функционирующая система народного образования, подготовки и переподготовки кадров, несмотря на достижения, претворенные в жизнь в ходе реформы общеобразовательной и профессиональной школ, обновления высшего и среднего специального образования, отстает от требований научно-технического прогресса и решения назревших социально-экономических задач современности.

Не устраивает уровень насыщенности народного хозяйства квалифицированными рабочими и специалистами по отдельным профессиональным группам и специальностям, особенно в территориальном разрезе, не всегда соответствует новым требованиям качество обучения и подготовки, недостаточный уровень кадрового и материально-технического обеспечения учебно-воспитательных учреждений. Низка научная обоснованность планов подготовки кадров и образования, нерациональна ведомственная система управления. Наблюдается неоптимальное соотношение разных форм учебы и подготовки кадров,

несбалансированность разных типов школ, учреждений образования и учебных заведений. Сеть учебных заведений и учреждений профессиональной подготовки, особенно среднего звена, территориально раздроблена, причем в основном сконцентрирована в столице республики.

Таллин является важнейшим региональным центром республики во многих областях, в том числе – центром науки и образования.

В начале 1986 года в Таллинском горсовете насчитывалось 486500 таллинцев. Население города составляло 31,4 % от всего населения республики. В разных отраслях народного хозяйства города работало 261,3 тыс. человек, то есть 33,4 % всех работающих в Эстонской ССР. Объем продукции промышленных предприятий, находящихся на территории города, составляет 36,4 % от всей продукции Эстонской ССР. В городе сконцентрированы машиностроение и металлообработка, удельный вес продукции которого 59,8 % от валовой продукции республики, развиты электротехническая промышленность, приборостроение и судоремонт. В территориальном разделении труда город Таллин занимает видное место и по продукции легкой (27,5 %) и пищевой (47,2 %) промышленности [9, с. 20–21].

В настоящее время в производственной сфере Таллина работает более 2/3 занятых, причем 2/5 трудящихся Таллина работают в промышленности. Комплексом обслуживания (непроизводственная сфера) охвачена менее трети всех работающих. Одна из основных проблем для Таллина – как при стабилизации и предполагаемом уменьшении рабочей силы достичь оптимального ее распределения между различными предприятиями производственной сферы и обслуживающим комплексом.

В столице Эстонской ССР сосредоточено более трети (36,0 %) всех ученических мест средних профессионально-технических училищ (СПТУ) республики, более половины всего приема в группы городских СПТУ на базе 8-летнего общего образования. Каждый год прием учащихся в СПТУ Таллина на базе общего среднего образования составляет более 3/4 из соответствующего приема всей республики. Численность учащихся в средних профтехучилищах составляет 34 % от всех учащихся СПТУ республики. Таллинские средние специальные

учебные заведения охватывают 54,2 % и высшие учебные заведения - 53,6 % всех учащихся и студентов республики. Численность учащихся в средних специальных учебных заведениях Министерства высшего и среднего специального образования ЭССР в Таллине составляет 74 %.

Отсюда возникает вопрос: как в новых условиях оценить, учитывая сложившиеся демографическую и отраслевую структуру, структуру занятости и профессиональный состав населения города, исходя из собственного ресурса города, ситуацию в городском комплексе образования. Практика подтверждает, что территориальный процесс производства рабочей силы нарушается разладами ведомственных интересов [4, 7].

Появилась необходимость перестроить исторически сложившуюся в Таллине традиционную систему народного образования, куда входят общее, профессионально-техническое, среднее специальное, высшее образование как подотрасли отрасли образования. Хотя вышеперечисленные подотрасли имеют единое начало, между ними возникают территориальная и ведомственная разобщенность. Связи между учебными заведениями одной или другой подотрасли очень разнообразны, так как возможны разные варианты продолжения учебы в различных видах и на разных территориях [10, с. 26]. Но при подготовке новых кадров в Таллине недостаточно учитываются как потенциальные контингенты обучающихся, так и потребности города в структуре рабочей силы.

На наш взгляд, наряду с понятием профессионально-техническое образование, можно использовать и понятие "профессиональная школа" в качестве учебных заведений этой подотрасли ^I.

В широком смысле под термином "профессиональная школа" подразумеваются средние профессионально-технические училища (учебные заведения комитета по профтехобразованию, учебная работа в которых может быть организована, как на основе 8-летнего, так и среднего общего образования), средние специальные учебные заведения (техникумы) всех министерств и ведомств, ведомственные училища (к примеру, ко-

^I - ametikool

оперативное училище ЭРСПО, мореходное училище рыбной промышленности и т.д.).

В узком смысле под этим термином понимаются СПТУ только комитета по профтехобразованию.

Если подготовка специалистов высшего и среднего звена имеет единую систему подготовки кадров, как подотрасли образования, то ситуация подготовки и повышения квалификации рабочих кадров сложнее. Основным источником подготовки новых квалифицированных рабочих кадров должна быть "профессиональная школа" в широком смысле этого слова.

Тем не менее многие молодые приобретают профессию непосредственно на рабочем месте — на заводе, комбинате, не заканчивая соответствующее училище.

Подготовкой квалифицированных кадров занимается не только система народного образования, но и учебные комбинаты многих министерств, ведомств, крупных предприятий и производственных объединений, курсы повышения квалификации и пр. В нашей республике, по некоторым данным, на уровне предприятия или ведомственного учебного комбината, курса, проходят подготовку и переподготовку (повышение квалификации) по рабочим профессиям около 80 % рабочего контингента данного предприятия [II, с. 10]. Подобную ситуацию нельзя считать целесообразной, поскольку роль профтехучилищ по воспроизводству рабочей силы все-таки мал, примерно 20 % всех рабочих, которые получили подготовку и переподготовку в республике.

До середины 70-х годов в Таллине пополнение трудовых ресурсов (особенно в промышленности и строительстве) шло за счет уже обученных квалифицированных рабочих, причем, в основном за счет притока извне. В этих условиях профтехучилища ориентировались, в основном, на ученический контингент, прибывающий из других районов республики. Получив специальность, многие из них также пополняли ряды трудящихся Таллина. Таким образом, сеть образования наряду с качественным формированием рабочей силы выполняла задачу перераспределения трудовых ресурсов республики. Так, 15 лет назад 2/3 поступающих в таллинские профтехучилища молодых людей не были коренными таллинцами.

Наблюдаемое за последние годы сокращение миграционных потоков, изменения в структуре источников миграции и профессионально-квалифицированном составе мигрантов значительно ограничивают возможности замещения рабочих мест и привлечения дополнительной рабочей силы. В данной ситуации нельзя, видимо, рассчитывать на слишком поздно проснувшееся желание у ряда ведомств готовить кадры в своих училищах, особенно в новых, недавно выстроенных, как правило, узкоспециализированных ведомственных училищах-комплексах. Ведь строительство каждого нового училища влечет за собой необходимость искать контингент даже за пределами республики, что только обостряет борьбу между Таллином и другими районами республики за и так ограниченный контингент учащихся. Растущее количество общежитий в Таллине — одна из причин того, что дефицит рабочей силы пытаются решить не снижением потребности в рабочей силе (техническими и организационными мерами), а дополнительным привлечением трудящихся нередко скрытыми и малорезультативными способами.

В начале 1985 года в Таллине в общежитиях проживало 38300, а вместе с проживающими в общежитиях учащимися вузов, техникумов и СПТУ — около 50000 человек, что в 2,5 раза больше, чем в семидесятых годах. Тем самым, в Таллине более 10 % населения живет в общежитиях (по стране в среднем — только 5 %).

Подавляющее большинство мест в общежитиях принадлежит строительным организациям и промышленным предприятиям, соответственно 48 и 20 процентов от общего количества всех мест таллинских общежитий. Доля остальных ведомств куда скромнее. В общежитиях строительных организаций живет более двух третей от общего числа строителей в Таллине, но всего 70 процентов жильцов действительно занято на строительстве. Остальные — члены их семей и лица, ранее работавшие в строительстве, но уволившиеся. В целом, каждый 14-й работник промышленных предприятий Таллина живет в общежитии, а доля некоторых предприятий составляет более одной четверти из всех работающих [12]. При существующей ныне системе профессионального обучения и установке на прежние ориентации система подготовки рабочей силы по-прежнему будет тем каналом, через который расположенные в Таллине

различные ведомства будут направлять усилия на получение дополнительной рабочей силы, игнорируя потребности других районов (притом не только своей республики).

Учитывая нынешнее несбалансированное развитие отдельных звеньев системы подготовки кадров и образования, в перспективе приобретает первостепенную важность определение необходимых научно-обоснованных пропорций распределения молодежи (контингентов приема) не только в отраслевом, но и в территориальном разрезе разных видов обучения. Возникает вопрос, кого и на какой уровень образования, специальной и профессиональной подготовки можно и нужно привлекать.

Ключевым вопросом здесь станет вопрос о среднем звене системы образования, то есть о разных возможностях и критериях продолжения учебы после основной (8-летней общеобразовательной) школы. Надо учитывать, что ныне существуют большие различия в формах (и возможностях) дальнейшего обучения по территориальному признаку (город-деревня), а также между мальчиками и девочками, между выпускниками с эстонским и русским языком обучения. По нашим расчетам по формам дальнейшего обучения распределение окончивших 8-е классы в зависимости от языка обучения различно (см. таблицу I).

Как показывают данные, в Таллине наблюдаются высокие ориентации молодежи дальнейшей учебы в общей средней школе и желание продолжить учебу в вузе. Низкий престиж профтехучилищ, а также ряда приобретаемых в них специальностей (станочники, строители) обусловлен рядом факторов: длительным использованием мигрантов на строительстве и в промышленности, привлечение в определенные школы только неместного контингента, низкое качество обучения в них, недостаточная материальная база, хроническая нехватка мастеров производственного обучения и воспитателей и т.д.

В 1980 году в республике 60,4 % окончивших 8 классов продолжали обучение в 9-х классах дневных общеобразовательных школ, 15,5 % - в средних специальных учебных заведениях и 18,4 % - в средних профтехучилищах. В Таллине в целом соответствующие цифры были 66,2, 12,4 и 15,3 %. В 1986 году 53,2 % всех выпускников 8-х классов республики продолжало обучение в 9-х классах дневных общеобразовательных

Распределение окончивших 8-е классы таллинских дневных общеобразовательных школ по формам дальнейшего обучения (в процентах)

Год	Язык обучения	Численность окончивших 8 классов *	Из них продолжают обучение для получения среднего образования (%)			
			всего	в том числе		в СПТУ
				в 9 классах	в средних специальных учебных заведениях	
1980	эст. русск.	2342 2398	99,6	70,6	12,9	12,0
			99,2	62,7	12,2	18,3
1981	эст. русск.	2390 2318	99,7	69,5	13,6	12,8
			99,6	62,3	13,8	19,5
1982	эст. русск.	2404 2248	99,9	68,6	14,8	12,8
			99,5	60,1	14,4	21,4
1983	эст. русск.	2628 2437	99,8	63,7	13,9	18,4
			99,9	56,4	15,0	24,9
1984	эст. русск.	2872 2636	99,8	62,7	14,9	17,9
			99,7	56,6	15,5	25,9
1985	эст. русск.	2946 2888	99,6	63,0	13,5	18,4
			99,8	55,7	14,8	25,9
1986	эст. русск.	3043 2978	99,8	60,0	15,0	22,5
			99,9	53,3	14,9	28,3

* без выпускников смешанных школ

школ, 15,7 % - средних специальных учебных заведениях и 26,7 % в СПТУ.

В Таллине в 1986 году окончило основную школу 6198 человек, из которых 56,6 % продолжали учебу в 9-х классах общеобразовательных школ, 14,9 % в средних специальных учебных заведениях и 25,4 % в СПТУ.

Последние пятилетки характеризуются ускоренным развитием профессионально-технического образования и, в первую очередь, количественным ростом учащихся и материально-учебной базы. К началу 1986/87 учебного года в республике было 40 училищ системы Госпрофобразования с общим количеством учащихся более 15,6 тыс. человек. В Таллине 14 СПТУ с количеством учащихся более 5,5 тысяч.

Особенно за одиннадцатую пятилетку состоялся переход на опережающий рост профессионального образования, заметно расширилась сеть профтехшкол, увеличилась доля принятых в эти школы из Таллина. В настоящих условиях же наблюдается явный перегиб в экстенсивном развитии этих школ: почти все ведомства, в частности те, которые имеют в городе предприятия, выделяющиеся сильной нехваткой рабочих, заинтересованы в дополнительных училищах, подготавливающих кадры для их нужд. Удовлетворение этой (запоздалой) потребности не учитывает ни фактического контингента потенциальных учеников, ни совокупной потребности города в новой рабочей силе с необходимой структурой - образуется своеобразный механизм скрытого привлечения новой рабочей силы из сельских центров республики и извне республики.

Каждый год в Таллине кончает основную школу (8 класс) примерно 6000-6200 и среднюю школу примерно 3000-3200 человек. В профессиональных школах в широком смысле этого термина ежегодно продолжает обучение примерно 3100-3200 молодых таллинцев (на базе обеих форм).

Парадоксален факт, что уже сейчас могут профшколы города Таллина принять более 5,6 тыс. учеников в год (см. табл. 2). К тому же XII пятилетка дает в дополнение еще 3 СПТУ (примерно 2400 ученических мест). Если даже одну треть из всех этих мест предвидеть для молодежи республики (контингента обучающихся извне Таллина), то требуется 4000-4500 поступающих из таллинских выпускников основной школы. Та-

ким образом, уже сейчас имеется в школах этого типа больше мест, чем позволяет удовлетворить существующий контингент обучающихся.

Т а б л и ц а 2

Суммарный прием учащихся в дневные профессиональные школы г. Таллина за 1981-1985 годы (человек)

Форма учебы	Суммарный прием за 1981-1985		Среднегодовой расчетный прием	
	всего	в том числе из Таллина	всего	в том числе из Таллина
На базе 8-летнего общего образования	15290	9126	3058	1825
в том числе				
- СПТУ	8882	5659	1776	1132
- средние специальные учебные заведения	6408	3467	1282	693
На базе общего среднего образования	12938	4368	2588	874
в том числе				
- СПТУ	6669	2284	1334	457
- средние специальные учебные заведения	6269	2084	1254	417
Всего в СПТУ	15551	7943	3110	...
Всего в средние специальные учебные заведения	12677	5551	2535	...

Как социальное последствие длительного повышенного притока кадров из все расширяющегося хинтерланда Таллина, главным образом в промышленность, выступают процессы снижения престижа рабочих профессий и негативные установки местного населения на профтехшколы, формирующие своеобразный механизм торможения воспроизводства совокупной рабочей силы города. Так, 15 лет назад две трети поступающих в таллинские ПТУ молодых людей не были таллинцами. В настоящее время в СПТУ на базе 8-летнего общего образования больше поступает таллинцев (в 1986 году в среднем 69,3%), в СПТУ на базе общего среднего образования показатели остались на прежнем уровне (в среднем 35,2% таллинцы) (см. рис. 1). Применение

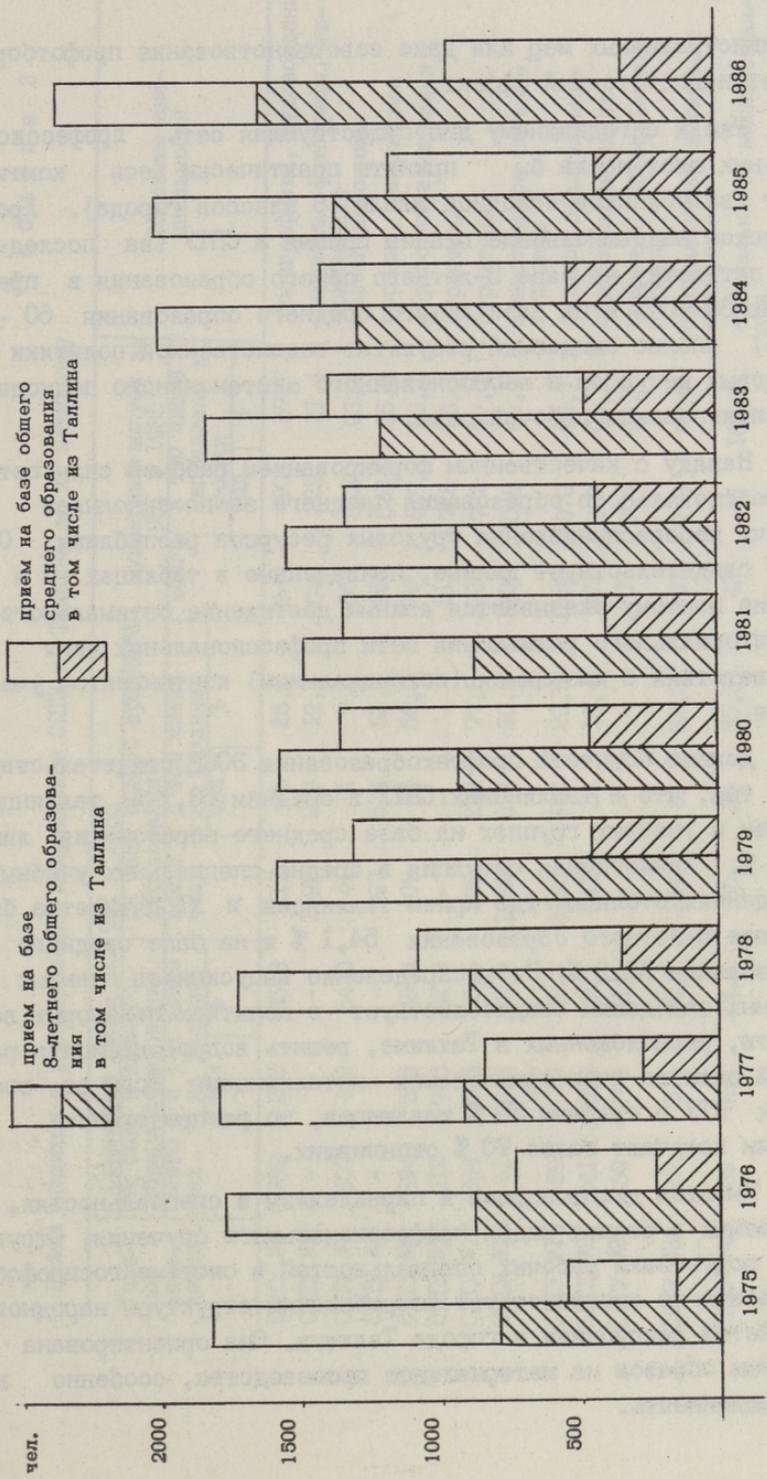

Рис. 1. Прием учащихся в дневные СПТУ г. Таллина за 1975-1986 годы и доля таллинцев в них (чел.).

административных мер или даже совершенствование профотбора имеют недостаточный эффект.

Уже к сегодняшнему дню существующая сеть профессиональных школ могла бы принять практически весь контингент выпускников основной школы (8 классов города). Хроническое невыполнение планов приема в СПТУ (за последнюю пятилетку на базе 8-летнего общего образования в пределах 80-90 % и на базе общего среднего образования 60 - 70 %) вполне ожидаемый результат ведомственной политики трудовых ресурсов и необоснованного экстенсивного подхода к использованию рабочей силы.

Наряду с качественным формированием рабочей силы сеть профессионального образования среднего звена выполняет и задачу перераспределения трудовых ресурсов республики. Об этом свидетельствуют данные, приведенные в таблицах 3 и 4. Именно поэтому оказывается важным достижение оптимального территориального размещения сети профессиональных школ в соответствии с имеющимся (потенциальным) контингентом учащихся.

Данные Комитета профтехобразования ЭССР свидетельствуют о том, что в таллинских СПТУ в среднем 63,7 % таллинцы, причем в учебных группах на базе среднего образования лишь 34,3 %. Аналогичная ситуация в средне-специальных учебных заведениях столицы, где прием таллинцев в XI пятилетке был на базе 8-летнего образования 54,1 % и на базе среднего образования 33,2 %. Но распределение выпускников данных учебных заведений свидетельствует о попытках некоторых ведомств, расположенных в Таллине, решить вопрос дефицита рабочей силы за счет привлечения неталлинцев. Если во всех видах ПТУ в среднем 50 % таллинцев, то распределение в Таллин получают более 70 % окончивших.

Имеются диспропорции и параллелизм в специальностях, изучаемых в разных видах профессионального обучения. Структура подготовки рабочих специальностей в системе госпрофобразования не соответствует потребностям структуры народного хозяйства республики и города Таллина. Она ориентирована главным образом на материальное производство, особенно на промышленность.

Прием учащихся и распределение выпускников СПУ г. Таллина за XI пятилетку

Учебное заведение	Суммарный прием за 1981 - 1985				Суммарный выпуск за 1981 - 1985				Основные специальности
	На базе 8-летнего общего образования		На базе общего среднего образования		Всего		В том числе		
	всего чел.	в том числе из Таллина	всего чел.	в том числе из Таллина	всего	направлены в Таллин	чел.	%	
		%		%					
СПУ №1	769	35,8	219	55	25,1	849	490	57,7	полиграфисты, судовождение
СПУ №2	-	-	1092	209	19,1	1049	225	21,4	связисты, фотографы, киномеханики
СПУ №3	807	54,0	141	11	7,8	869	812	93,4	железнодорожники
СПУ №4	-	-	997	524	52,6	959	633	66,0	портные, закройщики
СПУ №6	894	65,4	109	55	50,5	790	657	83,2	обработчики металлов
СПУ №10	912	82,8	-	-	-	817	766	93,8	строители
СПУ №12	894	56,6	286	222	77,6	1006	782	77,7	строители
СПУ №15	614	55,9	1062	324	30,5	1500	1048	69,9	общественное питание, торговля
СПУ №19	89	88,8	2190	642	29,3	1680	1070	63,7	бытовое обслуживание
СПУ №21	941	69,1	141	26	18,4	878	837	95,3	обработка металлов
СПУ №24	850	93,1	-	-	-	707	704	99,6	торговля, общественное питание
СПУ №32	667	42,4	264	59	22,3	967	773	79,9	специальности легкой промышленности
СПУ №42	789	73,8	85	30	35,3	43	43	100,0	специальности машиностроения
СПУ №43	649	56,7	83	27	32,5	41	40	97,6	спец. легкой промышленности
Всего	8882	63,7	6669	2284	34,3	12155	8880	73,1	

Т а б л и ц а 4
Прием и распределение выпускников средних специальных учебных заведений г. Таллина
за XI пятилетку

Учебные заведения	Суммарный прием за 1981 - 1985						Суммарный выпуск специалистов за 1981 - 1985		
	На базе 8-летнего общего образования			На базе общего среднего образования			всего	в том числе в Таллин	
	всего	в том числе из Таллина	%	всего	в том числе из Таллина	%			всего
чел.	чел.	%	чел.	чел.	%	чел.	чел.	%	
Таллинский строят. механический техн.	1418	796	56,1	543	194	35,7	1451	685	47,2
Таллинский техникум легкой промышленности	450	154	34,2	819	328	40,0	1064	671	63,1
Таллинский экономический техникум	-	-	-	895	217	24,2	969	573	59,1
Таллинское медицинское училище	775	430	55,5	1055	430	40,8	1350	753	55,8
Таллинское музыкальное училище	264	119	45,1	66	22	33,3	271	105	38,7
Таллинское педагогическое училище	390	183	46,9	830	306	36,9	1191	543	45,6
Таллинский политехникум	1200	764	63,7	-	-	-	915	554	60,5
Таллинский торговый техникум	210	102	48,6	917	269	29,3	1002	399	39,8
Таллинское мореходное училище	750	296	39,5	-	-	-	687
Таллин. мореходное училище рыбной пром.	261	73	28,0	1144	318	27,8	1050
Таллин. техникум железнодорожного трансп.	690	548	79,4	-	-	-	568
Всего	6408	3467	54,1	6269	2084	33,2	10518

... - нет данных

Ведомственная раздробленность звеньев специального и профессионального обучения не способствует совершенствованию режима воспроизводства новой рабочей силы, поэтому окзалось бы целесообразным создание более гибкой системы подготовки (и переподготовки) кадров в форме создания комплекса профессионального обучения, соединяющего все звенья и институты подготовки кадров и подчиненного территориальному управлению. Решением этой проблемы должно стать коренное изменение в системе нынешнего ведомственного финансирования учебных заведений. Перспективным надо отметить и подготовку учащихся по сложным и широкого профиля профессиям одновременно с дифференциацией учебного времени и проводить специализацию уже на последнем курсе или прямо на рабочем месте.

Подготовка новой рабочей силы в условиях перехода на интенсивное развитие предполагает предвидение изменений в содержании труда. В настоящее время саморегулятивные механизмы формирования качества рабочей силы действуют в направлении расширения диапазона трудовых навыков, подготовка же, наоборот, ориентируется на узкие специальности, времена которых оказывается более сложной и затраты на подготовку выше общественно необходимых.

Особое внимание в перспективе надо уделять потребности переподготовки рабочих кадров, причем целесообразно использовать в этих целях именно инженерно-педагогические кадры системы профессионального образования и их материально-техническую базу. Перспективной формой переподготовки является и форма платной подготовки по некоторым рабочим профессиям вне рабочего времени.

Только на таком уровне, на базе передовых предприятий (объединенных по профилям подготовки) можно переориентировать воспроизводство рабочих кадров не на текущие, а на перспективные потребности в рабочей силе.

Важным фактором в совершенствовании профессионального образования является повышение его эффективности. Но это не только в виде соотношения принятых и окончивших соответствующие училища, но и в закреплении выпускников учебных заведений системы профтехобразования. Как свидетельствуют исследования, проведенные исследовательской группой

лаборатории исследования города, стабильность в распределении подготовленных кадров на предприятиях невелика. Например, в "Эстполиграфпроме" работало в 1985 году примерно 36 %, в "Лембиту" – менее 30 % из тех, кто пришел на работу в 1979 году, и в объединении им. В. Клементи – около 28 % молодых людей, окончивших ПТУ в 1980 году. А ведь эти предприятия не из худших. По многим специальностям (например, строительным) лишь несколько процентов остается работать после истечения срока направления. Очень важно было бы по специальному исследованию оценить вообще, какова устойчивость по специальностям выпускников профессионального образования.

Надо отметить, что используемая статистическая отчетность в системе профессионального обучения не устраивает органы территориального управления, так как она носит, в основном, ведомственный характер. Особенно это касается данных распределения выпускников разных профессиональных школ в системах железнодорожного и морского транспорта, связи, печатного дела и швейного производства и др. Усовершенствование отчетности означало бы и возможность оценивать эффективность подготовки кадров для данной территории, например города.

Воспроизводство нового типа работника, способного к выполнению сложного труда и отличающегося высокой профессиональной мобильностью, предполагает трактовки общего образования как основу для нормального включения в совокупную трудовую деятельность и базы для приобретения большего количества специальностей (более широкого профиля), чем это традиционно усвоили на предыдущих этапах развития. Разумеется, что реализация такой этапной цели поставила конкретные задачи к формированию качества образования.

Изменение содержания труда предъявляет новые требования качеству рабочей силы. Общественно необходимый уровень образования не определяется потребностями производства, к тому же отправная точка специальной подготовки является исторически изменчивой [13, с. 50].

На наш взгляд, причина исторической подвижности границы между двумя видами (общее образование и специальная подготовка) образования кроется в содержании и границах

самого труда. Простой труд не требует специальной подготовки. Усложнение трудовых функций субъекта труда, формирование лишь условных границ между рабочим и внерабочим временем и изменение экономического статуса труда изменяет формы подготовки. Поэтому возрастает значение общей подготовки, приобретает первостепенную важность образованность как основа общей культуры и способности к переподготовке, дальнейшему обучению, перемене труда.

Данные исследования, проводимые лабораторией городских исследований, свидетельствуют о том, что ориентации 8-классников таллинских школ, а также их родителей на приобретение будущей профессии придают предпочтение специальностям, подготавливаемым в вузах. К тому же, опрошенные нами родители, а также учителя общеобразовательных школ, в которых учились подростки-респонденты, считают, что преобладающее большинство выпускников 8 класса еще недостаточно зрелы для выбора профессии. Престижность СПТУ низкая как среди детей, так и среди их родителей. Лишь 13 % родителей и 14 % из исследуемых подростков заинтересованы в продолжении учебы в СПТУ. Почти 66 % из опрошенных таллинских школ с эстонским языком обучения имеют желание учиться дальше в общей средней школе, причем девочек 3/4 и 1/2 мальчиков. Важную роль при выборе профессии оказывает влияние родителей, уровень их образования и профессиональный статус, влияние школы и учителей - минимальное.

Регуляция названных процессов требует совершенствования работы по профориентации, но что еще важнее - усиления материальной и учебной базы существующей и постепенно обновляемой сети профессиональных школ. Престиж этих школ зависит от ряда факторов, важнейшим из них являются качество обучения и перспективность обучаемой профессии (специальности). Раздробленность и узкопрофильность подготовки, экономическая подчиненность разным ведомствам, недостаточная информация о возможностях учебы и характере будущей работы - все эти моменты отрицательно влияют на установки молодежи к этому виду обучения.

С другой стороны, сеть профтехучилищ не может расширяться и реорганизоваться, исходя только из отраслевых интересов. С точки зрения повышения эффективности новой ра-

бочей силы заслуживает внимания подчинение всех школ среднего звена территориальным органам и единому управлению.

Учет существующих и сильно действующих на качество подготовки социальных механизмов воспроизводства рабочей силы, а также перспективных воспроизводственных потребностей города, например, растущая потребность в медицинских работниках, воспитателях, учителях, работниках сферы обслуживания и жилищно-коммунального хозяйства должен выступить перспективным критерием для совершенствования системы подготовки новой рабочей силы; а также для размещения профессиональных школ по региону.

Необоснованное расширение одного вида образования за счет другого (других) может привлечь за собой отрицательные социально-экономические последствия: снижение эффективности подготовки, сокращение трудового потенциала подготовленных кадров, необоснованный рост затрат на подготовку и переподготовку, не говоря о социальных последствиях, выражающихся в ослаблении функции воспроизводства культурного потенциала самого образования. Поэтому необходимо уже сейчас предвидеть те изменения, которые проявятся в содержании труда и отражаются в общественной потребности улучшения качества совокупной рабочей силы и увеличения трудового потенциала каждого работника.

Л и т е р а т у р а

1. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. - М., Политиздат, 1986.

2. К о т л я р А.Э., Т р у б и н В.А. Проблемы регулирования, перераспределения рабочей силы. - М., Наука, 1978. - 182 с.

3. П а в е л ь с о н М. Процессы и механизмы развития города: воспроизводственный подход // Воспроизводственные процессы города. - Таллин, 1986. - С. II-27.

4. П а в е л ь с о н М. Воспроизводство рабочей силы как аспект социального воспроизводства // Основные итоги исследований по координируемым научным и методическим проблемам в области политической экономии. - Тарту, 1979. - С. III-III3.

5. П а в е л ь с о н М. Режим воспроизводства рабочей силы и экономия трудовых ресурсов // Ученые записки Тартуского государственного университета. - 1984. - Вып. 667. Экономическое использование материальных и трудовых ресурсов. - С. 10-19.

6. П а в е л ь с о н М., М а й г р е Р.-Р. Режим и условия воспроизводства территориальной рабочей силы (на примере г. Таллина) // Воспроизводственные механизмы крупного города в условиях интенсификации регионального развития. - Т. I. - Таллин, 1986. - С. 74-75.

7. К а т у с К. Интересы города и предприятий в связи с движением трудовых ресурсов // Человек-предприятие-город. - Таллин, 1986. - С. 32-37.

8. К а т у с К. Воспроизводство и использование трудовых ресурсов // Основные направления повышения эффективности использования трудовых ресурсов в Эстонской ССР в двенадцатой пятилетке. - Т. I. - Таллин, 1986. - С. 46-48.

9. Развитие экономики и культуры Таллина в XI пятилетке. - Таллин: Валгус, 1986. - 100 с.

10. Р а я н г у В.Л. Контингенты подготовки, использование и потребность в кадрах по видам образования. - Таллин: Валгус, 1983. - 143 с.

11. Л а а с К., Т е д д е р J. Ёррекомбинаadid ja kaadri ettevalmistamine // Tehnika ja Tootmine. - 1985. - N 3. - L. 9-12.

12. О р г А. Общежитие: за и против // Вечерний Таллин. 1986. 15 сент.

13. В е й х е р А.А. Сложный труд. - Л.: Наука, 1978.

The Formation of Young Labor Force
in a Territorial Complex of Education

Abstract

Today the stage of organization of labor force reproduction is gaining the first-rate importance, especially when the contemporary possibilities and needs for economic advancement are concerned. In terms of total labor force reproduction continuously more attention should be paid to the improvement of cooperation and balancing the different institution and forms of education. At that dynamically changing territorial possibilities, peculiarities and needs for the new labor force reproduction should be taken into consideration, including the existing and the potential number of students, teachers and training masters as well as the educational institutions financial basis.

The diminishing number of young labor force among the population of cities and regions of the Estonian SSR inevitably induces the need for local employment of the future workers, which the present system of vocational training is not yet prepared to. The problem does not concern only the restricted financial basis. It also covers the inadequacy between the functions of vocational schools and the qualitative criteria of new labor force preparation. One of the situational causes is the concentration of the main opportunities of vocational education into the capital.

A present the distribution of functions of new labor force reproduction between vocational and secondary schools is insufficient. Formation of the network of different types of schools is much too unbalanced and serves the interests of different branches. Under the circumstances, this period of development should become a preparative stage for the formation of an integral regional complex of education and be capable of putting into practice both the general-cultural and the economic criteria. This is the way to preserve and increase the essential functions of education.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ
ПОКОЛЕНИЙ

Дифференциация городской среды неизбежно возникает в процессе формирования и развития города, и определенный вклад в этот процесс вносит само население города как субъект территориального взаимодействия со средой [1, 84].

Социальная неоднородность на уровне городских территориальных общностей создает различные внутригородские условия социализации субъектов среды. Гетерогенность средовых условий и неоднородность потребления среды обнаруживаются как взаимообусловленные явления при исследовании городской среды социализации. Как известно, представители разных социальных групп характеризуются специфическими структурами потребительской активности, следовательно, и средовой активности, которая выражается в различных стилях жизни городских семей. "Это означает, что процесс потребления городской среды человеком "запрограммирован" обществом как типичный для представителя того или иного класса или социальной группы" [1, 83]. Можно предполагать, что социально-территориальные различия городской среды базируются на преобладании одних или других носителей социальных качеств в пределах определенного типа жилищной среды, обуславливая, таким образом, как внутригородскую, так и внутриобщностную гетерогенность условий социализации субъекта.

Однако необходимо учитывать и существующие внутренние различия одной социальной группы. Дифференцированность внутри социальной группы оказывается нередко более значимой, чем дифференцированность между различными социальными группами [5, 153]. Такая внутренняя противоречивость выражается при изучении коррелированной социализации поколений в городской

среде. Именно через взаимодействующие отношения между поколениями в семье, через их взаимообусловленную социализацию, осуществляются и взаимоотношения семейных соседств определенного типа социально-территориальной общности, адаптация семей и индивидов к своему ближайшему окружению.

При таком средово-популятивном подходе к проблемам, связанным с процессами социализации и социального воспроизводства городского населения, по нашему мнению, необходимо обратиться к понятию "детоцентризм", которое позволяет глубже осмысливать саморегулятивный характер этих процессов.

Детоцентризм поколения родителей не совпадает с понятиями "потребность в детях" или "функциональность детей" [2, 3], возможно, сближаясь к интерпретированию детей как терминальной ценности. Детоцентризм родителей нельзя рассматривать как свойства одного, т.е. родительского поколения, оно не развивается в плоскости отдельного поколения, а во взаимодействующей социализации поколений опосредованных территориально-социальной общностью. При изучении детоцентристских установок родителей нецелесообразно также говорить о развитии детоцентризма в плоскости той или иной социально-профессиональной группы (социальную принадлежность лучше отнести к числу экзогенных качеств родителя), так как разные группы, помимо поколенческих различий в детоцентризме, формируются из социально гетерогенных подгрупп. Так как детоцентризм осуществляется в средовом взаимодействии поколений, то процесс социализации, для которого характерно перевоплощение субъекта в объект социализации, следует связывать с разными пространственно-временными этапами развития семьи в общности. Эти этапы детерминируются со стороны родителей их принадлежностью к среде с определенными этнокультурными и социальными качествами, а со стороны детей преимущественно - фазой развития семьи и возрастной структурой семей в данной территориально-социальной общности.

Результаты эмпирического исследования, проведенного лабораторией городских исследований ТПИ в 1983-1985 годах, позволяют надеяться, что гипотеза о коррелированной социализации поколения, опирающаяся на исследование развитости детоцентризма родителей в городской среде, поможет вскрыть внут-

ренные потенциалы качественно нового этапа социального воспроизводства городского населения [4, 56].

Исходя из того, что дети являются таким же фактором среды для родителей как и родители для детей, можно предположить, что наличие детей продлевает процесс социализации родителей по мере развитости их детоцентристских установок. Сформулированная таким образом рабочая гипотеза легла в основу методики опроса детей, находящихся в ситуации самоопределения после 8 класса, а также их родителей, проживающих в четырех, контрастных по типу жилых районах г. Таллина. Все опрошенные принадлежали к коренной национальности.

Для того, чтобы более точно выявить особенности процессов социализации обоих поколений, в данном социологическом исследовании были использованы методы социальной психологии: так например, в экспериментальном порядке был разработан блок мотивационных вопросов для выяснения диспозиционной структуры детоцентристских установок и ценностных ориентаций родителей.

При анализе ситуативного и прожективного поведения, а также ценностных ориентаций, актуализируемых в связи с первым этапом жизненного самоопределения и взросления детей в целом, были использованы методы факторного анализа и таксономизации для выявления основной типологии родительского детоцентризма.

В результате факторного анализа 40 признаков выявились 8 факторов, которые описывают мотивационную структуру поведения родителей следующим образом:

I - общий, самый информативный, фактор ситуативных (само-) ограничений, например, на времяпровождение вне дома (-0,66), затраты на себя (-0,63), прерывание учебы (-0,52), хобби-увлечения (-0,54) и т.д.

VI - фактор содержательно дополняет первый, касаясь главным образом, отложенных (или планируемых) изменений в трудовых (+0,65) или жилищных условиях (+0,59, +0,56).

II и IV - факторы выделяются высокой дифференцирующей силой, позволяя различать детоцентристскую ориентированность родителей от недетоцентристской. Данные факторы описывают

брачность родителей относительно их ситуативного (находящиеся в новом браке (-0,68), разводы (-0,59) и т.д.) или прожективного поведения (желание развестись (+0,73), отложенный новый брак (+0,76)); связь отношений между личными проблемами и проблемами детей (-0,43) и т.д.

III - фактор выражает прожективное поведение родителей в сфере самореализации в целом, особенно в профессиональной (+0,66) и образовательной (+0,62) сферах, а также в области самосовершенствования и общественной активности (+0,62).

IV - содержательно дополняет третий, касаясь на ситуативном уровне образовательного пути родителей (перерывы в учебе из-за ребенка (+0,61), продолжение учебы (-0,43) и т.д.

V и VI - факторы описывают соответственно инструментальные (ориентации на образование или на зарплату (+0,53) и т.д.) и терминальные ценностные ориентации (преимущественно на семью и детей или на равноценную с ними работу (+0,54) и т.д.)

После сопоставления данных факторного анализа с результатами прямого таксономического анализа по тем же 40 признакам выделялись 4 таксона, хорошо различимые по профилям средних значений факторов. Их интерпретация позволила выделить 4 типа мотивационной структуры поведения родителей (см. рис. I в [4]). Типы родителей шкалированы по мере развитости их детоцентристских установок и распределены на две большие группы: детоцентристские (четные группы: IV - составляет 20 % всей выборки и VI - 50 %) и недетоцентристские (нечетные группы: III - 10 %, V - 20 %).

В связи с тем, что внутри больших групп существует своя качественная гетерогенность, детоцентристский тип родительского поведения распределяется на экстремный тип ситуативно-инструментального поведения родителей, которые в большей степени адаптированы на детскую среду социализации (IV), и на семейно-центрированный тип детоцентристски нормальной массы, у которых семейные ценности являются главными факторами поведения, но которые не проявляют склонности к крайностям в самоограничениях (VI). Недетоцентристский

тип распределяется по мотивационной структуре на тип внутренне противоречивого, "отрицательного" детоцентризма, который, несмотря на высокую ориентированность на терминальные ценности, не может избежать дестабилизирующего семью ситуативного поведения (Ш, и тип "я"-центрированных семей, которые составляют большую часть (I) недетоцентристов и представляют консервативно-благополучный тип ориентированных на себя родителей.

Опираясь на приведенную выше общую дифференциацию детоцентристских и недетоцентристских типов родителей, а также на особенности внутренних различий в пределах каждого из этих типов, попытаемся проанализировать родительские типы мотивационного поведения преимущественно с точки зрения закономерностей их внутренней дифференцированности.

Родительский детоцентризм последовательно рассматривается нами на уровнях: ситуативного поведения, относительно к сдержанной или активизированной самореализации родителей в ретроспективе; прожективного поведения, исходя из родительских планов самореализации в ближайшем будущем в связи с взрослением детей. Анализ ведется с привлечением социально-качественных характеристик типов семей (экзогенных показателей), охватывающих сферы семьи и брака, образовательной и профессиональной самореализации родителей, а также средовые показатели.

Данные, характеризующие типы мотивационной структуры на уровне ситуативного поведения (табл. I) в области ограниченной (сдержанной) самореализации родителей, показывают, что самые глубокие различия обнаруживаются в сфере повседневной семейной жизни. Здесь поведение родителей в большинстве случаев, как и ожидалось, отличается не только по шкале роста детоцентризма, но и во внутригрупповом разрезе. Самые основные ограничения касаются отношений времяпрепровождения между сферами личной самореализации родителя и самореализации в семье. Продвинутой группой в этом смысле является экстремный (IV) инструментально мотивированный тип родителей, имеющей самый большой уклон к самоограничениям ради детей. В данной группе 2/3 родителей отказываются от раздельного отпуска (без детей), несмотря на такое личное желание, 84 % сократили долю времяпровождения

Т а б л и ц а I

Взаимосвязь ситуативного поведения (самореализации) родителей и развитости их детоцентристских установок (%)

Тип мотивационной структуры Ситуативное поведение, зависящее от детей	Детоцентристский		Недетоцентристский	
	инструментальный (адаптивный)	семейно-центрированный	терминальный (отрицательный детоцентризм)	"Я"-центрированный
	ИУ	II	III	I
I	2	3	4	5

Ограниченная самореализация

А. Сфера брака

1. Отодвинувшие развод	5	~ 7	9	> 3
2. Отодвинувшие новый брак	7	~ 6	6	> 0

Б. Сфера образовательной и профессиональной самореализации

Отказавшиеся от:

1) дальнейшей учебы	18	~ 19	26	> 6
2) лучшего места работы в пользу зарплаты	18	~ 21	16	> 8
3) лучшей зарплаты в пользу трудовых условий	37	> 12	15	> 8

В. Сфера семейной жизни

Отказавшиеся от:

1) отпуска без детей	67	> 32	48	> 20
2) отпуска с детьми в интересах ребенка	27	~ 22	38	> 6
3) внедомашних развлечений	84	> 72	30	~ 30
4) хобби	29	> 17	21	> 9
5) расходов на себя в пользу ребенка	88	> 74	53	> 40
6) потерявшие интерес к происходящему вне дома	65	> 34	19	~ 12

I	2	3	4	5
7) ощущение стесненности самореализации из-за ребенка	4I	> 22	20	> 9
<u>Активизированная самореализация</u>				
1. Разведенные	10	~ 12	16	> 6
2. Вновь вступившие в брак	II	> 6	10	> 2
3. Продолжившие учебу	16	~ 14	37	> 18
4. Изменение или проявление новых хобби	48	> 24	14	> 6
5. Приобретшие постоянное место отдыха для семьи	13	~ 12	12	> 5

вне дома и у 1/3 - пострадали хобби. У нормальной, семейно-центрированной группы (II) те же показатели заметно скромнее: 32, 72 и 17 %. С одной стороны, можно предположить, что гетерогенность во внутригрупповом поведении родителей определяется количеством детей (IV - 2,3; II - 1,9), которое ситуативно обуславливает поведенческие различия между родителями. С другой стороны, представляется, что детоцентризм родителей интегрируется в ценностных ориентациях родителей - в таком случае они идут на самоограничения не только в силу объективной необходимости, но и получают от этого определенное удовлетворение, мотивируя такое поведение естественной заботой о детях.

Что дело не в числе детей, хорошо видно, сравнивая рассматриваемые данные у родителей экстремной III группы с противоречивыми в целом недетоцентристскими установками (среднее количество детей 2,1). Обнаруживается некоторое сходство с детоцентристскими группами, однако степень самоограничения намного слабее, чем у экстремной детоцентристской IV группы (соответствующие данные: 48, 30 и 21 %). Особая структурная неоднородность обнаруживается и внутри I группы родителей с недетоцентристскими установками и минимумом детей (1,6), где "я"-центрированная структура мотивации не позволяет идти на самоограничения за счет сферы личной самореализации (соответствующие данные: 20, 30 и 9 %). Особенности структурной неоднородности объясняются не просто

менее выраженным и развитым по сравнению с III группой детоцентризм родителей: взаимосвязи здесь имеют противоположную направленность, заключающуюся именно в подчеркнуто целной ориентированности родителей на самореализацию вне семьи. Малодетность таких семей, по-видимому, является уже следствием такой их ориентированности к личному (духовному или материальному) благополучию. В III группе "отрицательного" детоцентризма родителей сравнительная многодетность, по-видимому, является также косвенным следствием их ориентированности на себя (а не на детей) через сферу самореализации в семейно-брачных отношениях (разводы, новые браки). Ситуативно обусловленное поведение этих родителей в конечном счете идет за счет детей; дети вытеснены на периферию мотивации, они являются неизбежностью семейной жизни как один из элементов семьи и дома, в целом высоко ценимых родителями этой группы. Следует отметить, что в общей картине внутригрупповых структур и недетоцентристов наблюдается тенденция к большей гомогенности структур, чем у детоцентристов.

Обрисованные выше причинные взаимосвязи между мотивациями и реальным поведением родителей позволяют подойти и к формированию остальных структур поведения, связанных с самоограничениями и условиями самореализации родителей. Так, детоцентристы лимитируют расходы на себя в пользу детей намного чаще (IV - 88 %, II - 74 %), чем недетоцентристы (III - 53 %, I - 40 %). О детоцентризме с повышенным адаптивным свойством говорят и показатели общего концентрирования интересов в пределах семейной жизни у родителей IV (инструментального) типа мотивации, где 2/3 признают постепенную потерю интереса к происходящему вне дома (у семейно-центрированных - 1/3). Более гомогенные в этом отношении недетоцентристские группы отличаются значительно меньше долей таких родителей: III - 19, I - 12 %.

Ограничения в сфере образовательной и профессиональной самореализации связываются с детьми сравнительно реже, чем аналогичное поведение в семейной жизни. При этом детоцентристские типы родителей составляют более гомогенные структуры, за исключением тех, кто предпочитает хорошие условия труда большой зарплате: здесь экстремная детоцентрированность родителей в IV группе обнаруживает

себя особенно резко (IY - 37 %, П - 12 %). У недетоцентристов внутренняя гетерогенность не должна скрывать главного: "я"-центрированный (консервативно-благополучный) тип родителей почти не связывает процесс самоопределения личности в сфере образования и профессиональной карьеры с самоопределением в сфере семьи и рождением детей.

Имея в виду, что по социально-качественному составу опрошенный контингент родителей, формирующий среду социализации детей, по отдельным типам детоцентристских установок представляет сравнительно гетерогенную структуру (табл. 2) и учитывая одновременно их мотивированное поведение, можно сделать вывод, что родительский детоцентризм и процесс образовательного самоопределения в основном друг от друга независимы.

Т а б л и ц а 2

Социальная характеристика типов родительского детоцентризма

Экзогенные показатели	Тип мотивационной структуры	Детоцентристский		Недетоцентристский	
		инструментальный (адаптивный)	семейно-центрированный	терминальный ("отрицательный" детоцентризм)	"я"-центрированный
		IY	П	Ш	I
I		2	3	4	5

А. Семейно-брачная жизнь

1. Среднее количество детей	2,3	>	1,9	2,1	>	1,6
2. Доля однодетных семей (%)	11	<	23	19	<	47
3. Нуклеарных семей (%)	88	~	86	77	<	91
4. Состоящие в первом браке (%)	72	~	68	62	<	79
5. Разведенные (в т.ч. и вдовы) и состоящие в новом браке (%)	15	~	16	19	>	11

I	2	3	4	5
6. Одинокие родители (разведенные, вдовы, незамужние) (%)	12	~ 15	24	> 10
Б. Социально-профессиональ- ная сфера				
1. Уровень образования (%)				
а) ниже среднего	11	< 23	11	< 20
б) среднее	27	~ 24	30	> 24
в) среднее-специальное	21	< 26	27	~ 24
г) высшее	41	> 27	32	~ 32
2. Социальная принадлеж- ность (%)				
а) рабочие	24	< 31	14	< 35
б) служащие	24	~ 22	36	> 17
в) руководители и спе- циалисты	52	> 47	50	~ 48
3. Тип родительской семьи по социально-профес- сиональному составу (%)				
а) рабочий-рабочий	13	< 21	6	< 26
б) служащий-служащий	22	~ 20	24	> 11
в) служащий-специалист	12	~ 11	18	> 11
г) рабочий-специалист	16	~ 19	26	~ 22
специалист-специалист	37	> 29	26	~ 30
4. Доля тех, кто приобрел последнюю специальность после рождения ребен- ка (%)				
	36	< 44	36	> 21
5. Число сменных спе- циальностей				
	1,9	~ 1,9	2,1	> 1,5
В. Средовые показатели				
1. Коренные таллинцы (%)				
	42	~ 42	46	> 31
2. Супруг коренной талли- нец (%)				
	36	~ 37	41	~ 41
3. Тип жилой среды (%):				
а) новый жилой район мас- совой застройки	32	~ 31	28	< 41

I	2	3	4	5
б) район (преимущественно индивидуальных домов	40	>	34	38 > 29
в) центр города	13	~	15	17 > 12
г) старое предместье	15	<	21	17 ~ 18
4. Тип квартиры (%):				
а) государственная квартира	62	<	70	70 > 58
б) кооперативная квартира или собственный дом	38	>	30	30 < 42
5. Плотность заселения (чел./комнат) (%):				
а) более I чел. на комнату	65	<	75	76 ~ 74
б) I или менее чел. на комнату	35	>	25	24 ~ 26

Высказанный тезис в целом подтверждают и данные активизированной самореализации родителей (см. табл. I). Отличается только III группа родителей "отрицательного" детоцентризма, у которых на ситуативном уровне поведения как прерывание так и продолжение своего образовательного пути связано с фактором детей.

Ситуативная активность III группы ярко отражается и в формировании гетерогенной внутригрупповой структуры брачности. Терминальные ценностные ориентации этих родителей реально слабо связаны с домом и детьми, что ведет к ситуативным разводам и новым бракам. Отодвинувшие брак связывают свое поведение с наличием детей, но при этом, по-видимому, слабо осознают, что эта реальность (дети) уже есть их довольно случайной деятельностью. Отрицательный детоцентризм и реальную независимость от детей поведение родителей III группы выражает и прожективное поведение (таблица 3) в ближайшем будущем, где максимум родителей, собирающихся разводиться, снова вступит в брак, находятся в данной группе.

Внутригрупповая гетерогенность "я"-центрированных родителей углубляется из-за противоположности поведения стабильного в отношении семьи большинства (I) и очень не-

стабильных "отрицательных" детоцентристов, которые собираются изменить свое семейное положение в связи с взрослением детей. Причем мотивационные структуры обеих подгрупп противоположны, если иметь в виду уровни ситуативного и прожективного поведения.

Т а б л и ц а 3

Прожективное поведение (типы самореализации) родителей по типам родительского детоцентризма (%)

Тип мотивационной структуры Прожективное поведение, зависящее от детей	Детоцентристский		Недетоцентристский	
	инструментальный (адаптивный)	семейно-центрированный	терминальный (отрицательный детоцентризм)	"я" - центрированный
	IV	II	III	I
I	2	3	4	5

Собирается в будущем:

1) разводиться	8	~	7	12	>	8
2) снова вступить в брак	12	>	9	21	>	5
3) рожать детей	6	<	11	7	~	10
4) продолжать учебу	10	<	17	16	>	3
5) профессионально совершенствоваться	40	<	55	61	>	7
6) менять работу	50	>	32	29	~	24
7) активнее принимать участие в общественной работе	2	<	23	9	~	5
8) заниматься своими увлечениями	55	>	39	24	<	44
9) менять квартиру	23	<	28	16	>	7

В сфере семейно-брачных отношений у родителей с детоцентристскими установками, наоборот, наблюдается внутригрупповая гомогенность как на уровне ситуативного, так и прожективного поведения. Хотя доля родителей, ориентированных на разводы или на вступление в новый брак, находится где-то в золотой середине между крайностями недетоцентристских родителей, в целом качественно иная мотивационная структура

позволяет интерпретировать их поведение как более зависимое от детей. Объективная социально-качественная характеристика носителей этого типа мотивационного поведения подтверждает такой вывод.

Экзогенные показатели, характеризующие типы родителей по степени реализации детоцентристских установок в поведении, приводятся в трех аспектах, описывающих родительскую среду социализации детей (табл. I):

- семейно-брачная ситуация в семье;
- социально-профессиональное положение родительской семьи;
- основные средовые показатели родителей и детей.

Показатели семейно-брачной ситуации детоцентристски ориентированных родителей репрезентируют описанные выше структуры мотивационного поведения (гомогенность, нормальная устойчивость брачных отношений и др.).

Доля однодетных семей в детоцентристских группах (II и 23 %) в целом ниже и более гомогенна по сравнению с недетоцентристскими группами, где явно выделяются "я"-центрированные семьи (I9 и 47 %).

Показатели брачности структуры сходны с той дифференциацией родителей, которая получается по типам мотивационного поведения: тип "отрицательного" детоцентризма действительно ориентирован на терминальные ценности самореализации личности, включая реализацию через изменение семейного положения. В результате в данной группе наименьшая доля нуклеарных семей и тех, кто состоит в первом браке, т.е. здесь много тех, кто разведен или после некоторого одиночества находятся в новом браке или еще не состояли в браке. Максимальная подвижность семейно-брачных отношений этих родителей, имеющих сравнительно много детей (2,1), по-видимому, говорит о возникновении взаимосвязи между числом браков и количеством детей, т.е. очевидно подтверждается ситуативность "детоцентризма" этих родителей, случайность возникновения детей у тех, кто ориентирован на терминальные ценности самореализации.

По социально-профессиональному составу родители всех типов мотивации составляют весьма гетерогенную структуру,

где трудно найти закономерность — представлены всевозможные слои и уровни образования. Это подтверждает нашу гипотезу, что родительский детоцентризм в целом развивается независимо от социально-профессиональной принадлежности родителей.

Сравнивая только структуры, все же обнаруживается некоторая внутригрупповая гетерогенность, на основе которой можно предположить наличие прямой зависимости детоцентризма от образования. В этом отношении выделяется экстремная группа (IV) детоцентристов, в которой больше образованных родителей. Гетерогенность структур увеличивается на самом низком и самом высоком уровнях образования. Структуры образования недетоцентристских родителей различаются также на низких уровнях, куда родители "отрицательного" детоцентризма (III) дают меньший вклад. На более высоком уровне образования происходит гомогенизация структур.

Большой образованностью характеризуются именно экстремные подгруппы в обоих основных группах, причем инструментально-адаптивный тип детоцентристов (IV) имеет более высокий уровень образования. Для родителей терминального типа (III) значимы уровни среднего и средне-специального образования, что обуславливает и формирование структур профессионального состава, где больше служащих, а доля рабочих намного меньше (14 %) по сравнению с "я"-центрированными (35 %) родителями.

В контексте данного исследования предполагается, что образовательная структура классически детерминирует профессиональную структуру, рассматриваемую на примере одного родителя. Сходная картина получается и на уровне родительской пары (табл. 2).

Показатели профессиональной деятельности родителей свидетельствуют о дифференцирующей ценностной ориентированности всех типов родителей: естественно, что наиболее образованные родители IV детоцентристской группы позаботились приобрести свое образование несколько раньше и после рождения ребенка переключились на самореализацию в сфере домашней деятельности; основная (II) масса семейно-центрированных родителей преимущественно ориентируются на дом, что однако не препятствует профессиональной самореализации родителей (соответственно доли тех, кто приобрел

последнюю специальность после рождения ребенка: IV - 36, II - 44 %); склонность III группы "отрицательного" детоцентризма к преследованию (идеальных) терминальных ценностей, а также наличие среднего образования, толкают их на поиски и в области профессиональной деятельности, что не свойственно "я"-центрированным (I) семьям, которые проявляют консерватизм и в данной сфере жизнедеятельности (приобретение специальности после рождения ребенка: III - 36, I - 21 %, число сменных специальностей: III - 2, I; I - 1,5).

Связанные с взрослением детей перспективные планы родителей в отношении сферы труда (табл. 3) также отражают существующую зависимость поведения родителей от детей. Особенности детоцентристски ориентированных родителей здесь показательны. Период "добровольного сдерживания" самореализации родителей кончается и половина адаптивных детоцентристов в ближайшем будущем планируют менять работу (II около I/3), среди них наименьшая часть профессионально собирается совершенствоваться (зато у II более I/2).

В этой сфере прожективного поведения, которая касается дальнейшей учебы и участия во внедомашней деятельности (увлечения, общественная работа) внутригрупповые различия детоцентристов более гетерогенны. Однако они не нарушают картины общей согласованности семейных и детоцентрированных установок родителей с их реальным поведением.

Планы самореализации недетоцентристских родителей подтверждают основную взаимосвязь между поведением и мотивациями: терминальный тип продолжает искать себя в сфере труда, что зависит от образовательного самоопределения, а "я"-центрированный родитель, не меняя основного образа жизни, в дальнейшем собирается заняться своими увлечениями.

Из приведенного выше анализа поведения родителей следует, что дети являются как средством, так и препятствием в процессе социализации родителей и формирующийся социально-качественный облик родителей находится в определенной зависимости от "фактора детей".

Наряду с параметрами брачности и социально-профессиональной принадлежности, необходимо рассматривать также этнокультурные и другие социальные параметры родительского дома, характеризующие качество среды социализации детей.

Определенные такими параметрами средовые показатели (табл. 2) охватывают в определенной мере и физическую среду жизнедеятельности индивида. Физическая и социальная среды взаимообусловлены. И хотя социальные параметры жилой среды в современных городских условиях уже не являются определяющими для социализации родителей, дети, наоборот, находятся в большой зависимости от качеств своей социально-территориальной общности. Так как деятельность детей до определенного возраста ограничивается пределами жилого района, важнейший круг социального общения детей формируется на базе именно жилой среды (6,3).

Таким образом, средовые показатели жилой среды различных групп родителей образуют дифференцируемые структуры, характеризующие среду социализации детей. В отношении степени адаптированности (укорененности) детоцентристски ориентированные родители структурно более гомогенны (42 % коренных таллинцев), чего нельзя сказать о недетоцентристах. Доля коренных жителей сред и родителей терминального типа максимальна (III - почти I/2), в то время как среди "я"-центрированных их меньше всего (около I/3)

В жилых районах детоцентристы представлены более-менее гомогенно, лишь в районе индивидуальной застройки их живет несколько больше, особенно экстремная группа (IV - 40, II - 34 %). В старом предместье расселена также значительная часть семейно-центрированных родителей (II - 21 %, IV - 15 %).

В центре города детоцентристы представлены в той же пропорции. В зависимости от коренной принадлежности отличаются новый жилой район, где больше доля "я"-центрированных семей (среди которых больше мигрантов) и район индивидуальной застройки, где, наоборот, предпочитают жить семьи "отрицательного" детоцентризма (среди которых минимум мигрантов).

Детоцентристские родители адаптивного типа чаще имеют собственную квартиру или дом, где плотность заселения ниже, чем у семейно-центрированного большинства. Среди недетоцентристов благополучие "я"-центрированных родителей чаще связано с кооперативной квартирой (или собственным домом), хотя плотности заселения особенно не разнятся. "Я"-

центрированные родители являются единственной группой, у которых в перспективных планах желание менять квартиру выражено очень слабо. Этот факт подчеркивает, что поведение родителей данной группы слабо мотивировано детьми (необходимость разъезда и т.д.).

В качестве известного обобщения средовых условий социализации может служить степень акцентирования тех или иных сторон своей привязки к городу как целому. Здесь ярко выражается дифференцированность родительских детоцентристских установок: чем больше развит детоцентризм родителей, тем сильнее родители исходят в своих оценках города как среды социализации своих детей; у "я"-центрированных родителей на первый план выдвигаются трудовые и жилищные условия самореализации.

Таким образом, в результате типологизации городских родителей по развитости детоцентризма оказалось, что недетоцентристски ориентированные родители составляют меньшинство коренного населения, причем, условия развития коренной социально-территориальной общности связаны с усилением опосредованной интеракции поколений внутри детоцентристски ориентированного большинства.

В итоге нашей интерпретации проблем, связанных с процессом социализации субъекта в социально гетерогенной среде большого города, и следовательно, с социальным воспроизводством как территориальной общности города, можно заключить, что необходимо изучать всю совокупность факторов, взаимодействующих в этих процессах. В нашем случае это означает развитие методов исследования коррелированной социализации поколений в городской среде.

Л и т е р а т у р а

1. Барбаш Н.Б. Методика изучения территориальной дифференциации городской среды. - М., 1986.

2. Бойко В.В. Малодетная семья. Социально-психологическое исследование. - М., 1980.

3. Антонов А.И. Социология рождаемости. - М., 1980.

4. Михайлов Д., Паадам К., Мюлла Э. Средовое взаимодействие поколений в процессе социализации

(К исследованию детоцентризма городских семей) // Воспроизводственные процессы города. - Таллин, 1986. - С. 47-68.

5. P a h l R.E. Whose City? And Further Essays on Urban Society. - P.B., 1975.

6. K n u t i L. Nuorten olosuhteet kahdessa kaupunkiympäristössä. - Espoo, 1982.

K. Paadam

Differentiation of the Urban Socialization
Environment of Generations

Abstract

The present study is primarily focused on the formation of the interrelationships of generations at the level of urban socioterritorial units. It is presumed that differently from the traditional ones the modern urban territorial communities, i.e. neighborhoods are set up through the relations and interaction between the generations within the family. For the reason and for socially mixed urban neighborhoods the social variables like social and professional status, educational level, marriage and family relations etc. are considered as the external characteristics of the individuals. Without reducing their essential role and influence on the process of urban population reproduction the more profound relations and causal connections are sought for in this paper.

Our main concept concerns somewhat alternative ways of perceiving the formation of urban social structure making use of socio-psychological methods in a sociological research. The primary impact is made on the relations created between the generations, parents and children in the course of their environmental interaction, their simultaneous socialization, on the basis of the phenomenon we call "child-centrism". The latter denotes the importance of parents' child-motivated behavior which promotes different family life-styles. Taking into consideration certain environmental factors together with the typology of parents child-centric behavior permits us to get further into the study of the modern urban as well as intra-urban social differences of socialization.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ДИСПОЗИЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ
ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

Модель социализирующегося субъекта, на наш взгляд, должна исходить из концепции В.А. Ядова [1], согласно которой диспозиционно-установочные явления рассматриваются в рамках общей диспозиционной структуры личности, как целостного субъекта деятельности. Согласно теории Д.Н. Узнадзе, установка представляет собой целостно-личностное состояние готовности, настроенности на поведение в данной ситуации (в условиях деятельности) и для удовлетворения определенной потребности.

По диспозиционной концепции и потребности в ситуации деятельности и сами диспозиции образуют иерархические системы. Рассматривая систему диспозиций, В.А. Ядов выделяет четыре уровня:

1. Низший уровень – элементарные установки, формирующиеся в простейших ситуациях. 2. Второй уровень – система социальных установок ("аттитюды"), где можно выделить "объектные" и "ситуационные" социальные установки. 3. Третий диспозиционный уровень – общая направленность интересов личности или базовые социальные установки (идентификация с той или иной областью социальной деятельности). 4. Высший уровень образует система ценностных ориентаций на цели жизнедеятельности и средства достижения этих целей.

Важнейшая функция диспозиционной системы – психическая регуляция социальной деятельности или поведения субъекта в социальной среде. А.Г. Асмолов [2] рассматривает разные уровни установок как механизмы, позволяющие сохранить устойчивость поведения личности в постоянно изменяющейся среде.

Концепция В.А. Ядова позволяет выдвинуть критерий для исследования процесса социализации. Например, возникновение комплекса обобщенных социальных установок, связывающих в устойчивую целостность ценностные ориентации и социальные (ситуативные) установки индивида. Если его нет, то ценностные ориентации и ситуативные установки, по-видимому, существуют или жестко замкнувшись друг на друга, или потеряв всякую связь между собой. На этой фазе становления личности подросток как бы еще растворен в среде социализирующей его общности, т.е. находится в состоянии диффузной сращенности с непосредственной средой социализации. Поэтому наша исходная гипотеза сведется к тому, что ядро личности формируется где-то в 8 классе, когда необходимость самоопределения впервые делает подростка субъектом социализации, а среду — органом развития субъективности [3].

Бесспорно, что становление личности начинается в семье. Значение эмоциональных контактов и взаимопонимания осознается более четко в городской семье и особенно в семье с более высоким образовательным уровнем [4]. Изучение формы семейной жизнедеятельности, по нашему мнению, адекватно только в рамках конкретной жилой среды. Для детей семья выступает как особый уровень микросреды, как специфическая первичная социально-психологическая группа общества. Вторым уровнем является микрорайон по месту жительства, который может создать условия для формирования типа семейного образа жизни, но обязательно представляет возможности для определенных видов деятельности и препятствует другим у подрастающего поколения.

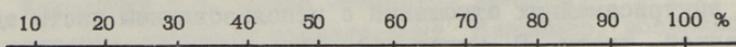
Для города Таллина характерна дифференциация социальной и физической среды — разные жилые районы резко отличаются друг от друга. Таким образом, жизнедеятельность семьи и социализацию детей надо исследовать в средовом контексте, учитывая специфику разных жилых районов. Согласно данной гипотезе, исследуя семью в городе Таллине, мы исходили из самых контрастных типов жилых районов (новый жилой район массовой застройки, район преимущественно индивидуальных домов, центр города и старое предместье). Были опрошены подростки 8-го класса и один из родителей (всего 680 семей).

При изучении семейной среды решалась задача типологизации внутрисемейных отношений с использованием части адаптированной шкалы Р. Мууза [5]. Шкала состоит из десяти подшкал, измеряющих три области семейной жизни: внутрисемейные отношения, личностное развитие и стабильность семьи. На основе факторного и таксономического анализа мы получили типологии внутрисемейных отношений, которые являются фактором среды для социализирующего подростка.

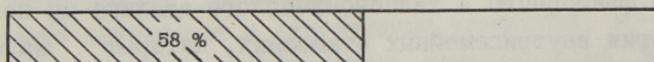
В результате факторного анализа мы получили 8 основных факторов как у родителей, так и у подростков. У родителей они оказались следующими: сплоченность, экспрессивность-независимость, конфликт, организованность, "вместе дома", независимость, характер досуга, "друзья в гости". У подростков двумя самыми сильными факторами оказались тоже сплоченность и экспрессивность-независимость, за ними следовали: контроль, организованность, независимость, характер досуга, увеличения и "вместе дома". Большинство значимых факторов характеризуют первую область семейной жизни - внутрисемейные отношения.

В результате таксономического анализа у обоих поколений выявились две контрастные группы - "семейно-центрированные" (С) и "я-центрированные" (Я). Члены первой группы (С) ориентируются на совместную деятельность дома и вне дома, часто ходят все вместе в театр, на концерты, у них дома часто собираются гости. В таких семьях действует распределение обязанностей, поддержка между членами семьи, высокий уровень взаимопомощи и дружеская атмосфера. "Я-центрированные" - замкнутые, в большей степени конфликтные и независимые. Вся семья редко собирается вместе дома и у всех свои дела. Семейная жизнь мало определяется правилами.

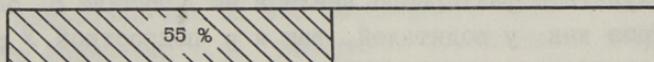
Семейно-центрированными оказались 48 % родителей и 56 % подростков. 44 % родителей и 43 % подростков оказались "я-центрированными". Рассматривая эти типологии, можно предположить, что семейно-центрированные родители имеют в большинстве случаев детей такого же типа. Результаты синтеза выявили, что "воспроизводство микроклимата" действует в пределах 50 % (см. рис. 1).

1) Семейно-центрированные родители

2) Я-центрированные родители

◐ семейно-центр. подростки

○ я-центрированные подростки

Рис. 1. Распределение типологии внутрисемейных отношений подростков на основе типологии родителей.

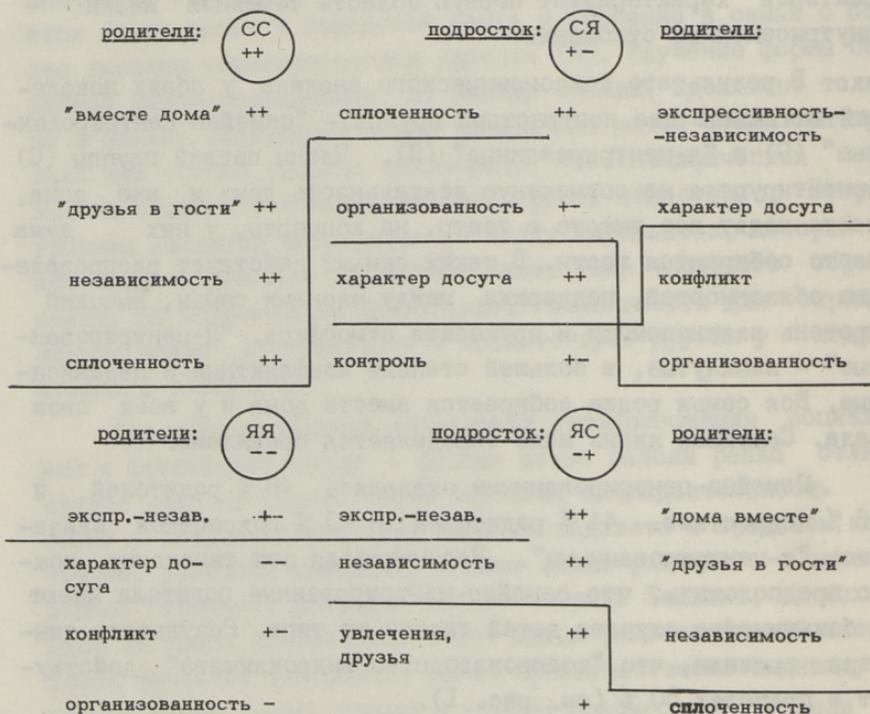

Рис. 2. Таксономический анализ типологии отношений в семье по результатам факторного анализа оценок родителей и подростков (шкала домашней среды Р. Мууза).

Комбинируя вышеописанные типологии, возможно сочетать полярные группы родительских оценок с оценками подростков (см. рис. 2): две гомогенные группы - родители и дети оба "семейно-центр." (СС - 30 %), либо "я-центр." (ЯЯ - 22 %) и две гетерогенные - "я-центр." родители и "семейно-центр." подростки (ЯС - 26 %), либо наоборот, (СЯ - 22 %). Комбинации внутрисемейных отношений на основе оценок двух показателей можно условно рассматривать как тип семейного образа жизни, формирование которого происходит в процессе взаимодействующей социализации поколений, где подрастающее и родительское поколение могут выступать в качестве средового фактора социализации.

Социальные параметры родителей (образование, профессия) слабо коррелируют с типом семей. В семьях, где оба родителя с высшим образованием, самая большая доля принадлежит к типу "семейно-центрированные". Больше корреляции имеется между образованием отдельно отца и типа семьи. Чем выше образование отца, тем меньше "я-центрированных" семей. Наши результаты утверждают, что внутрисемейные отношения отличаются в разных жилых средах, значит, в крупном городе нельзя говорить о едином городском образе жизни. В районе индивидуальных домов больше "семейно-центр." семей. В центре города больше "я-центр." семей, а также таких типов, где подросток является "я-центр." и родители "семейно-центр." (СЯ). Предместье кажется такой средой, где родители более "я-центр.", чем подрастающее поколение (данные показывают, что здесь родители недовольны своим домашним районом, зато подростки в основном довольны). Подростки нового района в большинстве "семейно-центр.", но зато характер проведения досуга у них чрезмерно пассивный. С "я-центрированностью" связаны такие свойства, как разведенность, однодетность (сопровождается "я-центр." подростка), высокая плотность заселения (подросток не имеет своей комнаты или уголка).

Типологизация внутрисемейных отношений является первой ступенью исследования средовых факторов формирования стиля жизни подростков в условиях города. Молодежный стиль жизни может быть рассмотрен как средовое явление, как проекция домашнего образа жизни. Образ жизни задается деятельностной (т.е. необратимой) трансформацией действительности, стиль жизни - поведенческой (т.е. обратимой) сращенностью со

средой. Таким образом, домашний образ жизни является условием формирования стиля жизни подростков.

Понятие "стиль жизни" тесно связано с концепцией диспозиционной структуры личности, эта структура формируется так, что высший уровень ценностных ориентаций опосредован от низшего уровня социальных ситуативных установок промежуточным уровнем обобщенных социальных (базовых) установок, играющих, таким образом, центральную роль связки и превращающих диспозиционную структуру в единый целостный регулятор поведения личности. Формирование ядра (среднего уровня) личности есть одновременно и процесс формирования стиля жизни. В критических ситуациях (выбор жизненного пути и т.д.) диспозиционная структура, по-видимому, должна иметь место, т.е. актуализироваться средой как относительно устойчивая иерархическая система и ее можно применять в качестве инструмента типологизации стиля жизни подростков. Диспозиционная структура выделяется методами факторного анализа. В экспериментальном порядке мы пытались операционализировать диспозиционную структуру личности так, чтобы условно были представлены все три уровня (исключены элементарные установки) диспозиции: ситуативный (поведенческие установки), обобщенный (оценочный и мотивационный) и уровень ценностных ориентаций.

Факторный анализ 50 признаков выявил 12 факторов. Доминировал I фактор поведенческих оценочных установок (времяпрепровождение в дискотеке, в кафе). Его дополняет XII фактор поведенчески-оценочных установок, касающихся хобби и IV фактор поведенческих установок (времяпрепровождение с друзьями).

Далее следуют факторы оценочных установок: VI фактор отношений с родителями и VII фактор - отношение к общественной работе. У фактор - престижа, популярности и XI фактор содержит признаки мотивации учебы. Специфическим фактором выделяется II фактор ценностных ориентаций (ориентации на такие ценности, как семья, брак, любовь). Остальные четыре фактора охватывают признаки всех трех диспозиций: III - фактор спорта, VIII - чтения литературы, IX - учебы и X - фактор увлечения музыкой.

Таксономический анализ по тем же 50 признакам выделил 2 таксона, которые оказались хорошо интерпретируемы при по-

мощи средних значений факторов (распределение таксонов I - 58 %, II - 42 %). Первый таксон реагировал сильнее на такие факторы, как VI - фактор семейных отношений, и IX - фактор учебы. Вторая группа реагировала больше на следующие факторы: I - посещение дискотек, кафе, X - отношение к музыке, III - занятие спортом и IV - наличие друзей.

Различия между полученными типами рассматриваются на трех уровнях диспозиционной иерархии.

Первая группа. Подростки из этой группы ориентируются больше на учебу и чтение книг, любят посещать театр и ходить к друзьям в гости. Они учатся лучше, чем подростки из второй группы. 70 % из них желают продолжать свою учебу в средней школе, 15 % - в техникуме и 15 % - в ПТУ.

Оценочные установки связаны с ситуативными. Подростки высоко оценивают учебу и самообразование, художественную и научно-популярную литературу, "хобби" и отношение с родителями. В контексте мотивации учебы доминировали такие мотивы: "по-моему, учиться надо, чтобы получить больше знаний", "стать умнее", "...подготовиться к будущей профессии".

На уровне ценностных ориентаций выявились три самые большие ценности: семья, друзья, профессия.

Вторая группа

Подростки из второй группы любят ходить на дискотеки, в кафе и бары, гулять с друзьями по городу, заниматься спортом, посещать театр и кино и проводить время со своей "симпатией" (60 % из этой группы имеют свою "симпатию", а из первой группы - меньше половины). Успеваемость в школе у них в основном удовлетворительная. 60 % из этого контингента желают продолжать учебу в средней школе, 18 % - в техникуме и 22 % - ПТУ. Проведением своего свободного времени они больше довольны, чем сверстники из первой группы.

Свои отношения с родителями оценивали высоко как подростки из первой группы, так и подростки из второй группы. Дискотеку и спорт оценивали тоже довольно высоко. Главные мотивы учебы совпадали у подростков обеих групп (получить больше знаний, стать умнее). Но такие мотивы, как "...что-

бы казаться умнее других", "... чтобы другие меня признавали и уважали", были сильнее у подростков второй группы. Из ценностных ориентаций доминировали такие ценности, как друзья, семья, любовь, брак, профессия и модная одежда.

На основе этих данных, касающихся двух типологий в контексте диспозиционной структуры личности, можно утверждать, что у подростков 8-го класса в основном стиль жизни сформирован. Разные уровни диспозиции коррелируют между собой. Сформировано и ядро личности. Тот факт, что в процессе социализации новые ценности и ориентации вытесняют старые, и вся структура содержательно обновляется, не меняет ничего в данной концепции. Поэтому ее можно считать обоснованной и применять в качестве инструмента типологизации результатов социализации.

Условия социализации изменяются от поколения к поколению. Задача коррелированной социализации подрастающего и родительского поколений, поставленная условиями крупного города, операционализирована как средовое взаимодействие стилей жизни поколений.

Социальные параметры родителей (профессия, образование), естественно, коррелируют с типом стиля жизни подростков (см. табл. I).

Т а б л и ц а I

Образование родителей и типология стиля жизни подростков (%)

	Тип стиля жизни	
	I	II
<u>Образование матери</u>		
- неполное среднее	59	41
- среднее	59	41
- среднее специальное	50	50
- высшее	66	34
<u>Образование отца</u>		
- неполное среднее	57	43
- среднее	60	40
- среднее специальное	57	43
- высшее	59	41

Условия жизнедеятельности для подростков неодинаковы в разных жилых районах. Наши результаты анализа обра-

за жизни показали, что внутрисемейные отношения ("семейная центрированность" и "я-центрированность") дифференцируются в разных средах. Здесь надо подчеркнуть, что на основе отдельного анализа выяснилось, что среда не дифференцирует семейный образ жизни на основе оценок родителей, но действует дифференциация городской среды на основе оценок подростков (см. табл. 2). Предполагается, что у взрослого поколения свой "образ" сформирован и больше не определяется внешними факторами. Добавим, что отчужденность между поколениями, живущими в новом районе, может быть усугублена различием среды социализации двух поколений (родители, кто выросли в иной среде, не "понимают" детей, которые социализируются в условиях массовой застройки).

Т а б л и ц а 2

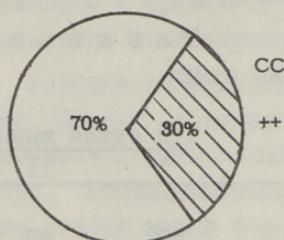
Условия жилой среды и типология стиля жизни подростков (%)

	Тип стиля жизни	
	I	II
<u>Район местожительства</u>		
- новый район	57	43
- индивидуальный район	52	48
- центр	55	45
- старое предместье	67	33
<u>Плотность заселения</u>		
- большая (больше I человека на I комнату)	60	40
- средняя (I чел. на I комнату)	54	46
- маленькая (меньше I чел. на I комн.)	47	53
<u>Подросток имеет</u>		
- свою комнату	54	46
- свой угол	65	35
- ничего не имеет	64	36

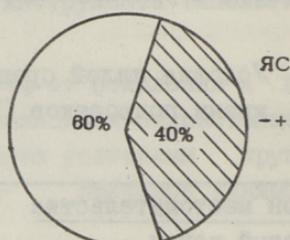
Анализ показал связь между типом стиля жизни и условиями среды, о чем свидетельствуют данные таблицы 2.

Чем больше приватности и меньше плотность, тем активнее характер стиля жизни подростков. Эти результаты подтверждают результаты других исследователей в области влияния плотности заселения на поведение людей (большая плотность связана с меньшей подвижностью семейной жизни [6]).

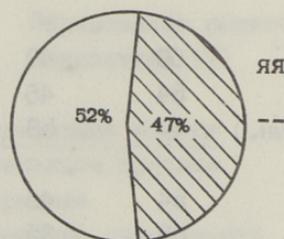
Важнейшим результатом данного исследования является корреляция между типологиями семейного образа жизни и стиля жизни подростков (см. рис. 3). В семьях, для которых характерен "семейно-центр." образ жизни, 70 % подростков из первой группы. Подростки этой группы в целом на 60 % оказались семейно-центрированными. Аналогично коррелировали "я-центрированный" тип и вторая группа подростков. Как видно, стиль жизни подростков детерминирован образом жизни семьи. "Семейно-центр." образ жизни "производит" больше других стиль жизни первого типа (хорошая успеваемость в школе, ориентации на самообразование и т.п.)

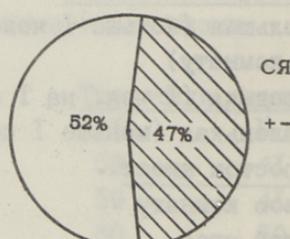
1. Тип образа жизни, где и родители и дети семейно-центрированные

2. Тип образа жизни, где родители я-центрированные, а подростки семейно-центрированные

3. Тип образа жизни, где и родители и подростки я-центрированные

4. Тип образа жизни, где родители семейно-центрированные, а подростки я-центрированные

I группа подростков

II группа подростков

Рис. 3. Соответственность типологии семейного образа жизни и типологии стиля жизни подростков.

Результат о том, что воспроизводство микроклимата действует в пределах 50 %, подтверждает, что между поколениями развиты и функциональные "связи использования" [3] друг друга в качестве элементов среды. Предполагается, что сама среда, куда, таким образом, относится родительское поколение, имеет достаточно развитое органическое строение, т.е. служит системой органов развития субъекта социализации (подростков). Поэтому среда не есть фактор воздействия, а фактор взаимодействия субъекта и объекта социализации. Если семейная среда "напряженная", оценки родителей и детей не коррелируют, тогда место семьи могут занять формы других общностей. Не все среды одинаково благоприятны для социализации, поэтому сознательное совершенствование жилой среды заслуживает возрастающего внимания.

Л и т е р а т у р а

1. Я д о в В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. - М., 1975. - С. 92-96.
2. А с м о л о в А.Г. Деятельность и установка. - МГУ, 1979.
3. М и х а й л о в Д., П а а д а м К., М ю л л а Э. Средовое взаимодействие поколений в процессе социализации. // Воспроизводственные процессы города. - Таллин, 1986. - С. 58-59.
4. Я н к о в а З., П о н к р а т о в а М. Функции современной советской семьи // Семья сегодня. - М., 1979. - С. 17-27.
5. М о о с R. Family Environment Scale Form R. Palo Alto, ca: Consulting Press 1974.
6. M i c h e l s o n W., G a r l a n d K. The differential role of crowded homes and dense residential areas in the incidence of selected symptoms of human pathology: Unpublished manuscript. - University of Toronto, 1974.

Towards the Formation of Dispositional Structure
of Adolescent's Personality in Urban Environment

Abstract

In the present article the process of socialization in urban environment is discussed at some length from the aspect of dispositional structure of personality.

According to Yadov's disposition-theory, the model of a socializing subject is based on hierarchic system of social attitudes including situational attitudes, basic social attitudes and value-orientations. This conception is used as the instrument of our study, basing on the research results concerning families of the city Tallinn.

The interrelationships between the environment and social behavior are analyzed in this paper. The differentiation of socio-physical environment of Tallinn is accompanied by the differences in way of life. The relationships between family social climate characteristics and adolescents personality structure formation in different urban districts are investigated. The teenagers and their parents are studied by the Family Environment Scale (FES).

Results of the empiric analysis indicate, that significant variances in adolescent behavior were attributed to family way of life functioning and this interrelationship is differentiated by environmental factors.

Редколлегия: Д. Михайлов
К. Паадам
М. Павельсон

ТАЛЛИНСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Труды ТПИ № 649

ГОРОД И РЕГИОН: ВОСПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Труды экономического факультета LXIV

На русском языке

Отв. ред. М. Рандвээр

Техн. ред. М. Тамме

Сборник утвержден коллегией Трудов ТПИ 02.12.87 г.

Подписано к печати 07.01.88. МВ-01605. Формат 80x90/16

Печ. л. 9,75 + 0,25 прилож. Уч.-изд. л. 8,2. Тираж 500

Зак. № 34. Цена 1 руб. 20 коп.

Таллинский политехнический институт, 200108, Таллин, Эхитаяте тее, 5
Ротэпринт ТПИ, 200006, Таллин, ул. Коскла, 2/9

2

руб. 1.20